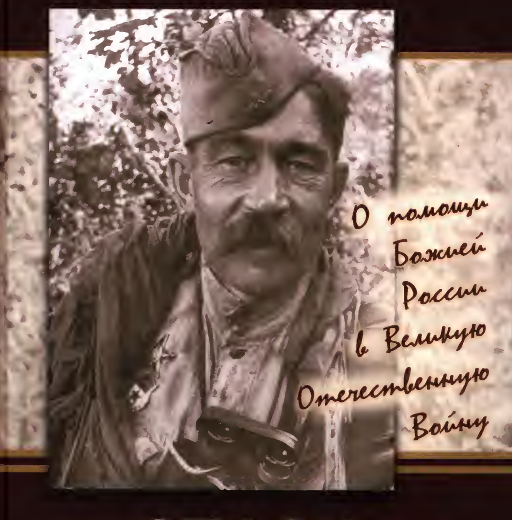

СПАСИ И СОХРАНИ

Послушай, Бог ... Еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.

Ты знаешь ... с детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя ... и я, дурак, поверил.
Твои я никогда не созерцал творения,
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной;
Я понял вдруг, любуяся мерцанием,
Каким жестоким может быть обман.

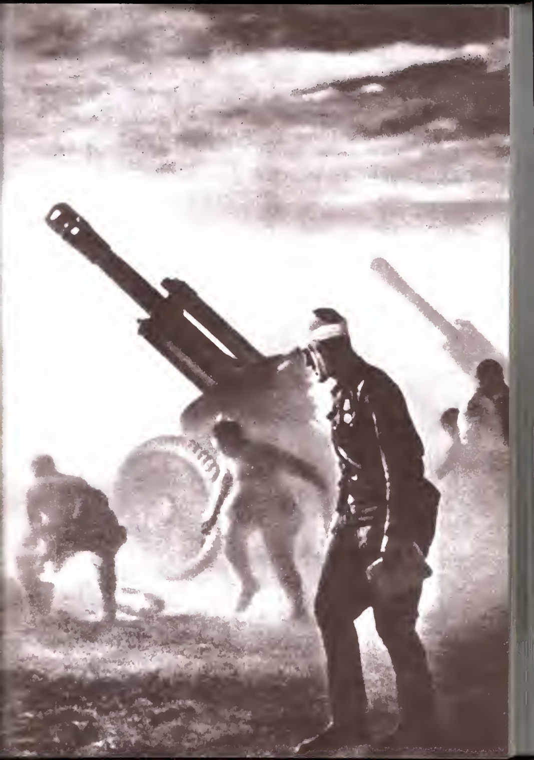
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку?
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь.
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя.
А кроме этого, мне нечего сказать.
Вот только, что я рад, что я Тебя узнал ...

На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно: Ты на нас глядишь.
Сигнал ... Ну что ж, я должен отправляться ...
Мне было хорошо с Тобой ... Еще хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.

И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но ... кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
Со мной случилось то, что ныне я прозрел,

Прощай, мой Бог ... иду ... и вряд ли уж вернусь.
Как странно, — но теперь я смерти не боюсь.

Александр Зацепа, 1944 г.
(стихи, найденные в кармане убитого солдата)

СПАС ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ

Этой иконой благословили
11 сентября 1942 года генерала А.И. Родимцева

СПАСИ И СОХРАНИ

СВИДЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ О МИЛОСТИ И ПОМОЩИ БОЖИЕЙ РОССИИ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Автор-составитель
Андрей Фарберов

«Ковчег»
Москва
2010

По благословению
высокопреосвященного Сергия,
архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Одобрено Синодальным Отделом
Московского Патриархата по взаимодействию
с Вооруженными силами и правоохранительными
учреждениями

Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. Автор-составитель Фарберов А. И. 3 изд. доп. — М.: «Ковчег», 2010. — 384 с.

В книгу вошли рассказы и свидетельства очевидцев о милости и заступничестве Божием, Пресвятой Богородицы и святых угодников Божиих за Россию, особенно — за ее многострадальный русский народ в годы Великой Отечественной войны. Свидетельства эти имеют непреходящее духовно-поучительное значение и в наши смутные дни.

Тексты приводятся в редакции автора-составителя.

ISBN 5-98317-080-5

В книге приведены фотографии, любезно предоставленные автору из личных коллекций Атрашкевич Н. Ф., семьи Бутыриных, Василевского И. А., Воронова И. В., семьи Голубевых, Жирновой В. В., Казаковой С. П., Ковтун В. Н., Кравченко В. И., Крыжановской Г. С., Малиновской Н. Р., монахини Софии (Ошариной), монахини Адрианы (Малышевой), Родимцевой Н. А., Смирнова С. В., Ходаковской О. И., Чуйкова А. В., а также из Волгоградского Государственного музея-панорамы «Сталинградская битва».

Военный консультант —
полковник Иван Александрович Шляев,
ветеран Великой Отечественной войны,
участник боев легендарной 13-й гвардейской дивизии.

На первой странице обложки:
разведчик старшина А. Г. Фродченко. Курская дуга. 1943 год.
Фото Я. Рюмкина

СОДЕРЖАНИЕ

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

МОЛИТВЫ ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНА

Памяти дорогого мне человека —
участника Сталинградской битвы
Ильи Ивановича Штефана посвящается

К ЧИТАТЕЛЯМ

В этой книге собраны некоторые свидетельства ныне живущих очевидцев — участников боев на фронтах Великой Отечественной войны, а также членов семей и близких тех ветеранов, которых уже нет в живых, — о милости Божией к России в период войны 1941—1945 годов с нацистской Германией и ее союзниками. Все записанные автором рассказы даны без каких-либо ссылок. Кроме них, приведены с соответствующими ссылками отдельные свидетельства, опубликованные ранее в различных изданиях. Когда представлялась возможность, описанные в них случаи уточнялись и дополнялись.

То, что происходило с людьми в духовном плане во время Великой Отечественной войны, в виде специальных трудов или сборников воспоминаний очевидцев не опубликовано. Во время Первой мировой войны (ее еще называли в то время — Великой войной или Второй Отечественной после войны 1812 года), в ходе Русско-японской войны 1904—1905 годов, все слу-

чаи, свидетельствующие о помощи Божией русским воинам, подробно документировались военным духовенством. Многое было потом опубликовано. В Великую Отечественную войну полковых священников и флотского духовенства просто не существовало. Поэтому память о духовном подвиге народа сохранилась, в основном, в семьях очевидцев, в архивах, до сих пор сторожащих многие «тайны», в преданиях.

Эта тема неоднократно поднималась в печати, но она неисчерпаема. Предмет нашего внимания — рассказы очевидцев событий военных лет, их родных и близких, сослуживцев.

Когда работа над книгой только начиналась, на этот бесценный источник народной памяти о войне указал автору митрополит Питирим (Нечаев). Из беседы в Иосифо-Волоцком монастыре особенно запомнилась произнесенная им знаменательная фраза: «Белые платочки отмолили Россию».

Время сделало свой отбор. Оно потребовало сказать о войне то, что пока звучало разрозненно и, можно сказать, приглушенно. Вековая правда состоит в том, что Господь, бесконечно любящий чад Своих и долго терпящий творимые ими беззакония, попускает несчастья, беды людям или целым народам для вразумления их. Так было и на этот раз в России, где почти четверть века власть пыталась построить безбожное общество. И в обрушившихся на нашу

страну жесточайших испытаниях, в самой нечеловеческой обстановке взвешивались тогда духовная ценность, духовное здоровье каждого человека и всей нации в целом.

Не претендуя на обобщения, автор стремился изложить отдельные истории, которые, с его точки зрения, могут помочь составить в будущем масштабную картину происходившего и выявить в ней главное. В книге рассказывается о той помощи, которая посылалась людям в ответ на их молитвы к Господу, Богородице и святым угодникам Божиим. Место событий — передовая, тыл, территория, оккупированная захватчиками.

То, что случилось в те годы с Россией, было дано народу и Церкви как страшное испытание. Но не только война была ниспослана нам как возможность для пересмотра всего нашего прошлого и для очищения. Именно тогда, в годы жесточайших битв, страданий, потерь и разрушений, на нашей земле началось «воскресение» Православной Церкви, народ стал возвращаться к вере Христовой. Часто, будучи на краю гибели, люди, забывшие веру отцов, атеисты и даже гонители веры, начинали, как благочестивый разбойник на кресте, взывать к Богу.

Сегодня, в наши смутные дни, для ясного взгляда вперед, есть смысл обратиться к годам войны — времени высшего напряжения всех сил народа и, прежде всего, его духовных сил. Чтобы

понять его, нужны достоверные, не выдуманные знания происходившего в духовной сфере в период этой жесточайшей битвы, где решалась судьба нашей страны и нашего народа.

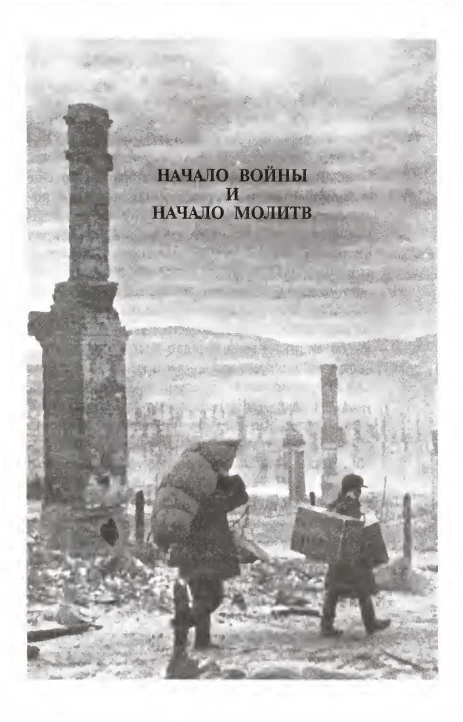
Что помогло выстоять России в той войне, сохранить и возродить веру православную — разве не мужество воинов на поле брани, пролитая кровь защитников Отечества, подвиг народа в тылу, отвага партизан?

Их подвиг бессмертен.

Преклоним главы наши перед вечной памятью всех павших в той войне за землю русскую.

Будем помнить, что во всех многочисленных войнах России против захватчиков за свою свободу во все века русские люди — от рядового до фельдмаршала и Государя — всегда молитвенно обращались за помощью к Богу, чтобы Он «победу на сопротивныя даровал».

НАЧАЛО ВОЙНЫ И НАЧАЛО МОЛИТВ

Велико коварство наших врагов, но еще могущественнее ограждающая человека помощь Божия.

Преподобный Ефрем Сирин

НАКАЗАНИЕ БОЖИЕ

Чьим заступничеством была шестьдесят лет назад спасена Россия? Кто, где и как молился в то время за наше Отечество? Какие неоспоримые явления милости Божией были явлены людям во время войны, жертвами которой стали миллионы людей? Ответы на эти вопросы из близкого к нам грозного времени до сих пор во всей полноте не преданы гласности. В то же время они могут помочь любому человеку правильно понять непреложный закон бытия нашего народа. А он состоит в том, что за нравственное одичание, преступления против Закона Божия грядет вразумление от Господа, за покаяние и обращение вновь к Богу — помилование и благоденствие.

Отход от Православия в России начался еще задолго до революции 1917 года.

Святитель Феофан Затворник — одним из первых среди духовных пастырей России с глубочайшей скорбью отмечал еще во второй половине XIX века отпадение по хитрому и льстивому наущению врага лукавого наивно-доверчивых русских людей от веры отцов и отравление их душ материализмом, неверием и безбожием.

В одном из своих писем он писал[1]: «...Матерь Божия отвратилась от нас: ради Ея и Сын Божий, а Его ради, Бог Отец и Дух Божий. Кто же за нас, когда Бог против нас?! Увы!»

Великий всероссийский пастырь, святой праведный Иоанн Кронштадтский, незадолго до постигшей русскую землю катастрофы революции 1917 года, взывал в 1906 году[2]: «Обратись к Богу, Россия, согрешившая пред ним больше, тягчее всех народов земных — обратись в плаче и слезах, в вере и добродетели. Больше всех ты согрешила, ибо имела и имеешь у себя неоцененное жизненное сокровище — ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ с Церковью спасающей, и попрала, оплевала ее в лице твоих гордых и лукавых сынов и дщерей, мнящих себя образованными, но истинное образование, то есть по образу Божию, без Церкви быть не может».

Но все же Пречистая Матерь Божия не до конца отняла за богоотступничество у русского народа покров Свой. В день подписания Императором Николаем II текста отречения чудесно явилась в селе Коломенском икона Божией Матери «Державная». На ней Царица небесная держит в одной руке скипетр, а в другой — державу. Считается, что Богородица Сама взяла в Свои руки верховную царскую власть в России, когда обезумевшие русские люди отвергли своего Государя — помазанника Божия. И во времена богоборческого большевизма, почти четверть века перед войной терзавшего

русскую землю, Богородица хранила под Своим покровом праведников, о числе которых один Господь ведает.

Нашествие нацистской Германии на нашу землю открыло миру, что, несмотря на отпадение от веры отцов значительной части народа, вопреки всему, Православие жило потаенно в сердцах многих советских людей.

И НАЧАЛИ ЛЮДИ МОЛИТЬСЯ...

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны журнал «Безбожник» писал: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг Церкви в деле развития подлинного патриотизма»[3]. Гонения на Русскую Православную Церковь к этому времени достигли таких масштабов, что само ее существование казалось проблематичным. Почти все архиереи были изолированы от своей паствы — пребывали в тюрьмах, лагерях, в ссылке, либо были убиты, замучены. Шла безбожная пятилетка. Народ в значительной части своей оставил веру отцов.

Но уже первые дни и недели войны, и тем более весь последующий ее ход, показали, что Россия оживает духовно. И, наверное, враги нашего Отечества сами подписали себе приговор, напав на нас 22 июня 1941 года — в день Всех святых, в земле Российской просиявших.

Церковь земная тогда объединилась с Церковью небесной в молитве перед престолом Божиим о спасении России.

Первые слова митрополита Сергия (Страгородского) после литургии в Богоявленском соборе 22 июня 1941 года были об особой заботе Богородицы о земле русской. По свидетельству его келейника, митрополит Сергий воскликнул тогда: **«Господь милостив, и покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней заступницы русской земли, поможет нашему народу пережить годину тяжелых испытаний и победоносно завершить войну»**[4]. Эти слова он неоднократно повторял во время войны. В первой своей проповеди, произнесенной тут же, Местоблюститель Патриаршего Престола обратился к православным истокам русского патриотизма: «<...> Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти, и по вере. <...> Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. <...> Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и

предстоящий всенародный подвиг. <...> Господь нам дарует победу».

В тот же день он собственноручно напечатал на пишущей машинке текст послания к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», который был разослан по приходам. Их оставалось по всей стране немного к началу войны. Народ верующий повалил в еще действовавшие храмы.

В храмах стали служить особый молебен, текст которого впоследствии именовался «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в Отечественную войну 1941—1945 гг.»[5].

МОЛЕБЕН
в нашествии
супостатов,
певаемый в Русской Православной Церкви в Отечественную войну 1941–1945 г.

Начало «Молебна в нашествии супостатов...»

А вскоре зазвучала величественная и грозная в своей неколебимой вере в победу песня «Священная война», ставшая гимном народа в Великую Отечественную.

Первой исполнительницей песни «Священная война» была одна из групп Ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР, руководимая дирижером и композитором Александром Васильевичем Александровым, временно остававшаяся в 1941 году в Москве. Александров родился в 1883 году в деревне Плахино Рязанской губернии. Закончил в 1900 году

Священная война

...
Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!
...

регентский класс Петербургской придворной певческой капеллы и был многие годы регентом церковного хора. В своей неопубликованной

статье «Как вошла в мою жизнь композитора Отечественная война» генерал-майор Александров впоследствии писал[6]: «...Когда группа Краснознаменного ансамбля выступала на вокзалах и в других местах перед бойцами, непосредственно идущими на фронт, то эту песню всегда слушали стоя, с каким-то особым порывом, **святым настроением**, и не только бойцы, но и мы — исполнители нередко плакали...»

Во время служб в чин Божественной литургии вводились специальные молитвы о даровании победы над иноземными захватчиками. В церквях к престолу Божию с началом войны стала возноситься практически та же молитва, которая была составлена сто тридцать лет назад — в 1812 году при нашествии полчищ Наполеона на Россию — «Господи Боже сил, Боже спасения нашего <...> востани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити...»[7].

В 1941 году, как и в 1812 году, прикрываемый и оправдываемый именем Бога, поход был фактически вторжением из Европы «двунадесяти языков» на землю Святой Руси. Образ Святой Православной Руси прикровенно хранился в глубинах народного сознания.

Но не разрушен был храм во многих душах человеческих. Государственные богоборцы Римской империи недаром так боялись Христа. Он был невидим, а в Него верили! Как его разрушить? Так произошло и с Русской Православ-

ной Церковью — большинство храмов закрыто или порушено, все монастыри закрыты, а началась война — и вера ожила в сердцах людей. Чем было утешиться, где обрести надежду, найти единение с убитым близким? И народ пошел в церковь. Открытых церквей было очень мало в огромной стране, и многие люди стали молиться дома за своих родных и близких, ушедших на фронт, попавших под немцев, пропавших без вести... Без веры пережить беду войны было бы намного труднее. Как писал поэт А. Майков в XIX веке: «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог».

В публикации писателя, а ныне священника отца Николая Булгакова, приводятся воспоминания очевидцев о том, что «с первых же дней Великой Отечественной войны среди москвичей появилась такая молитва: «Господи Боже наш! Тебе вручаем мы в сию тяжелую годину судьбы наши и на Тебя возлагаем надежду нашу. Призри на нас с небесной высоты Своей. Простри нам Твою мощную благодеющую руку и изведи из глубины постигшаго нас бедствия, дабы мы вечно прославляли Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». И затем — псалом 120. Отец Николай пишет: «Те, кто так молился, внося свой вклад в общий молитвенный подвиг нашего народа в ту войну, тем самым завещали своим потомкам **ЗА ВЫМОЛЕННУЮ У ГОСПОДА ПОБЕДУ ВЕЧНО ПРОСЛАВЛЯТЬ В ТРОИЦЕ СЛАВИМОГО БОГА»**[8].

В городах и селениях России молились священники и монахи за наших воинов и победу над захватчиками. Широко известны молитвы во время войны иеросхимонаха Серафима (Муравьева), проживавшего в то время под Ленинградом в поселке Вырица[9]. В 1941 году ему было уже семьдесят шесть лет. Болезнь к этому времени практически не позволяла ему передвигаться без посторонней помощи. Если его здоровье улучшалось, то его выводили, а иногда и выносили в сад для молитвы перед чтимым им образом его небесного покровителя. Это была икона, изображавшая Саровского чудотворца, коленопреклоненно стоящего перед образом Пресвятой Богородицы «Умиление», которую батюшка Серафим привез еще с Саровских торжеств в 1904 году.

Он часто повторял: «Один молитвенник за страну может спасти все города и веси...» Икона, перед которой он молился, начиная еще с 1935 года, была укрепляема на яблоньке, что росла у гранитного валуна. На нем батюшка и стоял на своих больных коленках, молясь иногда час, иногда больше. Моление на камне — это был высший молитвенный подвиг батюшки. Сущность этого делания раскрыта в житии преподобного Серафима Саровского: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

Вырица была занята немцами, но в ней была расквартирована воинская часть их союзников — румын. Они оказались православными,

да еще понимающими по-русски. В храм, закрытый в 1938 году, но, слава Богу, не разоренный, снова пошли люди. Прихожане сначала косились на солдат в немецкой военной форме, но, видя, как румыны молятся и соблюдают чин службы, постепенно смирились. Так и действовал храм в прифронтовой полосе с таким необычным составом прихожан.

Вблизи Вырицы был создан немцами в сентябре 1942 года лагерь принудительного труда для детей[10]. Он просуществовал до конца 1943 года. Уцелевшие лагерные дети до сих пор помнят о молитвеннике иеросхимонахе Серафиме Вырицком. «Для каждого он находил утешительное слово, а плохого старался не говорить, чтобы не огорчить, — рассказывает бывшая узница Н. Зеленина. — Он лежал на своей кроватке в маленькой келье. Наша бабушка училась в епархиальном училище и пела в церковном хоре. Она положила на музыку стихи батюшки „Пройдет гроза над нашею землею...", написанные им в 1942 году, а мы ему их пропели. Он улыбался, видно было, что остался доволен и пением, и нашим приходом. Не было у него других радостей, — ведь он лежал все время и молился. Жил скромно. Ел мало, все время постился. Если ему что приносили в то голодное время, чтобы его поддержать, тут же отдавал нам, детям, или другим людям. Мы были у него несколько раз. Рассказывал он нам и о своей жизни, и о поездках за границу, о встречах с людьми. Это было от-

крытие мира, ведь мы, дети, ничего и ни о чем не знали. Батюшка очень много повидал, знал и, наверно, хотел вернуть детей к мыслям из обычной жизни и старался просветить, помочь».

Помогал он, видимо, не раз, но в архиве сохранилась лишь небольшая записочка — «акт» приема вещей от 7 июня 1943 года: «Принято от батюшки Серафима: штанишек — четыре штуки, маек — одна, одеяло ватное — одно, матрас детский — один...» Записка написана химическим карандашом на клочке оберточной бумаги, так оформлялись все документы того военного времени: на обороте немецких листовок, на листках из ученических тетрадок...

Вспоминая старца, узник этого лагеря Виктор Семенов называл его «святой человек, ведь не ел, а молился». Таким он казался совсем невоцерковленным мальчишкам и девчонкам, вселяя в них тогда спокойствие и надежду. Конечно, не все ребята из лагеря смогли побывать у батюшки Серафима, далеко не всем дано было его увидеть. Не всех отпускали и в церковь. Но по его молитвам спасены были многие. Старец вдохновлял приходивших к нему людей, твердо говоря, что Господь обязательно дарует русскому народу победу, если тот укрепится в вере своих отцов[11].

В Свято-Ильинском кафедральном соборе города Архангельска служил в те годы монах с таким же именем — игумен Серафим (Шинка-

рев), бывший до того монахом Троице-Сергиевой лавры. По воспоминаниям очевидцев[12], «он часто оставался по нескольку дней в храме, проводя ночи в молитве. Уже тогда некоторые из духовных чад старца замечали его прозорливость. Запомнили такой момент. Состояние дел на фронте было самое критическое, надежды на лучшее уже не оставалось. Люди были подавлены. Отец Серафим не позволял унывать: „Молитесь, молитесь. Скоро прогонят эту нечисть". Через несколько дней пророческие слова сбылись... Когда окончилась война, архимандрит Серафим — первый из братии вновь открытой Троице-Сергиевой лавры и старейший насельник этой святой обители».

В начале войны некоторые, на первых порах, немцев воспринимали как внешних освободителей от внутреннего врага. Достаточно четко мысль о предстоящем огненном очищении духа народа выразил митрополит Сергий (Страгородский) в своей проповеди в московском кафедральном Богоявленском соборе вечером 26 июня 1941 года: «...Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступившая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной...»[13]. И там же набатом прозвучали его слова: «...Родина наша в опасности, и она созывает нас: „Все в ряды, все на защиту родной земли, ее исторических свя-

тынь, ее независимости от чужестранного порабощения". Позор всякому, кто бы он ни был, кто останется равнодушным к такому призыву». Их потом взяла на вооружение коммунистическая власть.

Через десять дней после начала войны и выступления Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, 3 июля 1941 года, люди по радио совершенно неожиданно услышали знаменитое христианское и совсем не коммунистическое обращение к народу Иосифа Сталина — «Братья и сестры!.. К Вам обращаюсь я, друзья мои!». Люди, жившие почти четверть века при безбожной власти, многие вновь почувствовали себя братьями и сестрами во Христе. Шла война, и эти неожиданные, знакомые всем верующим людям слова позволили им взглянуть на все случившееся из иного времени. Многие вспомнили, как эти слова произносили, обращаясь к пастве, священнослужители в храмах и монастырях.

В своем послании к верующим, в день памяти преподобного Феодора Студита 11 (24) ноября 1941 года, митрополит Сергий (Страгородский) вместе с митрополитом Николаем (Ярушевичем) и архиепископами Андреем Куйбышевским, Сергием Можайским и Иоанном Ульяновским выразился ясно по поводу сущности гитлеризма. В это время стал очевиден нараставший процесс массового открытия церквей на оккупированной немцами территории

СССР по инициативе и при непосредственном участии народа[14]: <...> «Гитлеровский Молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч на „защиту религии“ и „спасения“ якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех порабощенных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить его сатанинскую власть над всей землей». Читающим тогда эти слова должно было быть ясно, что они относятся ко всем гонителям Христианской веры.

ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Известие о начале войны с СССР вызвало противоречивые чувства у миллионов русских людей, пребывавших в вынужденной эмиграции, в том числе и у священнослужителей. В первые дни немецкого вторжения некоторые архиереи и священники Русской Православной Церкви за границей в своих статьях и воззваниях горячо приветствовали поход вермахта на Восток. Некоторые из них явно считали Третий рейх меньшим злом, чем безбожный коммуни-

стический режим, и надеялись на пробуждение духовных сил русского народа.

Ясная и трезвая отповедь тем, кто придерживался подобных взглядов, еще задолго до начала войны — в 1938 году — дана была во Франции верующим русским человеком — генералом Антоном Ивановичем Деникиным, возглавлявшим в свое время Белое движение[15]: «Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем, а тем, которые в добросовестном заблуждении собираются в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному. В сделках с совестью в таких вопросах двигателями служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. Отчаяние — о судьбах России. И прольете вы не „чекистскую", а просто русскую кровь — свою и своих, напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления».

В том же 1938 году, находясь в Германии, другой патриот России — Иван Лукьянович Солоневич — в своем меморандуме, адресованном Гитлеру, писал[16]: «Воевать против русского народа — это значит, что вы будете идти до Владивостока, и на пути каждый куст будет стрелять. И на каждом мосту придется остав-

лять часовых. А конец будет — наполеоновский».

Среди высказываний лиц духовного звания наиболее известными позднее стали слова владыки Иоанна (Шаховского): «Человеконенавистническая доктрина Маркса, вошедшая в мир войной, войной и исходит. „Я тебя породил, я тебя и убью“, — кричит сейчас война большевизму. <...> Промысл избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение... Сверх человеческого действует меч Господень». В августе 1945 года он так, в частности, прокомментировал текст этой статьи 1941 года: «...Ничего прогерманского она [статья] не имела и говорила только о том, что „взятие немцами оружия“, по пророчеству отца Аристоклия[17], есть начало духовного спасения России... Это ободряющее пророчество я и привел в своей статье. <...> Немецкий народ все же был призван промыслом, стать хирургом, вернее хирургическим ножом для русского народа, ножом, взрезающим гнойную пленку на глазах русской души...»[18].

Следует отметить, что в мартовские дни 1917 года старец иеросхимонах Аристоклий (Амвросиев) говорил, что начался суд Божий над живыми, и не останется ни одной страны на земле, ни одного человека, которого это не коснется. Начало — в России, а потом дальше. При этом он повторял своему духовному чаду: «Толь-

ко не бойся ничего, не бойся. Господь будет являть Свою чудесную милость». В 1918 году, незадолго до своей кончины, когда еще не закончилась русско-германская война, он сказал: «А еще и другая будет... Только ты не радуйся еще. Многие русские подумают, что немцы избавят Россию от большевистской власти, но это не так. Немцы, правда, войдут в Россию и много что сделают, но они уйдут, так как еще не время будет спасения. Это будет потом, потом». Иеросхимонах Аристоклий не произносил слов о том, что немцы спасут Россию. Он говорил о том, «что Германия понесет свою кару в своей земле, будет разделена»[19].

Многие молились за спасение России за ее пределами. Так, например, звучал фрагмент постановления от 22 июня 1941 года духовного собора монастыря преподобного Иова Почаевского в восточной Словакии (село Ладомирова-Владимирова):

«...*Слушали сообщение о начавшихся военных действиях между Германией и СССР, в связи с чем, в этот день был совершен молебен всем святым земли Русской об избавлении ее от безбожного обстояния.*

Постановили: всем братством присутствовать на следующий день на утрени и литургии, оставить образы русских святых в церкви на все время войны и во все это время совершать перед ними ежедневно молебен Спасителю, Божией Матери и всем русским святым;

всем мантийным монахам ежедневно творить по 25 поклонов с молитвой: "Господи Иисусе Христе, спаси Россию и воскреси святую Православную Русь" в конце иноческих служб петь: „Все святые земли Русския, молите Бога о нас" [20].

Сохранилось вдохновенное слово, произнесенное в Шанхае 23 июня 1941 года после литургии епископом Иоанном (Максимовичем), потомком святителя Иоанна, митрополита Тобольского, Сибирского чудотворца, в день Ангела своего великого предка. Шел второй день Великой Отечественной войны, и сказанное епископом Иоанном, обладавшим даром чудотворения и прозорливости[21], звучит и ныне как пророчество[22]: «Сегодня исполняется двадцать пять лет с тех пор, как Церковь открыто прославляет и призывает, как прославленного угодника Божия, святителя Тобольского Иоанна, которого, как великого праведника и чудотворца, давно уже почитали Сибирь и Чернигов.

<...> Канун Полтавской битвы царь Петр проводил в беседе со святителем Иоанном, бывшим тогда архиепископом Черниговским. Ободряя Царя, святитель Иоанн пророчественно изрек Царю слова Священного Писания: *да предаст тебе Господь Бог враги твоя, сопротивящияся тебе, сокрушены пред лицем твоим: путем единем изыдут на тя и седмию путьми побежат от лица твоего* (Втор. 28, 7).

Действительно, Полтавская битва закончилась полным поражением неприятеля, принужденного разными путями бежать из России, а для Руси настали дни подъема и славы.

<...> И ныне двадцатипятилетие прославления приходится, когда измученная Русь снова находится на переломе, и русский народ повержен вспять, *спасения ждый Господня* (Быт. 49, 18).

Да осуществится же ныне упование Царя-мученика[23], и Господь Бог, у Которого тысяча лет, как один день, и один день, как тысяча лет, по предстательству святителя Иоанна, да послет нашему Отечеству скорое спасение, возродит его в прежнем его величии, „возвратит пленение людей Своих" и даст плачущим ныне „помазание веселия и украшение славы вместо духа уныния"» (Ис. 61, 3).

В тот же день, 23 июня 1941 года, на противоположном конце материка Евразия, жена генерала Деникина Ксения Васильевна, сидя под арестом в тюрьме у немцев на юге Франции, прислушивалась к тому, что сообщало радио, находившееся в соседнем караульном помещении. Свои впечатления она набросала на клочке бумаги, а впоследствии переписала их в свой дневник:

«23 июня 1941 года

Не миновала Россию чаша сия! <...> немецкие бомбы рвут на части русских людей, про-

клятая немецкая механика давит русские тела, и течет русская кровь... Пожалей, Боже, наш народ, пожалей и помоги!»[24]

В те первые часы и дни германо-советской войны так называемая «правая» русская эмиграция, по словам Ивана Лукьяновича Солоневича, «...сделала самое разумное и самое человечное, что она вообще могла сделать. Она сжала зубы, молчала и молилась...»[25].

БЫЛА НА ТО ГОСПОДНЯ ВОЛЯ — НЕ ОТДАЛИ МОСКВЫ

Руководство СССР быстро осознало имевшиеся в народе, а также в странах антигитлеровской коалиции и в среде русской эмиграции настроения и уже к осени 1941 года свернуло антирелигиозную пропаганду. Журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник», издававшиеся с 20-х годов, закончили свою жизнь в 1941 году. Православные люди, оказавшиеся по обе стороны фронта, постарались максимально воспользоваться дарованной им Богом вынужденной религиозной терпимостью советских и немецких властей. Но вопреки ожиданиям немцев религиозное возрождение на оккупированных территориях было самым тесным образом сопряжено с ростом национального самосознания и патриотизма русских людей. Большинство народа России правильно определило, где наибольшая угроза.

О понимании Русской Православной Церковью в самом начале войны духовной сущности сложившейся ситуации ясно сказал 4 декабря 1941 года в Казанском патриаршем соборе города Ульяновска протоиерей Александр Смирнов: «...Братья и сестры, взирая на Начальника и Совершителя веры нашей, Господа Иисуса Христа, будем умолять Отца Небесного: Господи Вседержителю, Боже отец наших!.. Со всеми своими грехами бросаемся в беспредельный океан Твоего неизреченного милосердия!.. Враги наши явились по Твоему определению, как бы жезлом гнева и бичом негодования Твоего на нас за наши грехи...»[26].

Несомненно понимал суть происходящего и Сталин. Еще в начале сентября 1941 года он доверительно сказал в Москве особому представителю президента США Рузвельта Авереллу Гарриману: «Русские люди сражаются как всегда за свое Отечество, а не за нас»[27], то есть не за большевиков. Сталин, закончивший духовное училище в Гори и многие годы учившийся в Тифлисской духовной семинарии, быстро осознал, что его правительство и большевистская система власти не выстоят под ударами армий вермахта, если только они не будут опираться на поддержку истинно религиозного в своей основе патриотизма русского народа.

Как признавали даже противники И. Сталина, одними из «мотивов, вызвавших восстановление Церкви во время Великой Отечественной войны»[28], могли быть и «личные религиозные

мотивы Сталина: пробуждение в нем страха Божия под влиянием катастрофических неудач, чувства собственного безсилия и непомерной ответственности. Такому движению души могло способствовать воспитание, полученное в детстве от верующей матери, и семинарское прошлое Сталина».

Влияние родителей, а для Сталина это была, конечно, мать, заставляло задумываться... Как вспоминала впоследствии его дочь: «У бабушки были свои принципы — принципы религиозного человека, прожившего строгую, тяжелую, честную и достойную жизнь. Ее твердость, упрямство, ее строгость к себе, ее пуританская мораль, ее суровый мужественный характер — все это перешло к отцу».

«Она была очень набожна, — продолжает С. И. Аллилуева, — и мечтала о том, чтобы ее сын стал священником. Она осталась религиозной до последних своих дней и, когда отец навестил ее, незадолго до ее смерти, сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником...» Он повторял эти ее слова с восхищением. Ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг, — к земной славе, к суете...»[29].

Как опытный политик, Сталин, несомненно, учитывал ставший к осени очевидным процесс восстановления церковной жизни народа на оккупированных немцами территориях. Хорошо известно и то, что он с первых дней войны знакомился с тем, что говорил в своих проповедях и писал в посланиях, обращаясь ко всем

православным людям, митрополит Сергий (Страгородский). Надо понимать, что руководителю страны было известно, сколько в действительности насчитывается в стране верующих. Ведь, несмотря на все усилия богоборцев, данные Всесоюзной переписи населения 1937 года (тогда засекреченные) свидетельствовали — более половины населения СССР (57%) открыто определяли себя как верующие.

Важной вехой на пути сближения позиций Церкви и Государства перед лицом смертельной угрозы, нависшей над Отечеством, стала Божественная литургия в переполненном народом Богоявленском соборе Москвы в день праздника Казанской иконы Богоматери 22 октября (4 ноября) 1941 года. Священники благословили молящихся Казанской иконой Божией Матери, а в своей проповеди митрополит Николай (Ярушевич) властно произнес: **«Мы пройдем через все испытания, и мы под знаменем Богородицы победим врага. С нами Бог, с нами Богородица. Мы молимся о единстве нашего народа. Мы верим, победа придет!»**

Через три дня на параде на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года Сталин в своей речи перед войсками сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков...» — и первым среди них назвал святого благоверного великого князя Александра Невского, общецерковное прославление которого совершилось при митрополите

Макарии на Московском Соборе 1547 года. Формулировки давным-давно прошедших времен вновь пригодились. Они оказались необходимы зимой 1941—1942 года, так же как и семьсот лет тому назад — в 1242 году, когда Александр Невский разгромил немецких рыцарей на Чудском озере. Переживая впечатление тех дней, очевидцы и сейчас говорят о той вере, которая стала укрепляться в народе, когда люди услышали слова Сталина на том параде. Это подняло дух многих...

Прошло чуть меньше месяца после парада на Красной площади, и немцы подошли вплотную к Москве. Ближайшее расстояние их передовых позиций от столицы было менее двадцати километров. Положение было критическим. Вся грандиозная немецкая военная мощь, которая до тех пор почти не знала остановок в своем натиске, сосредоточилась в предельном, судорожном усилии. Немцы уже готовились к своему параду в нашей столице.

В то тревожное время в Казанском патриаршем соборе в Ульяновске, 4 декабря 1941 года, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, после литургии, протоиерей Александр Смирнов говорил о ***нашей*** грядущей победе: «Будем верить, что непременно придет этот день. Он будет началом новой счастливой и радостной жизни для человечества, ибо не напрасно прольется жертвенная кровь наших воинов, не напрасны рубины крови, брызжущей из-под тернового венца на

чело нашей прекрасной многострадальной Родины. Они дадут свои великие исторические последствия. <...> Мы верим, что терновый венец нашей Родины даст эти цветы. <...> Будем верить, что после дней страданий за правду придет и день воскресения этой правды и в нашей стране, и во всем мире».

Священник ясно дал понять, что Церковь молится о воинской победе над врагом внешним и об обретении веры Христовой нашим народом в ходе этой битвы. И молитвы народа нашего к небесной Заступнице земли русской были услышаны. На следующий день после этого великого церковного праздника, 5 декабря, началось сражение за Москву. А 6 декабря, когда Церковь праздновала память святого благоверного великого князя Александра Невского, под ударами наших войск захватчики начали панически отступать.

Те, кто хотят принизить подвиг наших воинов под Москвой, обычно объясняют поражение немцев «внезапно» ударившими небывалыми морозами. Да, они грянули. Но вчитаемся в слова капеллана-католика, служившего в армии итальянцев — немецких союзников[30]: «...Как-то ночью, в час возобновления военных действий, когда машины должны были... ринуться в последнюю атаку на город, немецкие части содрогнулись от ужаса. Внезапный скачок температуры превратил трассы в ледяное бездорожье, пригвоздив к мерзлой почве и людей, и танки. Осознав это, немцы испытали замешательство,

граничащее с ужасом; предпринимались отчаянные, нечеловеческие усилия, чтобы продолжить движение. Все тщетно.

Приказ наступать любой ценой подгонял людей, в нем сосредоточилась мучительная, неудержимая воля...

В ответ — тишина: *колеса не вертятся.*

...Разве не видна рука Божия в том, как внезапно и бесповоротно отказали машины перед лицом тайных сил природы? И почему люди не умеют прозревать этот лик Бога, Который шествует на крыльях бури?»

Победу под Москвой добывали люди, насмерть стоявшие на заснеженных просторах Подмосковья, и те, кто готовил ее в штабах разных уровней.

Единственный военачальник, к которому Сталин при людях во время войны всегда, подчеркнуто, обращался не по фамилии, а по имени-отчеству, был маршал Борис Михайлович Шапошников. Он, бывший полковник Генштаба русской императорской армии, руководил Генеральным штабом Красной Армии в самое тяжелое время — с июля 1941-го по май 1942 года. По свидетельству очевидцев, русский патриот Б. М. Шапошников носил финифтевый образ святителя Николая и каждый день молился: «Господи, спаси Россию и мой народ!» Он, не скрывавший своих религиозных убеждений, часами беседовал со Сталиным, и многие его советы (в том числе одеть войска в старую форму царской армии с золотыми погонами) были приняты.

Именно по его рекомендации на пост начальника Генштаба на смену ему был назначен Александр Михайлович Василевский — штабс-капитан русской императорской армии, выпускник Костромской духовной семинарии, сын священника села Новопокровское Кинешемского района Ивановской области протоиерея Михаила Василевского и дочери псаломщика Надежды Ивановны[31]. По существовавшим до войны классовым «правилам» будущий маршал был вынужден чураться отца и матери... Никто не измерит меру «невидимых миру» страданий, выпавших в связи с этим на долю выдающегося полководца. Сталин, узнав о сложив-

Протоиерей Михаил Василевский
с сыном маршалом А. М. Василевским

шейся ситуации, в беседе с А. М. Василевским в 1940 году сказал ему, чтобы он «немедленно установил связь с родителями, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил об этом (его) разрешении в парторганизацию Генштаба».

Как вспоминал Василевский: «Через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут? Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живет в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына. „А почему бы Вам не взять отца, а может

Памятник морякам-тихоокеанцам 64-й отдельной стрелковой морской бригады, павшим при штурме села Белый Раст в декабре 1941 года

быть, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже", — посоветовал Сталин»[32]. По свидетельству архимандрита Кирилла (Павлова), маршал А. М. Василевский после войны приезжал в Троице-Сергиеву лавру, «он останавливался в гостинице, причащался»[33].

А святитель Николай, которому молился маршал Шапошников, по свидетельствам немцев, действительно помогал русским. Многие из них во время своего бегства из-под Москвы видели грозного «Николу — русского Бога», шедшего впереди стремительно наступавших сибирских дивизий, в которых было изрядное число православных бойцов*.

У села Белый Раст Дмитровского района Московской области находится место одной из первых побед под Москвой в 1941 году. Оно примечательно еще и тем, что созданный в память о тех боях мемориал расположен рядом с сельским храмом, если не сказать на его территории. При наступлении на Москву немцы захватили село, а церковную колокольню использовали для корректировки артиллерийского огня по нашим позициям. Сотни молодых матросов-дальневосточников 64-й отдельной стрелковой морской бригады полегли в битве за эту высоту, чтобы победить около трех десятков немцев и открыть путь русской армии к победе под Москвой. И высотой этой был небольшой сельский храм.

* По свидетельствам немецких военнопленных.

Отсюда немцы держали под прицелом участки Октябрьской и Савеловской железных дорог и три шоссе. Во время боев за Белый Раст, длившихся пять дней — с 3 по 7 декабря 1941 года, село переходило из рук в руки. Наконец, моряки при поддержке танкистов 24-й танковой бригады сломили сопротивление противника и гнали его без перерыва 13 дней, продвинувшись вперед на 130 километров[34].

Интересна история села и храма. Это место изначально носило название «Белые росы», и не случайно. Часто в низине около поселения собирался густой белый туман, и выпадала роса, отчего и произошло такое название. А впоследствии по ошибке переписчика и в результате других исправлений пришли к последнему именованию села — Белый Раст.

Если говорить о храме, то воистину «дивны дела Божии на всяком месте владычествия Его». Во время Великой Отечественной войны храм горел. Вся утварь, все предметы храма сгорели дотла, и лишь один предмет пламя не тронуло — аналойная иконка Архистратига Божия Михаила — начальника воинства небесного и покровителя воинства земного. На этой иконке изображено его чудо в Хонех. По рассказам сельчан, во время пожара икона упала «лицом» на пол, и бархат, которым была обита ее обратная сторона, не загорелся, что по сей день свидетельствует об этом чуде. Поэтому и было при открытии храма принято решение освятить его в честь того святого,

чья икона единственно сохранилась после пожара.

Удивительна была крепость веры сельчан. Когда в селе узнали о решении богоборцев разрушить храм Христа Спасителя в Москве, утварь которого уже разбиралась в то время, батюшка и боголюбивые жители приняли решение сохранить хотя бы один фрагмент храма. Несмотря на страшный голод в те годы, они большую часть своего урожая пшеницы отвезли в Москву, продали, а на вырученные деньги под видом камня выкупили часть мраморного иконостаса. Храм не закрывался, и службы в нем шли, как вспоминают старожилы, вплоть до подхода немцев в 1941 году. Мраморный иконостас и по сей день украшает сельский храм Белого Раста, являя собой глубину веры простого русского народа.

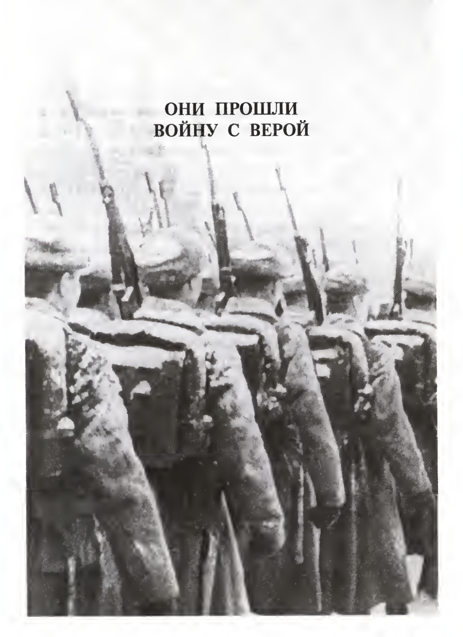
Можно увидеть связь ратного подвига русского воинства в битве за Белый Раст с благодатию Христовой, если вспомнить, что храм Христа Спасителя был возведен в память о победе над полчищами Наполеона в Отечественную войну 1812 года. В 1941 году была на то Господня воля — не отдали Москву.

Религиозный подъем в народе после 22 июня 1941 года фиксировали не только представители власти, сотрудники НКВД и военные, но и немецкая агентура в СССР. В донесении штаба полиции безопасности и СД в Берлин о положении в Москве в конце 1941-го — начале 1942 года, в частности, сообщалось: «...В после-

дние месяцы советское правительство все больше ограничивало мероприятия, враждебные церкви. Недавно даже было объявлено о свободе церкви. Все сохранившиеся храмы были открыты, их посещает много народа. Регулярно проводятся богослужения, в которых звучат молитвы о свободе русской земли»[35].

В храмах не только стали возноситься молитвы о спасении Отечества, но и начался сбор необходимого бойцам на фронте. В воспоминаниях очевидцев часто говорится о рукавицах, носках, теплой одежде, полушубках, которые люди понесли в *церкви* для отправки бойцам в действующую армию. Как вспоминает ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке Иван Александрович Шляев: «Если теплые вещи для бойцов в ноябре — декабре 1941 года собирали в других местах, например в красных уголках предприятий, организаций, то, как правило, потом, перед отправкой на фронт, несли освящать в ближайшую церковь. Не только вещи для фронтовиков, но и денежные пожертвования на оборону страны несли в основном в храмы. И не только верующие, но и *атеисты*, поскольку многие люди Церкви доверяли больше, чем государственным структурам».

ОНИ ПРОШЛИ ВОЙНУ С ВЕРОЙ

Хотя бы мы уже не имели никакой надежды на спасение, но если Богу будет угодно... помощь Божия доставит нам все.

Святитель Иоанн Златоуст

УБЕЖДЕНИЯ РАЗНЫЕ, А РОДИНА ОДНА

Вспоминает участник Великой Отечественной войны, настоятель церкви иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» на заводе НАТИ в Санкт-Петербурге митрофорный протоиерей Иоанн Миронов[36]: «В действующую армию я был призван в 1944 году. Тогда мне еще не было и восемнадцати лет. Конечно же, нас, вчерашних мальчишек, сразу никто в бой не послал. Новобранцев вначале обучили всем солдатским премудростям и только после этого отправили в боевые части. Воевать довелось в тяжелой артиллерии. Для семнадцатилетних мальчишек это было суровое испытание.

В окопах на боевых позициях были люди разных убеждений. У одних были партийные и комсомольские билеты, у других — православные нательные крестики, но все они были братьями во Христе, и цель у них была одна — освободить от врага родную землю. К вере я пришел не на войне. Родился я на Псковщине в русской благочестивой семье. За любовь к Господу Богу она испила чашу страдания со всем православным народом: как представители чуждого классового элемента родители были

отправлены на торфоразработки. С десятилетнего возраста дети ссыльных работали там наравне со взрослыми. Тогда-то я научился ценить все, что Господь мне посылал. Не знаю, как было на других фронтах, но к нам и командиры, и политруки относились хорошо. Они знали: православные солдаты скорее умрут, чем снимут свои нательные крестики.

С тяжелыми боями я прошел всю Прибалтику. А закончился мой боевой путь после капитуляции Курляндской группировки, представлявшей собой бывшую группу армий „Север“».

Участница Сталинградской битвы санинструктор Валентина Васильевна Жирнова. Дорогами войны прошла до Кракова

Сходное впечатление о позиции политруков вынесла и участница Сталинградской битвы санинструктор Валентина Васильевна Жирнова, которая с верой и молитвой прошла дорогами войны от Сталинграда до Кракова: «Во время боев за освобождение Крыма наш госпиталь располагался в Симферополе. Когда начинались бомбежки, мы прятались в вырытые рядом щели. Помню, как наши политруки при этом крестились и молились: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!..“ А я им и говорю: „Так, голубчики! Как немец бомбит, так вы верующие, а как бомбежка кончилась, так и опять Бога нет?!“ А они в ответ мне: „Валя, да ты что? Мы с Богом родились, с ним и умрем!“»

Это было необычное время, когда на фронте одновременно шла пропаганда коммунистических идей и прорастала в защитниках Отечества вера в Бога.

НА ФРОНТЕ И В ХРАМЕ

Воины, верившие с детства, либо уверовавшие на фронте, нередко навсегда связывали свою судьбу после войны со служением Церкви. В каждой епархии после окончания Великой Отечественной войны появилось значительное количество священнослужителей-фронтовиков.

Так было и в Ленинградской епархии.

Когда в 1985 году, к 40-летию Победы, в этой епархии составили список своих здравствующих

священнослужителей — участников Великой Отечественной войны, то их оказалось двадцать три человека! Вот лишь некоторые примеры: викарий епархии архиепископ Мелитон (Соловьев) воевал на фронте в звании лейтенанта; настоятель Александро-Невской церкви в поселке Волосово протоиерей Петр Лебедев, инвалид войны, был награжден орденом Славы 3-й степени; протодиакон Серафимовской церкви Ленинграда Виктор Комаров был старшиной роты в 3-й Ленинградской дивизии; диакон Лужского собора Николай Одар-Боярский защищал Ленинград в звании гвардии старшины; протоиерей Никольской Большеохтинской церкви Виктор Сашин служил младшим лейтенантом, был ранен[37].

К сожалению, почти не сохранились воспоминания служивших на Ленинградском фронте священников. Одним из немногих исключений является рассказ московского протоиерея Бориса Пономарева (принявшего сан после войны), который был призван в армию 23 июня 1941 года и сразу попал в Ленинград, где служил около трех лет: «Меня спрашивают, какое ваше самое сильное впечатление от войны? В самое тяжелое время блокады Ленинграда... недалеко от входа (на кладбище) мы увидели девочку лет тринадцати, стоявшую на одном колене. На ней была шапка-ушанка, и вся она была немного занесена снегом, а сзади на санках был труп женщины, умершей от голода,

видимо, мать девочки, которую она не успела похоронить (и замерзла сама). Эта страшная картина потрясла меня на всю жизнь...

В первые дни войны я видел сон — большое изображение иконы Покрова Божией Матери. После этого у меня появилась уверенность в том, что нас защищает Царица Небесная... В 1942 году в Ленинграде (после госпиталя) у меня была возможность побывать в Никольском соборе. В храме в это время читали Часы и находились истощенные голодом люди... Я спросил: «Когда совершает богослужение митрополит Алексий?» Мне ответили, что владыка находится в алтаре... Митрополит Алексий очень милостиво благословил меня и спросил: «Вы, наверное, прислуживали в храме?» Я сказал, что да, и сказал где. Владыка заметил, что хорошо помнит служившего там владыку и его мать. Я дерзнул предложить митрополиту Алексию свою порцию хлеба, а он ответил: «И вам также трудно переносить блокаду и голод. Если можете, передайте матушке-алтарнице». Владыка меня спросил, когда война кончится, буду ли я служить при храме. Я ответил: «Владыка, у меня призвание с детства не оставлять храм». Я положил земной поклон перед престолом, и владыка меня благословил и дал служебную просфору, очень маленькую, размером с пуговицу. После снятия блокады у меня бывали увольнительные, и в будничные дни мне доводилось читать в Никольском соборе

Часы... В первый день Пасхи верующие приносили освящать маленькие кусочки хлеба вместо куличей. Какое было утешение для всех ленинградцев, что в храмах осажденного города ежедневно совершалось богослужение»[38].

Многозначительно и то, что в Сочельник накануне Богоявления 18 января 1943 года наши войска смогли оттеснить противника от Ладоги и проложить железнодорожный путь по насквозь простреливаемому коридору. А в день отдания Богоявления — 27 января 1944 года была окончательно снята блокада города.

С ОПЫТОМ СКОРБЕЙ,
БЕЗ ХУЛЫ И БРАНИ

В своем роде уникальны и поучительны по своей трепетной чистоте воспоминания фронтовика-орденоносца протоиерея Валентина Бирюкова, ныне служащего в городе Бердск Новосибирской епархии. Он родом из алтайского села Колыванского. Ребенком пережил раскулачивание, когда сотни семей были брошены на заведомую погибель в глухую тайгу без всяких средств к жизни. Вчитаемся в его описания фронтовой службы[39]:

«Меня направили в военную школу в Омск, когда началась Великая Отечественная война. Потом — под Ленинград, определили в артиллерию — сначала наводчиком, затем командиром артиллерийского расчета.

Условия на фронте, известно, были тяжелые: ни света, ни воды, ни топлива, ни продуктов питания, ни соли, ни мыла. Правда, много было вшей, и гноя, и грязи, и голода. Зато на войне самая горячая молитва — она прямо к небу летит: *„Господи, спаси!“*

Слава Богу — жив остался, только три раза ранило тяжело. Когда я лежал на операционном столе в ленинградском госпитале, оборудованном в школе, только на Бога надеялся — так худо мне было. Крестцовое стяжение перебито, главная артерия перебита, сухожилие на правой ноге перебито — нога как тряпка — вся синяя, страшная. Я лежу на столе голый, как цыпленок, на мне — один крестик, молчу, только крещусь, а хирург — старый профессор Николай Николаевич Борисов, весь седой, наклонился ко мне и шепчет на ухо:

— Сынок, молись, проси Господа о помощи — я сейчас буду тебе осколочек вытаскивать.

Вытащил два осколка, а третий не смог вытащить (так он у меня в позвоночнике до сих пор и сидит — чугунина в сантиметр величиной). Наутро после операции подошел он ко мне и спрашивает:

— Ну как ты, сынок?

Несколько раз подходил — раны осмотрит, пульс проверит хотя у него столько забот было, что и представить трудно. Случалось, на восьми операционных столах раненые ждали. Вот

так он полюбил меня. Потом солдатики спрашивали:

— Он тебе что — родня?

— А как же, конечно, родня, — отвечаю.

Поразительно, но за месяц с небольшим зажили мои раны, и я снова возвратился в свою батарею. Может, потому, что молодые тогда были...

Опыт терпения скорбей в ссылке, выживания в самых невыносимых условиях пригодился мне в блокадные годы под Ленинградом и в Сестрорецке, на Ладожском побережье. Приходилось траншеи копать — для пушек, для снарядов, блиндажи в пять накатов — из бревен, камней... Только устроим блиндаж, траншеи приготовим, а уж на новое место бежать надо. А где сил для работы взять? Ведь блокада! Есть нечего.

Нынче и не представляет никто, что такое блокада? Это все условия для смерти, только для смерти, а для жизни ничего нет — ни продуктов питания, ни одежды — ничего.

Так мы травой питались — хлеб делали из травы. По ночам косили траву, сушили ее (как для скота). Нашли какую-то мельницу, привозили туда траву в мешках, мололи — вот и получалась травяная мука. Из этой муки пекли хлеб. Принесут булку — одну на семь-восемь солдат.

— Ну, кто будет разрезать? Иван? Давай, Иван, режь!

Ну и суп нам давали — из сушеной картошки и сушеной свеколки — это первое. А на второе — не поймешь, что там: какая-то заварка на травах. Ну, коровы едят, овечки едят, лошади едят — они же здоровые, сильные.

Вот и мы питались травой — даже досыта. Такая у нас была столовая — травяная. Вы представьте: одна травяная булочка на восьмерых в сутки. Вкусней, чем шоколадка, тот хлебушек для нас был».

В военной обстановке, когда смерть, иногда неожиданная, ходила рядом, речь воинов, вне зависимости от чинов и званий, была разная. Кто-то через слово бранился, а кто-то хульного слова не произнес на фронте. К этой мало освещенной в воспоминаниях о войне теме имеет отношение один рассказ очевидца, приведенный митрополитом Вениамином (Федченковым)[40]: «...Переводили на позицию пушки. Прошел дождь. Дорогу развезло. Тяжесть неимоверная. Несколько пар лошадей... Пушка завязла в выбоине... Солдаты бьются, мучаются, сквернословят, хлыщут лошадей. Ни назад, ни вперед... И чем бы кончилось это бесплодное мучение и людей, и лошадей, Бог весть. Но в это время подошел к этому месту один благообразный пожилой мужичок. Этот почтенный старичок сначала ласково приветствовал солдат, потом во имя Божие пожелал им успеха.

Погладил лошадь... А потом, когда лошади и солдаты немного отдохнули, он предложил попробовать двинуться еще раз и так ласково обратился к солдатам. Они — кто к лошадям, кто к пушкам, и старичок тут же: „Ну-ка, милые, с Богом!“ — солдаты гикнули, лошади рванули — и пушка была вытянута. Дальше уж легко было. Вот какова сила имени Божия!»

Была история на фронте с лошадью и у Валентины Васильевны Жирновой: «Поручили мне — санинструктору необычное задание — доставить на лошади пакет командованию. Ехать предстояло одной по незнакомой местности. Да вот беда еще — я городская, родилась и выросла в Сталинграде. Сроду на лошадь не садилась, не знала, как к ней подойти. С первого раза ничего не вышло — влезть-то влезла, да она сбросила меня.

Стою рядом с ней, держу за уздечку, а сама плачу. Приказ-то срочный, надо исполнять, и все... Решила, как мама меня учила, помолиться перед следующей попыткой. Да еще стала ласково с ней разговаривать, гладить. Лошадь „расчувствовалась“ и позволила мне ее в морду поцеловать. И села, и доехала куда надо, хотя постреливали немцы...»

Вернемся к рассказу отца Валентина Бирюкова. В нем много созвучного с двумя приведенными выше историями:

«Много страшного пришлось повидать в войну — видел, как во время бомбежки дома

летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые — нам всем жить хотелось. И вот мы — шестеро друзей из артиллерийского расчета (все крещеные, у всех крестики на груди) решили: „Давайте, ребятки, будем жить с Богом". Все из разных областей: я из Сибири, Михаил Михеев — из Минска, Леонтий Львов — с Украины, из города Львова, Михаил Королев и Константин Востриков — из Петрограда, Кузьма Першин — из Мордовии. **Все мы договорились, чтобы во всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять.**

Где бы мы ни были — всегда молились. Бежим к пушке — крестимся:

— Господи, помоги! Господи, помилуй! — кричали как могли.

А вокруг снаряды летят, и самолеты прямо над нами летят — истребители немецкие. Только слышим: в-ж-ж-ж! — не успели стрельнуть, он и пролетел. Слава Богу — Господь помиловал.

Я не боялся крестик носить, думаю: „Буду защищать Родину с крестом, и даже если будут меня судить за то, что я богомолец, — пусть кто мне укор сделает, что я обидел кого или кому плохо сделал..."

Никто из нас никогда не лукавил. Мы так любили каждого! Заболеет кто маленько, простынет или еще что — и друзья отдают ему

свою долю спирта 50 граммов, которую давали на случай, если мороз ниже двадцати восьми градусов. И тем, кто послабее, тоже спирт отдавали, чтобы они пропарились хорошенько. Чаще всего отдавали Лёньке Колоскову (которого позднее в наш расчет прислали) — он слабенький был.

— Лёнька, пей!

— Ох, спасибо, ребята! — оживает он.

И ведь никто из нас не стал пьяницей после войны...

Икон у нас не было, но у каждого, как я уже сказал, под рубашкой крестик. И у каждого горячая молитва и слезы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи.

Так было, когда в 1943 году нас перевели в Сестрорецк, в аккурат на Светлой седмице. Друг другу шепотом: *„Христос воскресе!“* сказали — и начали копать окопы. И мне как бы голос слышится: *„Убирай солдат, отбегайте в дом, сейчас сюда снаряд прилетит“*. Я кричу что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было).

— Что ты меня дергаешь? — кричит он.

— Быстро беги отсюда! — говорю. — Сейчас сюда снаряд прилетит...

И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел, и на

том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня, а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти „подсказки“ — и я, и мои друзья давно бы уже были в земле. Мы тогда поняли, что Господь за нас заступается.

Сколько раз так спасал Господь от верной гибели! Мы утопали в воде. Горели от бомбы. Два раза машина нас придавливала. Едешь — зима, темная ночь, надо переезжать с выключенными фарами через озеро. А тут снаряд летит. Перевернулись мы. Пушка набок, машина набок, все мы под машиной — не можем вылезти. Но ни один снаряд не разорвался.

А когда приехали в Восточную Пруссию, какая же тут страшная была бойня! Сплошной огонь. Летело всё — ящики, люди! Вокруг рвутся бомбы. Я упал и вижу: самолет пикирует и бомба летит — прямо на меня. Я только успел перекреститься:

— Папа, мама! Простите меня! Господи, прости меня!

Знаю, что сейчас буду как фарш. Не просто труп, а фарш!.. А бомба разорвалась впереди пушки. Я — живой. Мне только камнем по правой ноге как дало — думал: все, ноги больше нет. Глянул — нет, нога целая. А рядом лежит огромный камень.

Но все же среди всех этих бед жив остался. Только осколок до сих пор в позвоночнике.

Победу мы встретили в Восточной Пруссии, в городе Гумбиннен, недалеко от Кенигсберга. Как раз ночевали в большом доме — первый раз в доме за всю войну! Печи натопили. Все легли: тепло, уютно. А потом кто-то взял и закрыл трубу. Ладно, я у самой двери лег — запоздал, так как часовых к пушке ставил. Смотрю: кого-то тащат, дверь открыли. Угорели все, а мне ничего. Но, слава Богу, все живы. Ну а когда Победу объявили — тут мы от радости поплакали. Вот тут мы радовались! Этой радости не забудешь никогда! Такой радости в моей жизни никогда больше не было.

Мы встали на колени, молились. Как мы молились, как Бога благодарили! Обнялись, слезы текут ручьем. Глянули друг на дружку:

— Лёнька! Мы живые!

— Мишка! Мы живые! Ой!

И снова плачем от счастья. Потом пошли на речку отдохнуть — там, в логу, речушка небольшая была, Писса. Нашли там стог сена, развалились на нем, греемся под солнцем. Купаться было холодно, но мы все равно в воду полезли — фронтовую грязь хоть как-нибудь смыть. Мыла не было — так мы ножами соскабливали с себя грязь вместе с насекомыми...

А потом давай письма родным писать — солдатские треугольники, всего несколько слов: „Мама, я здоров!“ И папке написал. Он тогда работал в Новосибирске, в войсках НКВД, про-

рабом по строительству — в войну его мобилизовали. Он жилые дома строил. И он отдал Родине все, несмотря на то что считался „врагом советской власти".

ЗАШИТЫ В ГИМНАСТЕРКИ И ШИНЕЛИ

Воспоминания о молитвах воинов на фронте многочисленны и разнообразны, но в них одна мысль — с верой мы победили.

Вот безыскусный рассказ Алексея Ивановича Белозерова: «В ряды Красной Армии меня призвали 17 декабря 1941 года. С войсками я проходил село Головатовка, которое находится на берегу Азовского моря. Двадцать восемь дней мы держали оборону этого села. В это время семидесятилетняя жительница села Архипина (имени ее не знаю) в воротник шинели зашила мне нательный крестик и молитву, наказала, чтобы шинель берег. Бои я закончил в Берлине!»

Дочь вспоминает о своем отце Филине Георгии Федосеевиче: «Он ушел на фронт в 1941 году, вернулся в конце августа 1945 года. Закончил войну в Венгрии, награжден медалью «За взятие Будапешта», имел другие боевые награды, был ранен, контужен.

Когда он уходил на фронт, его двоюродная или троюродная сестра Андреевна (так мы ее

называли) дала ему с собой переписанной ее рукой псалом 90 „Живый в помощи...“. Всю войну этот псалом был с ним. Однажды на отдыхе в перерыве между боями он хотел прочитать молитву, достал бумажник и раскрыл его, но молитвы, просмотрев все, не нашел. Расстроился, думая, что потерял. В это время мимо него проходил офицер и спросил: „Чем расстроен, старина?“

Отец не решился сразу сказать о пропаже молитвы, но потом сказал, что где-то обронил молитву. Офицер посоветовал ему пойти в домик на окраине села. Отец пошел к этому домику. Оказалось, что там жила монахиня. Она дала ему молитву. Когда он стал класть ее в бумажник, то увидел в нем старую молитву, написанную сестрой. **Он понял, что Господь так проверяет его веру.**

Господь хранил его. Отец подвозил снаряды на лошадях. В одной деревне началась бомбежка. Он с лошадьми решил укрыться под навесом дома. Под навесом стояли военнослужащие. Один офицер закричал на него: „Куда ты едешь со снарядами, отъезжай в сад“. Только он заехал в сад, в дом было прямое попадание снаряда. Никого не осталось в живых. А он выжил».

Сидоров Владимир Иванович воевал на Дальнем Востоке: «Я родился в Челябинске в верующей семье. В 1944 году меня взяли в армию и отправили в Приморский край.

Провожая на фронт, мама Мария Сидоровна повесила мне на шею мешочек, в который положила крестик, иконку и молитвы. Перед сражениями я обращался к Господу: „Дай Бог, чтобы выйти из боя». С войны я вернулся. А мамин мешочек до сих пор всегда со мной".

Иван Александрович Шляев, ветеран легендарной 13-й гвардейской дивизии, призывался в декабре 1941 г. из города Бирска в Башкирии: «Мама мне дала написанную ее рукой молитву и сказала: „Читай ее, Ваня, и никому не показывай". С материнской молитвой я прошел в артиллерийской разведке невредимым через всю Сталинградскую битву, сражение на Курской дуге и многие другие операции, и закончил войну в Германии на Эльбе. Там, в Торгау, мы 23 апреля 1945 года встретились с американцами. В тот же день уже в сумерках мне суждено было расстаться с однополчанами и уехать на попутке на восток — в Днепропетровск. Пришел приказ Сталина всех курсантов вернуть в военные училища. Бои в Германии продолжались. Позже мне рассказали, что сменивший меня на посту помощника начальника артиллерии полка погиб в ночном бою.

Листок с молитвой с самого начала войны всегда был изнутри зашит в гимнастерке. Когда мы 1 мая 1944 года вошли в город Григориополь, я зашел в храм на высоком левом берегу

Днестра. Украдкой перекрестился. Помню, как гудел колокол. Шла служба, было много местных жителей, стояли и военные. Потом перебежал по только что наведенной через Днестр переправе на правый берег, догоняя своих. Во время боев на правом берегу Днестра был момент, когда нас повели в баню. Бойцы за долгие месяцы боев были не только в грязи, но и во вшах. Одежду — в бак для кипячения, а сами — в парную. Тут противник вдруг начал атаковать... Немцев отбили, а бумажечка с молитвой из одиннадцати слов пропала. Жалко было, но в памяти ведь она до сих пор...

Вдали уже был виден Кишинев. В это время наш корпус передали в состав 1-го Украинского фронта, и мы двинулись в направлении на Яссы. Вновь переправа по тому же понтонному мосту, полностью оборудованному — теперь уже на левый берег Днестра. Подходя к мосту, услышал знакомый звук — издали высоко в небе приближалось множество «хейнкелей». Они шли крыло к крылу бомбить переправу, забитую людьми и техникой. Каким-то чудом, бегом, проскочил по забитой войсками переправе на левый берег и побежал в горку, в направление к той церкви, где недавно побывал. Раздался скрежет — немецкие бомбы разворотили мост, опиравшийся на железные понтоны.

Я уже был высоко, на склоне. Осколки, разлетавшиеся в основном горизонтально, не

долетали, падали ниже. Было это 25 мая 1944 года».

Иван Александрович только 61 год спустя узнал, что в тот год на этот день пришелся праздник Вознесения Господня, а памятный ему храм в Григориополе — Вознесенский. Удивительно, что посещение Иваном Александровичем храма в Григориополе и внезапный его отъезд в училище с фронта произошли в те дни, когда Церковь чтит память преподобного Иоанна, ученика преподобного Григория Декаполита (820—850).

Как и Иван Александрович Шляев, целехонек с войны вернулся Петр Федорович Козменко. Рассказывает его дочь Ирина: «Папа прошел всю войну сержантом-связистом и закончил ее осенью 1945 года в Китае. Он вспоминал, как во время упорных боев за Кавказ его часть оказалась на плато. Они были видны немцам как на ладони, и те их в упор расстреливали. Чудом он с напарником вскочил на «полуторку», и выскочили они оттуда.

За него всю войну молилась его мать приемная — Татьяна. Сама она воспитывалась в семье священника. Слово бабушки в нашем доме было как святыня. Помню ее сухонькой, аккуратненькой, в белом платочке. Всю войну жила в Ростовской области на хуторе Алексеевском. В этом году ветерану исполняется девяносто лет».

Рузляев Василий Дмитриевич рассказывает: «Родился я в Пензенской области в селе Наровчат. Родители были верующими и нас, своих четверых сыновей, воспитывали в православной вере. В 1941 году мать проводила нас на войну. Благословляя меня, она сказала: „Да хранит тебя Бог!“

В горах Кавказа наша армия отступала. Немцы шли за нами. Фашисты были близко. Я спрятался за большое дерево, и немцы, не заметив меня, пробежали мимо.

В боях за Севастополь мне ранило обе ноги. Я пытался встать, но не смог. Немцы добивали раненых. И ко мне подошел немец с винтовкой, нажал на курок, но выстрел не последовал, так как кончились патроны. Он кольнул меня штыком и ушел. Ночь я лежал на Сапун-горе. Утром меня подобрали санитары и отправили в госпиталь.

Когда было трудно, я всегда обращался к Богу. Я дошел до Берлина и прошел еще километров двести от Берлина — потом эту территорию отдали американцам.

После войны вернулись домой я и мой старший брат Андрей, а двое братьев погибли. Мама мне сказала, что она молилась за нас. В 1945 году я участвовал в Параде Победы. Когда мы прошли по Красной площади, стояли и ждали машину, ко мне подошла незнакомая женщина, надела на шею крестик (на мне не было нательного креста), повернулась и ушла, ничего

не сказав мне. Показать крест я боялся. Чтобы его у меня не забрали, я спрятал крест под гимнастерку».

Григорий Алексеевич Рыбаков воевал на Курской дуге, окончил войну в Польше: «Я еще до армии, когда пастухом был, крест носил обязательно, в кармане зашитый, и молился: „Господи, помоги!“, и Господь незримо помогал. Молился на фронте, когда ранило, чтобы выздоровел, и мне врачи сказали: „Ты в рубашке родился“. Когда меня ранили, и я лежал в госпитале, то молился, чтобы встретиться с мамой и сестрой. И начальник госпиталя неожиданно дал мне отпуск домой. Разве это не помощь Божия?

В 1945 году Пасха была 6 мая, в день великомученика Георгия Победоносца, небесного покровителя маршала Георгия Константиновича Жукова. Мы были в Польше, пошли на базар, купили яйца, отметили Пасху. А 7 мая я встретил отца. Он тоже был на фронте. А 9 мая мы встретили Победу. Сколько радости мне Бог дал: Пасху встретил, отца встретил и Победу встретил!»

Виктор Поликарпович Ананченко — полковник запаса — воевал до конца войны, был сначала наводчиком, потом командиром орудия: «Когда матушка меня провожала на фронт, она надела на меня крестик. Службу я проходил

тогда в Станиславе, в Карпатах (сейчас Ивано-Франковск). И вдруг приходит телеграмма, что моя мать в тяжелом состоянии. Вызвал меня командир и послал в штаб, где была телеграмма. Идя по парку, неожиданно увидел: на земле лежат рассыпанные семь иконок. Я решил: если увижу для себя какой-то благоприятный знак, то меня отправят в отпуск домой. Поднимаю вместе все иконки и из них наугад вытаскиваю одну. Это оказалась наша Заступница, икона Божией Матери Казанская, а на обороте у иконы была молитва. Только у этой иконы была молитва. И я сразу поверил, что поеду в отпуск к матери. И начальник штаба мне действительно дал отпуск. Матушка меня встретила живая, но очень больная. С тех пор я стал держать в мыслях, что Господь помогает. Мать, когда умирала, велела никому не отдавать эту икону Пресвятой Богородицы. Она у меня стоит на полке над рабочим столом рядом с портретом матери».

Николай Иванович Кондратьев воевал командиром артиллерийского подразделения с 1942-го по 1945 год. Брал Кенигсберг — за это в двадцать лет награжден орденом Боевого Красного Знамени, не раз был ранен: «Перед боем мы собирались все вместе — мы были как одна семья. Один помолится, другой иконочку с собой положит, третий письмо пишет. Мы не знали — живы останемся или нет. Но была уверенность, что мы победим, и никого не надо

было подгонять. В бой все шли, но моральное настроение у всех разное. Те, кто был не уверен, переживал, чаще погибали. И смекалка, и уверенность, и надежда, и упование на Бога помогали победить.

В Прибалтике нас, горстку людей, оставили охранять дорогу. Трое суток мы держались и живы остались, немец ничего не мог сделать. Тот, кто полагался на Бога, спасался... Брат моей матери был священником — отец Сергий. От него требовали отказаться от веры, но он не отказался, так и умер в тюрьме. Мученик в семье — может быть, ради него Господь меня сберег в войну».

Рассказывает Овсянникова Александра Викторовна: «До Великой Отечественной войны наша семья жила в станице Пшехская Краснодарского края.

Когда по радио объявили о начале войны, в станице произошли невероятные события. После того, когда прозвучала сводка, пасшееся на лугу стадо коров вдруг с ревом ринулось в деревню. Пастух не смог его сдержать. И в каждом дворе куры начали кукарекать как петухи. В 13.00 или 14.00 черные тучи заволокли небо, и станица погрузилась в темноту. Все люди говорили, если такая реакция у животных, то нас ожидает большое бедствие.

Началась мобилизация. Отца сразу забрали. В деревне остались женщины и дети. Нашу

деревню спасли леса и партизаны, которых немцы боялись. Они набегами заскакивали: приезжали, грабили и тут же уезжали. И в наш двор пришли немцы — забрали корову, свинью и кур.

Мой отец воевал еще в Гражданскую войну. Однажды во время боя много бойцов утонули в реке Кубань, а отец остался жив. Его через реку перевез конь. „Меня спас Бог, дал хорошего коня“, — рассказывал он всем.

Мой отец Виктор Исидорович Сердюков в 1941 году ушел на фронт, служил в кавалерии в казачьих войсках. Когда погнали немцев на запад, он после ранения вернулся домой с наградами. „Бог есть. Всегда обращайтесь к Богу. Он спасает“, — говорил он».

Разные обеты давали на фронте бойцы. Об одном из них поведала Лидия Георгиевна Вишневецкая: «Из нашей станицы Федосеевской Подтелковского района двое казаков — Усенков Павел и еще один (не помню его имени), ушли на фронт. Там на войне они дали обет Господу: если придут живыми домой (у каждого дома осталось по трое детей), то будут рубить на Крещение Господне на Хопре крест, Иордань. Они вернулись оба. И на льду реки в советское время каждый год вырубали крест на том месте, где и в прежние годы, когда еще действовала церковь, жители села рубили крест».

Ольга Васильевна Бурдина была лейтенантом, секретарем военного трибунала в отдельной стрелковой бригаде. Она участвовала в Сталинградской и Курской битвах, дошла до Румынии: «Я выросла с глубоко верующей бабушкой. Все утренние и вечерние молитвы я знала наизусть. На фронте в боях мы невольно вспоминали о Боге. В тяжелые моменты из души вырывалось: „Господи, помоги!“

Я явственно ощутила Божию помощь, когда меня ранило под Харьковом. Нас было двенадцать человек, мы ехали по дороге, которую проложили саперы в минном поле, в штрафную роту, чтобы вручить ордена и медали и провести на месте показательное судебное заседание, и подорвались на «полуторке» на противотанковой мине. Остались в живых только трое: один человек, оставшийся без рук и без ног, второй — тот, кто сидел в кабине, и я. Меня ранило и выбросило на минное поле».

МОЛИТВЫ ВОИНОВ И ЖИТЕЛЕЙ

Много подобных воспоминаний и у ветеранов Сталинградской битвы. О них молились не только их родные дома, но и многие жители, остававшиеся в городе в период боев.

Свидетельствует командир батальона 42-го полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии лейтенант Алексей Ефимович Жуков, чьи вои-

ны захватили на ничейной полосе тот самый четырехэтажный дом по улице Пензенской № 63 (потом дом Павлова): «Люди, которые были в подвале дома, когда поняли, что вошли не немцы, а советские солдаты, сказали: „Господь послал нам Своих..." У многих бойцов были нагрудные крестики, иконы. Защитники города молились, запретов на это или преследований за веру не было. Моя мать верующая, и я верующий. Во время войны я много раз попадал в безвыходное положение и постоянно обращался к Богу: „Господи, помоги нам выжить". В армии у нас были люди, которые просили направить их на ту или иную должность. У меня было много назначений, но я сам себе место не выбирал, а говорил: „Господи, куда пошлешь". И все было хорошо»[41].

Вспоминал приезжавший в Сталинград из Ростовской области Василий Трофимович Пивень из 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии, удерживавшей сорок дней «Остров Людникова» — небольшую территорию 600×400 метров вдоль берега Волги в нижнем поселке завода «Баррикады»: «Моя жена, дети и внуки в церковь ходят. Я не хожу. Там стоять надо, а у меня ноги болят. В Сталинграде всегда молился: „Господи, помоги, чтоб не убило, чтоб жив остался". Когда готовились к боям за Сталинград, уже здесь, в Сталинграде, одна старушка многим бойцам и мне дала написанную на бу-

маге молитву „Живый в помощи...“. Она всегда была со мной, и я считаю, она меня спасла. Вечером читал ее, и следующий день проходил благополучно»[42].

В этой же дивизии служил в Сталинграде с октября 1942 года в войсковой разведке 344-го полка Заворотнев Владимир Никитович: «Работали мы ночью, ходили по тылам противника, уничтожали живую силу, изучали расположение огневых точек, считали количество оружия, боеприпасов. А днем укрывались в снегу (руки и ноги обморожены) или на земле прятались и ждали ночь. Здесь меня однажды засыпало. Ког-

Икона Божией Матери «Взыскание погибших» из Сталинграда

да бойцы откопали, то сказали: „Ты, видно, веруешь в Бога, раз жив остался!“ После Сталинграда служил в армейской разведке. Форсировал Днепр, дошел до Берлина. Вернулся домой, а мать рассказывает: „Я тебя поручала Матери Божией, чтобы Она тебя выручала, поэтому ты живой пришел домой“. Сегодня в церкви был: жена умерла, свечку за нее поставил. Когда был мальчиком, отец ставил по вечерам рядом с собой молиться...»[43].

Семнадцати с половиной лет попал курсантом в 1942 году в Сталинград и Михаил Николаевич Белов. Он вспоминал на земле легендарного «Острова Людникова»: «Уже 32 года к Вам приезжаю. Сейчас я не молюсь, и дочь, и внук не молятся. А мама моя молилась и в церковь ходила, Бога боялась. Сражался я сначала в дивизии, в которой был Михаил Паникахо. После госпиталя был направлен в 138-ю стрелковую дивизию полковника Людникова. Прибыл в дивизию, когда она была окружена немцами и прижата к Волге. Когда было очень опасно, я молился про себя: «Господи, Боже мой, помоги, чтобы это быстрее кончилось»[44].

Вспоминает ветеран боевых действий на Халкин-Голе, прошедший Финскую кампанию и Великую Отечественную войну, В. А. Шевченко: «Когда я уезжал на фронт, во Владивостоке в церкви монахиня благословила меня

иконкой Божией Матери и сказала: „Вот тебе иконка. Она спасет тебе жизнь. Где бы и в каком трудном положении ты ни был, все равно ты останешься живой". Так и получилось. В Сталинграде я участвовал в освобождении тракторного завода. Я был в составе танкового корпуса Михаила Ефимовича Катукова. Иконка зашита была в кармане. И всегда она была со мной. Недавно остался один, жить не с кем, меня правнучка забрала (в Волгоград). Иконку я завернул. Дома лежит. В Бога верую»[45].

Свидетельствует участник Сталинградской битвы Валентин Иванович Антюфеев: «До войны мы жили в Иловлинском районе, в хуторе Желтухино. Мой дядя был коммунистом, ломал церковь в хуторе. Моя бабушка Мария Ивановна была человеком, преданным православной вере. Я из числа верующих, мы по сей день молимся. Моя тетя Евгения Михайловна верила в коммунистическую партию, была уверена, что Гитлер не нападет войной, своего сына назвала Адольфом. А когда бомбить нас начали, тетка упала на колени и молилась.

Я в тринадцать лет получил специальность мастера-парикмахера. Однажды от военкомата меня послали в парикмахерскую и ко мне сел Герой Советского Союза полковник Сафронов Павел Петрович, комбат 688-й зенитной батареи из 8-й воздушной армии. Он у меня спросил: «Хочешь служить в авиации?» Потом он

сам поехал в военкомат, договорился, и мы поехали домой к матери. <...>

Через полтора месяца меня назначили в роту связи. Из Качалино (Сталинградская область) наши самолеты вылетали бомбить немцев. Перед полетом я видел, что некоторые летчики молились, крестились украдкой и после этого взлетали. Мы — молодые, они были старше. Мы спрашивали, зачем они молятся? Они нам отвечали: «И вам не мешало бы». Они всегда говорили, что надо *молиться сначала*, потом выполнять боевое задание. Я трижды смертник. Один, будучи в охране на аэродроме, оставался с тысячами бомб и молился. С Божией помощью до сих пор живу. <...> Мы познали всю горечь в этой войне, но мы не искупили все своими горестями. Слава Богу, что мы не потеряли Православие»[46].

ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА В СТОЛОВОЙ

Сохранялась вера православная и память о православных праздниках не только в окопах на передовой.

Вспоминает Светлана Павловна Казакова, вдова командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковника В. И. Казакова: «Весной 1944 года мы находились в городе Овруч Житомирской области. Накануне Пасхи (в тот год она была 16 апреля) Василий

Иванович попросил меня зайти к нему в штаб фронта. Это место мы всегда называли «квадрат». Пройдя охрану, я вошла в столовую для комсостава и глазам своим не верю — на столе лежат кучечки крашеных пасхальных яиц! Для каждого из руководителей фронта — отдельная. Василий Иванович спрашивает меня: „А ты знаешь, что завтра Пасха?“ Отвечаю: „Да, знаю!“ Он мне: „Откуда?“ Пришлось рассказать ему, что у нас один из охранников подразделения правительственной связи, где я служила, был верующий человек. Он нам всегда и сообщал о грядущих церковных праздниках.

Генерал-майор артиллерии Василий Иванович Казаков. Лето 1941 года

Я лично — девушка из интеллигентной семьи („из бывших“), с домашним воспитанием — прошла с молитвой всю войну от Курска до Берлина. А началась она для меня 22 июня 1941 года, когда немцы бомбили мой родной город Севастополь. Там вскоре, 14 ноября 1941 года, в результате прямого попадания бомбы в наш дом погибли мои родители и почти все родственники. Что касается Маршала Советского Союза Казакова Василия Ивановича (моего мужа), то он всю свою жизнь, конечно и на фронте, все молитвы помнил наизусть со времен церковно-приходской школы, которую окончил в 1911 году. Будучи восьмым ребенком в крестьянской семье, он рано начал свою трудовую жизнь — в 13 лет в Петербурге».

Как и многие военные, Василий Иванович Казаков тяжело переживал неудачи начального этапа войны. В своих воспоминаниях много позже он писал[47]:

«Война началась для меня с безмерного удивления и разочарования. О результатах первого нашего боя тяжело и горестно вспомнить... В сознании никак не укладывалось, что командующий армией ставит корпусу задачи, не имея никакого представления об обстановке на фронте, ...отделив от нас мотострелковую дивизию, оставшуюся под Оршей, и не используя преимущества заблаговременно подготовленной обороны, нам приказали наступать... Начав

наступление в крайне неблагоприятных для себя условиях, соединение около трех дней вело кровопролитные бои, которые, как мы и предвидели, не принесли успеха».

Слово Светлане Павловне Казаковой: «Возвращаясь к истории с пасхальными яйцами, надо пояснить, что для командования фронта готовил еду отдельный повар, который, конечно, знал отношение к церковным праздникам командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и генералов, входивших в состав командования фронта».

Маленький эпизод из фронтовой жизни, рассказанный автору Светланой Павловной Казаковой, говорит о многом. Не вдаваясь в подробности жизненных путей всего командного состава 1-го Белорусского фронта, здесь можно лишь несколько слов сказать о детстве командующего фронтом. Будущий полководец Великой Отечественной войны Константин Рокоссовский после ранней кончины своего отца воспитывался в Варшаве у своего дяди Александра — глубоко верующего католика, неукоснительно соблюдавшего все христианские праздники. Известны устные сведения, пока, к сожалению, не подтвержденные документально, что мама Константина Константиновича Рокоссовского Антонина Овсянникова происходила из священнического рода.

ОБЕТ

Александр Евгеньевич Голованов незадолго перед войной, в феврале 1941 года, стал командиром 212-го дальнебомбардировочного авиационного полка. С февраля 1942 года он командует Авиацией Дальнего Действия (АДД) — ударной силой Ставки Верховного Главнокомандования. Непосредственно руководил ею лично Сталин.

Жена Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова Тамара Васильевна, урожденная Панюшева, была из глубоко верующей семьи и всегда молилась за мужа. Ведь летчику многое угрожает во время полета в небе. В своих воспоминаниях Александр Евгеньевич писал, что «...воздушная стихия сродни морской... есть что-то общее между океаном водным и воздушным. Поведение как морской, так и воздушной стихий полно всяких неожиданностей, опасностей. Русские пословицы, как правило, мудры. Одна из них, которая существует немало веков, гласит: „Кто в море не бывал, тот и Бога не поминал". За точность не ручаюсь, но смысл ясен»[48].

С этой супружеской парой произошла любопытная история. Они были венчаны заочно! Оказывается, в 30-х годах могло быть и такое. Тамара и Александр познакомились в 1933 году. Вспоминает Тамара Васильевна: «Когда мы решили пожениться, я знала, что венчаться мужу

нельзя. Но сама благословение Церкви на брак получила. Я тогда была очень религиозная и осталась, конечно... Пришла в храм святого Трифона мученика у Рижского (тогда Виндавского) вокзала и сказала батюшке: „Выхожу замуж, а он не может прийти. Я боюсь сказать ему, чтобы он пришел в храм... Если можно, благословите меня на соединение с Александром“. Священник прочитал молитвы, дал благословение... И потом я ходила в церковь, все крадучись. Но мужу говорила об этом... „Я тебе все оставила, ты уж покушай сам...“ Как-то Александр Евгеньевич сильно болел. Пошла к батюшке, который сказал: „Дай обет, и он поправится». Так и было. Молилась я о муже и во время финской войны, и в начале Великой Отечественной, когда он летал на боевые задания. Я тогда жила в Казани, где была обретена Казанская икона Божией Матери. Я просила: „Матерь Божия, сохрани ему жизнь...“ И мне Бог всегда помогал».

Александр Евгеньевич очень благоволил к своей теще Марии Андреевне. Вспоминает дочь маршала Светлана Александровна: «Бабушка была очень набожной. Она говорила, что готова целовать руки Александра Евгеньевича, так как он разрешил ей держать в доме иконы, что в 30-е годы тоже было непросто, ведь у нас бывало много народа.

Нас, детей, бабушка и мама крестили, несмотря на запреты, в Знаменской церкви (ее

называют Трифона мученика — по чудотворной иконе) около Рижского вокзала. Туда мама ходила молиться, таясь, пересаживаясь с трамвая на автобус. Уже на служебной папиной машине возили крестить Веронику, Ольгу и Славика*. Крестили, по-моему, не записывая в церковную книгу, машину оставляли далеко, потом шли переулками и дворами. ...Я считаю, что отец все-таки был верующим человеком. Если бы он стал совсем неверующим, он бы, наверно, не разрешил маме ходить в церковь, бабушке хранить иконы».

В доме Головановых очень любили светлый праздник Пасхи. И любили его по воспоминаниям его дочери Тамары Александровны: «Благодаря нашей бабушке... Все мы, дети, были крещены в Знаменской церкви. Это одна из немногих в Москве церквей, которую никогда не закрывали. Крестил нас отец Александр... Я видела, как долго и с каким усердием молилась за нас бабушка. В нашей семье считали, что отец остался жив в тридцатые годы и в войну только ее молитвами... Помню, как она всегда сидела в столовой и ждала его. Он уважительно называл ее „мамаша", а она его — Александр Евгеньевич. О чем они говорили, я не знаю, но отец всегда выслушивал бабушку, интересовался ее здоровьем и был готов помочь...

* Дети А. Е. Голованова.

Мы не ходили в церковь, но наша мама рано утром или вечером ездила в тот храм и приносила нам просфору. Отец об этом конечно же знал и никогда не возражал. Он сам любил праздник Пасхи и рассказывал, что как-то в детстве он с мальчишками, подходя к причастию, решил это сделать дважды, уж очень сладко было, а священник заметил это, и маленький Шура получил тяжелой ложкой по лбу. Больше отец никогда не позволял себе ничего подобного.

В день Пасхи на столе появлялись куличи и крашеные яйца. Первый кусок всегда предназначался отцу... Он говорил: „Вот как интересно, обрати внимание. Кусочек кулича может пролежать месяц, год, два, и ничего с ним не сделается. Отчего бы это?“ Я не знала, да и отец ничего не объяснял. Так этот вопрос оставался для меня долгое время открытым.

День рождения отца мы всегда отмечали не 7 августа, а в день его именин на святого Александра Невского, 12 сентября. Этого святого князя отец очень почитал... Мы так привыкли, что стали считать 12 сентября днем рождения отца, а он не возражал».

Все написанное в воспоминаниях вполне естественно. Будущий Главный маршал авиации вырос в семье православной. В детстве с родителями, братом и сестрой ходил по воскресеньям в храм священномученика Власия в Старой

Конюшенной слободе. По воспоминаниям его сестры Валентины Евгеньевны: «Спинки кроватей у нас, детей, в головах и ногах были увенчаны медальонами с изображением святых угодников Божиих».

По рассказу его дочери Ольги Александровны, ее мама Тамара Васильевна говорила ей, что дала во время Великой Отечественной войны обет — пожертвовать на храм, если муж вернется живой. Когда кончилась война, она призналась отцу, и тот, не возражая, дал ей денег на пожертвование. Особо почитала Тамара Васильевна Казанскую икону Божией Матери и святителя Николая. Им молилась...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

В связи с возвращением на Родину в 2004 году Тихвинской иконы Божией Матери были опубликованы воспоминания о путях ее исхода из России во время Великой Отечественной войны[49]. Там есть и такие строки: «Епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) во главе группы, насчитывавшей 30 человек, включая 10 православных священников, находился с осени 1944 года в Чехословакии в городе Йоханнисберге с чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери из Тихвинского монастыря. Епископ Иоанн хранил Тихвинскую икону у себя,

но, как правило, приносил ее в старо-католическую церковь в соседнем городе Яблонец, где он стал регулярно с другими священниками служить литургию. По соседству жило немало беженцев из Румынии, Греции, Сербии. Узнав о православных службах, они стали посещать церковь в Яблонце.

В мае 1945 года война в Европе закончилась. Это было огромное облегчение — повсюду праздновали Победу. Однако у епископа Иоанна и его группы возникли новые трудности. За несколько недель до этого Советская Армия вошла в Йоханнисберг. Гостиница, где проживали беженцы, находилась как раз на пути следования советских солдат. Несколько раз солдаты останавливались в гостинице и с удивлением обнаруживали в ней русских православных священников. Некоторые из солдат были настроены неприязненно, другие, напротив, довольно доброжелательно. Замечания в адрес священников были различными: кто-то советовал им вернуться в СССР, где „все гораздо лучше“, другие более реалистично предлагали „подождать и посмотреть, что будет дальше“. Епископ Иоанн вспоминал впоследствии, что один советский офицер очень к ним расположился и даже познакомил их со своей будущей женой».

ПРАВОСЛАВНЫЕ ВОИНЫ В ХАРБИНЕ

А вот свидетельства, относящиеся к периоду пребывания в 1945 году советских войск в Харбине после разгрома японской Квантунской армии[50]:

«18 августа части генерал-майора Г. А. Шелахова вошли в Харбин в канун праздника Преображения Господня. Харбинцы под неумолчный, как на Пасху, звон церковных колоколов встречали вступление в город передовых подразделений Красной Армии.

„Помню молебен в соборе 19 августа 1945 года, — писал харбинец Иван Дьяков, много

Маршал Р. Я. Малиновский с супругой Раисой Яковлевной. Харбин, 1945 год

претерпевший от японцев за твердое стояние в вере православной. — Под сильным ливнем стояли люди в одних платьях, в праздничных костюмах, и не расходились: ждали (многие с цветами), чтобы поприветствовать наших освободителей (кто-то пустил слух, что встреча состоится на соборной площади). Наконец, к собору быстро подъезжает автомобиль, и выходит офицер, настоящий русский офицер с золотыми погонами. Трудно забыть это первое „ура"! Из глубины сердца исстрадавшейся души вырвался этот радостный возглас. Многие плакали. Совершенно незнакомые люди поздравляли друг друга. ...В соборе в это время совершался благодарственный молебен по случаю освобождения от японского ига. Служили три архиерея во главе с архиепископом Нестором"»[51].

После освобождения Харбина архиепископ Нестор был представлен командующему Забайкальским фронтом маршалу Родиону Яковлевичу Малиновскому. Встретились два ветерана Первой мировой войны, сражавшиеся тогда против немцев в русской армии: один — на Восточном фронте (Нестор, бывший в те годы игуменом), другой — сначала на Восточном, а потом на Западном фронте (рядовой, а затем унтер-офицер Малиновский во Франции). За отвагу и мужество, проявленные в течение двух фронтовых лет, отец Нестор был удостоен высшей духовной награды — наперсного Креста на

Георгиевской ленте, а также орденов святой Анны 3-й и 2-й степеней и святого Владимира 4-й степени. Вот как описывает эту встречу сам митрополит Нестор[52]: «Этот легендарный герой Великой Отечественной войны, увидев мои боевые ордена и знаки отличия, заинтересовался, когда и при каких обстоятельствах меня ими наградили, и со вниманием выслушав мой рассказ, подтвердил декрет[53], сказав: „Вы имеете полное право достойно носить все эти боевые награды“». Они хорошо понимали друг друга, ибо два Георгиевских креста было и у собеседника владыки Нестора — маршала Малинов-

Маршал Родион Яковлевич Малиновский и архиепископ Харбинский и Маньчжурский Нестор (Анисимов) на митинге в Харбине. 1946 год

ского, отважно сражавшегося против немцев сначала на Восточном фронте, а затем на земле Франции в составе Русского экспедиционного корпуса и в Русском легионе чести. В 1946 году они снова рядом — на трибуне в городе Харбине выступают с речами в связи с проводами наших войск, возвращающихся из Маньчжурии на Родину.

«Взаимоотношения харбинцев с советскими солдатами и офицерами складывались весьма дружелюбно. Несмотря на строжайшие запреты политорганов, пытавшихся свести к минимуму контакты военнослужащих с «местными русскими» («белобандитами», «семеновцами»), такие встречи носили массовый характер. Бывая в гостях у харбинцев, всегда отличавшихся доброжелательностью и хлебосольством, гости проникались доверием к хозяевам, без прикрас рассказывали им о своей жизни в СССР. Часто под большим секретом показывали зашитые в гимнастерки крестики и иконки, которыми родители благословили их перед уходом на фронт. Некоторые же, переодевшись в „гражданскую“ одежду, тайно посещали богослужения в храмах. ...Поражались они обилию церквей, а также всевозможных заведений — кафе, ресторанов, „харчовок“, магазинов, кинотеатров и тому подобное. Удивлялись и тому, что все церкви были „действующими“, а заведения — частными».

МЫ ВЕРИЛИ С ДЕТСТВА

Воевал на Дальнем Востоке и житель Алма-Аты Сергей Степанович Петров из верующей семьи, с детства ходивший в храм и даже помогавший во время богослужений. Его мать — местная казачка. В шесть лет он остался без отца со старшим братом. Того забрали в 1940 году, и он так и не вернулся. В 1943 году Сергею исполнилось семнадцать лет, и его призвали в армию. Он вспоминает[54]: «Я с владыками Серафимом, Вениамином, с митрополитом Михаилом был. Это где-то до 37-го года. В 37-м... как закрыли церковь — и все, на этом конец. А в церкви, считай, я вырос. <...> На Дальний Восток попал. Маршевые роты из нас собрали. <...> Меня Господь сохранил! Из маршевой роты перевели на границу, там и служил в пяти километрах от заставы, пока война с Маньчжурией не началась. Пришлось с японцами воевать. <...> Город Муданьцзян два раза переходил из рук в руки! Форсировали реку мы два раза. В те годы все было зажато (относительно веры в Бога), никто не выдавал себя. Только про себя молились. Материн крестик я пронес всю войну. И „Живый в помощи..." она писала. Его и крестик прямо-таки в кармане гимнастерки носил». За ратные дела Сергей Степанович был награжден орденами Славы и Отечественной войны.

Такими же орденами был награжден за боевые заслуги Иван Васильевич Хмелев, почти пятьдесят лет прослуживший после войны звонарем в Свято-Никольском соборе города Алма-Аты. Он был из верующей семьи и с детства верил в Бога. Когда они жили в Сибири, там церкви не было, и молились дома. Призвали Ивана на фронт в семнадцать лет, когда он трудился в колхозе в Шемонаихе (Восточный Казахстан). Вот его рассказ[55]: «Сперва забрали в Забайкалье. А там очень плохо кормили, много народа умирало с голода. И мы просто попросились на фронт: поедем лучше воевать, чем здесь с голода умирать. На станции Юдино выучили нас на сержантов, и постепенно, постепенно стали двигаться к Ленинграду. Там и воевали — разведку боем делали — там меня и ранило. Семь месяцев пролежал в Ленинграде. Служил в пехоте, был снайпером. И автоматчиком был. Сперва дали мне отделение. С лейтенантом вместе. Он чуть, правда, постарше был <...> Около города Нарвы меня ранило.

На фронте я перед Боженькой зарок давал! Как пойдешь в бой: „Господи! Оставь меня живого. Я буду всю жизнь для Тебя только служить“. Ну и правда, остался я живой, раненый только. А сколько друзей похоронил, столько всего страшного! Вот в бой сходим, потом убитых вытаскиваем на себе — закапываем в ямы. Вытаскивали раненых все время. Смертушки ждали каждый день. Много я похоронил людей,

своих друзей, а как-то сам остался живой. Потому что я со слезами просил Господа Бога Иисуса Христа нашего. Потому, что так воспитан был родителями. И мать за нас молилась тоже день и ночь, как мы на фронт пошли. Вот потому только, я думаю, остался живой.

У моего лейтенанта гитара была. Как зайдем в дот, он все время песни пел — жалобные такие. Он меня тоже воспитал. Вот как бой пройдет, я все время бегал солдат проверять — кто ранен. Лейтенант меня и спас, ты, говорит, не бегай, пусть по цепи передают. Он берег меня.

Война — наказание большое и мука большая. Много убило товарищей моих. И многие призывали Бога. Мне один рассказывал: они разведку делали, он один остался от сорока человек только потому, что призвал Бога. Чудом остался. И мы с ним дружили. Как сойдемся, так про Бога разговариваем».

А вот иная судьба, рассказанная Верой Александровной Степановой в ее воспоминаниях о священномученике архиепископе Курском и Обоянском Онуфрии (Гагалюке)[56]: «...Последнюю весточку мы получили от владыки в феврале 1937 года. Я тогда вышла замуж, и моя мама, женщина верующая, почитавшая владыку Онуфрия, очень переживала. Владыка написал ей: „Не скорбите. В том, что Верочка вышла замуж, нет ничего плохого. Только я скорблю

очень, что брак не доведен до конца..." Время было тяжелое, было страшно, а повенчаться как-нибудь тайно, в деревне, я не догадалась. *Да и не очень хотел этого мой муж.*

В 1943 году муж приходил с войны и заметил, что у меня не горит лампадка. „Ты разве верующий?" — удивилась я. *„Теперь я больше тебя верующий"*, — ответил мой супруг. А через год он погиб...»

АРМИЯ И ЦЕРКОВЬ

Сколько было в Красной Армии офицеров и солдат, вспоминавших на фронте в моменты смертельной опасности привычные с детства молитвы, теперь уже не скажет никто. Но доподлинно известно из рассекреченных в последние годы данных Всесоюзной переписи населения 1937 года, что более половины населения СССР (57%) определили себя как верующие[57]. Таких было значительно больше среди сельских жителей (две трети) по сравнению с городскими (одна треть). Воевали все — рабочие и служащие, люди науки и искусства... Но прежде всего воевала и гибла на фронтах Великой Отечественной крестьянская Россия. Та, которая в меньшей степени, чем иные сословия, отступилась за годы богоборчества от Православия.

Именно в трагические месяцы 1942 года солдаты, офицеры и многие генералы действующей

армии, крещенные в младенчестве, посещавшие богослужения в детстве и отрочестве, молившиеся дома вместе с родителями, вспомнили о Боге. К ним, жившим многие годы в атмосфере атеизма, на фронте, в крови и грязи, среди всех ужасов войны стала возвращаться вера отцов. Отступление до Волги, оставление врагу огромных территорий, горечь больших потерь на фронте, гибель неповинных мирных людей, скорбь утрат родных и близких, взывали к переосмыслению духовных причин войны с немцами.

Все изложенное выше, и в том числе слова отца Иоанна Миронова и Валентины Жирновой об отношении командиров и политруков в 1944—1945 годах к вере и православным воинам на фронте, говорит о многом. Это было время, когда Красная Армия, гнавшая захватчиков со своей земли, и Русская Православная Церковь, помогавшая воинам и всему народу выстоять в войне, как никогда в советской истории, шли на сближение, осознавая свои задачи в деле спасения Отечества.

Одним из практических зиждителей крепнущих связей Церкви и армии был в те годы митрополит Николай (Ярушевич). Вспоминает архиепископ Василий (Кривошеин)[58]:

«Ленинградский протоиерей Александр Медведский с грустью, вспоминая, говорил мне, кажется, в 1966 году: „Как все изменилось! Помню, в последние годы войны мне приходи-

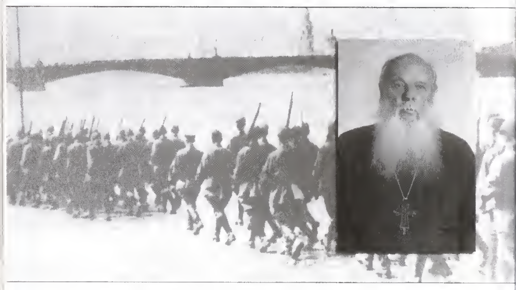
лось сопровождать митрополита Николая в его поездках в районе фронта. На офицерских собраниях митрополит Николай говорил о вере, религии, о смысле жизни. С каким глубоким вниманием и интересом, с каким сочувствием слушали его офицеры, какое он на них производил впечатление и какие интересные беседы потом завязывались! Можно было надеяться, что образуется связь и взаимное понимание между Церковью и интеллигенцией. И что митрополит Николай будет главным деятелем этого движения. Но все это было порвано, митропо-

Митрополит Николай (Ярушевич) среди группы политработников и военных во время передачи Красной Армии 07.03.1944 г. танковой дивизии имени Димитрия Донского, построенной на пожертвования верующих[59]

лита Николая больше нет, и встречи, подобные происходившим во время войны, сейчас немыслимы“». Согласно послужному списку отца Александра, с сентября 1944 года он был назначен настоятелем Успенской церкви города Боровичи и благочинным Боровичского округа Ленинградской епархии.

В этой связи уместно напомнить, что в первых послевоенных наборах открывшихся духовных школ было много недавних фронтовиков. Так, например, в Духовной академии града на Неве, возобновившей после длительного перерыва работу 1 сентября 1946 года, около половины учащихся, принятых на 1-й курс, составляли участники войны — офицеры и солдаты.

Протоиерей Александр Медведский. 1960-е годы

«РУССКОЕ СПАСИБО ВАМ, БАТЮШКА»

И перед войной в Красной Армии были офицеры и солдаты, хранившие в сердце своем веру православную. Некоторым из них, кто попал на территории, присоединенные к СССР, в 1939—1940 годах, удавалось украдкой общаться со священниками, посещать храмы. Отдельные воспоминания о подобных случаях были опубликованы после войны.

Были встречи с верующими красноармейцами у епископа Митрофана (Зноско), служившего в предвоенные годы и в годы войны настоятелем Свято-Николаевского Братского храма в городе Бресте. Там он был крещен в 1909 году, и в этом храме многие годы служил его отец, бывший в годы Первой мировой войны военным священником 8-го Финляндского стрелкового полка. В Брест, в 1939 году в соответствии с пактом Молотова—Риббентропа вошли части Красной Армии. В своих мемуарах епископ Митрофан (Зноско) вспоминал, в частности, примеры трогательного отношения к вере отцов, к Православной Церкви некоторых красноармейцев и членов их семей:

«...1939 год. Праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Стою у царских врат, читаю к литургии входные молитвы. В это время входит на правый клирос лейтенант Красной Армии. Закончив входные молитвы, вхожу в алтарь, кладу у престола положенные поклоны.

Входит в алтарь и лейтенант, и он кладет земные поклоны, подходит ко мне, и спрашивает благословение, называет свою фамилию:

— Георгий В. Р-цев. Батюшка, сегодня день кончины моей мамы — Марии. Всегда в этот день молюсь о ней, если есть храм — обращаюсь к батюшке с просьбой совершить панихиду, нет храма — молюсь о почившей сам.

— Не откажите совершить панихиду о рабе Божией Марии.

— Когда, — спрашиваю, — сейчас ли или вечером после акафиста в 6.30?

— Лучше вечерком, сейчас собирается народ.

— Хорошо, — отвечаю я, — но если вы опоздаете к указанному часу, зайдите ко мне на квартиру, оттуда пойдем в храм и помолимся. Пойдем, покажу вам, где я живу. Вышли мы через понамарку в ограду церковную, опустилась глава его на мою грудь — лейтенант разрыдался.

— Батюшка, если бы вы знали, как нам тяжело, как исстрадалась душа...

Как мог, утешил во Христе родного воина Георгия, показал, как войти в мою квартиру, и вернулся в храм к совершению литургии.

Вечером совершаю вечерню с акафистом. После акафиста, перед пением молящимися песен Богогласника, веду беседу о воспитании детей в новых условиях и вдруг слышу из среды молящихся голос:

— Так, братья, любите Церковь, дорожите

верой православной, учите ваших детей любить Христа, в Нем наше спасение!

Всматриваюсь в массу молящихся и вижу... Стоит в моем студенческом пальто с меховым воротником дорогой мой лейтенант Георгий, стоит коленопреклоненно. Это он «проповедует» вместе с батюшкой. Оказалось, через несколько минут после моего выхода к вечерне, он вошел в мой дом, оставил у матушки свою шинель и в моем пальто пошел к началу службы в храм. После панихиды был он дорогим гостем нашей семьи, разделил с нами трапезу и изредка навещал нас в вечерние часы.

...Послал Господь хору нового тенора в лице лейтенанта Красной Армии, прекрасно знавшего церковный устав и церковное пение. Каждое воскресенье к литургии приходил он в хор и быстро стал любимцем певчих. Слушая воскресные проповеди, наш новичок в хоре неоднократно, через певчих, обращался ко мне с просьбой воздержаться от выступлений с проповедью.

— Если хотите дольше сохранить батюшку и храм, уговорите его, чтобы не выступал с проповедью. Знаю по жизни Церкви в Союзе, что всякая, даже самая скромная и строго церковная проповедь рассматривается у нас как контрреволюционное выступление. Умоляю, скажите батюшке, чтобы поберег себя для верующих, пусть ограничится совершением богослужения. Проповеди ускорят его арест, — так говорил

певчим, став однажды перед ними на колени, молодой лейтенант.

...Завсегдатаем нашего дома был сержант Мина К-ич. Два-три раза в неделю заходил он к нам в полуденные часы и, испросив благословение, удалялся в спальную комнату, где ожидали его Библия и Богогласник. Он впитывал в себя Слово Божие и тихонько пел песни Богогласника. Как-то спрашиваю его:

— Мина, почему Вы никогда не задержитесь у нас, не сядете к столу побеседовать?

А он в ответ:

— Еды хватает мне в казармах. За день от разговоров горло устает, прихожу к вам Словом Божиим напитаться, духовно себя укрепить.

...Похвала Божией Матери. Посреди храма большой образ Приснодевы. Скромно поют клирошане. В самом начале акафиста внимание молящихся привлекает фигура офицера, направляющего стопы свои на правый клирос. Взойдя на клирос, он опустился на колени и в таком положении остался до конца службы. Это был доктор — капитан пограничных войск. По окончании службы вошел он в алтарь, принял от батюшки благословение и тихо, через пономарку, удалился из храма.

...Скольких детей пришлось крестить, знает один Господь. Крестил, не занося крещаемых в книги. Ночью или под утро, и летом, и осенью, и зимой стук в дверь раздается, всегда с черно-

го хода. Открываешь дверь: «Батюшка, ребеночка принесла, окрестите». В большинстве это были молодые матери. О некоторых случаях крещения следует особо кратко сказать.

Вечер третьего дня Рождества Христова. Входят две шикарные дамы, с ними мальчик лет восьми и девочка лет десяти. Москвичи. Мама просит совершить крещение ее двоих детей. Детки производят прекрасное впечатление, они знают, для чего их привели к батюшке мама и тетя. Тетя готовит ребят к Таинству, помогает им снять верхнее платье, ботинки, а мама в сторонке шепчет батюшке: «Сюда придет мой муж в военной форме, не пугайтесь, скажите вашим, чтобы впустили его в дом».

Всех детей, приносимых ко мне на дом, крестил я у красного угла в столовой, а родителей помещал в смежной комнате, в спальной. К концу чина крещения вошел отец детей, в военной форме, полковник, в руках фуражка — синий околыш, зеленый верх (пограничное НКВД).

По окончании чина крещения вошел я вместе с новопросвещенными ребятами в спальную комнату поздравить родителей и сказать несколько слов ребятам. Когда я закончил обращение к детям, отец их, испросив благословения, обнял меня и сказал:

— Русское спасибо вам, батюшка, спасибо. Сегодня у нас семейная радость. Если бы не привел детей моих в крещении ко Христу,

я бы душевно страдал, как преступник против Отечества и духовный убийца моих детей. Вы, батюшка, полагаю, видя мою форму, понимаете, почему не обратился я к батюшке в Москве.

Был я приглашен на крещение младенцев в квартиру лейтенанта Владимира Кр-ко. И родной отец младенца, и отец крестный — лейтенант Василий Шк-ин оба глубоко верующие. В дружеской беседе после крещения В. Шк-ин долго повествовал о том, какие трудности переживают в СССР верующие люди, и в конце беседы достал из кармана ветхий молитвослов.

— Это мой духовный питатель и спутник моей жизни. С ним я неразлучен, — сказал он.

И еще одно знаменательное крещение: принесли в храм младенца в день Казанской иконы Божией Матери. Родители молоденькие, молодой и крестный отец — в военной форме, сержант Красной Армии.

...В воскресные и праздничные дни приходилось в ранние часы, задолго до начала литургии, принимать в пономарке исповедников и после кратких молитв, наставления и исповеди, в той же пономарке причащать святых Христовых Тайн. В Великом посту 1941 года приступило ко святой Чаше в моем храме свыше четы-

рех с половиной тысяч причастников. Кто они? На шестьдесят процентов, — прибывшие с Востока»[60].

Эти воспоминания епископа Митрофана (Зноско), по-видимому, отражают картину, характерную и для других территорий, занятых Красной Армией в 1939 — 1940 годах. Так, протоиерей Георгий Бенигсен после войны вспоминал о ситуации в Латвии, где он перед войной служил диаконом, а затем иереем: «Как красноармейцам и офицерам, так и членам их семейств, было строжайшим образом запрещено посещение храмов. Несмотря на это, многие жены красных офицеров пользовались пребыванием в Прибалтике, чтобы окрестить в русских храмах своих детей»[61].

ИЗ ЦЕРКВИ — В БОЙ

Но то было перед войной. Мало кому известно, что в начале войны были верующие командиры в нашей армии, которые уже не тайком старались исполнять проверенные веками традиции русского христолюбивого воинства. Ниже пойдет речь о молебне и священническом благословении воинов перед боем в первые месяцы войны.

Именно такой случай поведала автору легендарная женщина из Великих Лук, партизанка-разведчица Вера Ивановна Кравченко[62]. Ее ро-

дители, отец Иван Семенович и мать Степанида Тимофеевна, происходили оба из семей крепостных крестьян Богородицкой волости Великолукского уезда. В имении местной помещицы «Богородицкое» предки Веры Ивановны построили храм. Родители часто возили туда на службы на подводе своих детей, в том числе и Веру. У нее был музыкальный слух и хороший голос. Она пела в церковном хоре, и священник ее часто брал с собой, когда надо было исполнять требы. Он даже хотел взять Веру к себе на воспитание, чтобы развить ее способности и дать возможность реализоваться на духовном поприще. Однако перед войной она стала учительницей начальных классов, а война уготовила ей особую судьбу.

В июле — августе 1941 года начались ожесточенные бои за город Великие Луки, который переходил из рук в руки. Предметом особой гордости жителей Великих Лук является то, что их родной город испытал радость освобождения от немецких захватчиков еще на начальном этапе Великой Отечественной войны — 21 июля 1941 года. Длились бои 33 дня. Рассказывает Вера Ивановна Кравченко: «Во время боев за Великие Луки мне встретился на улице города командир той части, оборонявшей город, которая взаимодействовала с нашим партизанским отрядом Петрова. Он спросил: „Ты местная?“ Получив утвердительный ответ, поинтересовал-

ся, где ближайшая церковь. Я ответила, что здесь недалеко есть Успенская церковь на Коломенском кладбище. Офицер скомандовал: „Веди меня немедленно туда!“ Мы пришли, позвали священника. Командир части при мне ему говорит: „Батюшка, мне надо крестить своих солдат и благословить в бой. Справишься? Дело срочное, немцы наседают“. Священник ненадолго задумался и говорит: „Что просишь, сделаю, только дай мне время. Я должен подготовиться, и всех сразу пусть командиры не приводят, подели людей на группы“.

Так и сделали. Я сама при этом присутствовала. Как сейчас мне помнится, с разрешения командира 179-й стрелковой дивизии полковника Гвоздева Николая Григорьевича несколько дней поротно шли в ту церковь солдаты. Батюшка служил молебен, молился Господу о даровании победы воинам над врагом. Крещеные солдаты и офицеры принимали причастие, батюшка благословлял их, надевал крестики на тех, у кого их не было. Кто из воинов изъявлял желание, тех тут же крестил...

Потом наши военные дороги разошлись. После упорных боев эта часть — вместе с другими подразделениями 22-й армии — 25 августа 1941 года прорвалась из окруженного немцами города. Насколько я помню, поход в церковь был сделан воинами по совету командира 126-й дивизии полковника Ефима Васильевича

Бедина. Он вступил в командование дивизией 8 июля 1941 года, незадолго до освобождения Великих Лук после гибели комдива генерал-майора М. А. Кузнецова[63]. Мне судьба выпала стать разведчицей и воевать в родных краях в тылу врага...»

С уважением и восхищением вспоминает о ней командир сражавшейся за Великие Луки 257-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. А. Дьяконов: «Знаю ее как смелую и скромную партизанку-разведчицу... Она много раз ходила в разведку в гарнизоны врага, прошла десятки сотен километ-

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в г. Великие Луки на Коломенском кладбище. Фото начала XX в. Церковь не сохранилась

ров по его тылам, выполняя самые сложные и опасные задания командования... В группе с партизанами она участвовала и в боевых операциях. В этих боях она контужена и дважды ранена...» Чудом Вера осталась живой, и по просьбе комдива Дьяконова ее оставили при армейском госпитале 1919 ЗУА старшиной медицинской службы. Она нужна была комдиву как проводник разведки.

Удивительная встреча произошла у Веры Кравченко во время двухмесячной битвы за Великие Луки зимой 1942—1943 года. Та битва вошла в историю как „Малый Сталинград". Однажды они с подругой, медсестрой санитарного поезда, несли на носилках раненого солдата. Он долго внимательно глядел на Веру и вдруг сказал: „Я где-то вас видел, вот только где?" И вспомнил, что он был в 1941 году в Успенской церкви на том самом молебне... После этого он произнес: „А знаете, в том бою, что был после молебна, все остались живы..." И еще вспомнил солдат: „Такая же служба была в тот день и в Казанской церкви"».

Родители Веры Ивановны жили во время войны в деревне Платоново под Великими Луками. Там же проживала и ее сестра. Огнем прошла война по тем местам. Про то зимнее время 1942 года, когда она служила в разведке и была в тылу врага, Вера Ивановна говорила так: «Мы с братом воевали. Отец и мать помогали нам. Мужа сестры взяли на фронт, и она осталась

одна с малолетними детьми — трехлетним и годовалым... Немцы начали жечь их деревню. Оставшихся в ней мужчин согнали к узкоколейке и затолкали на открытую платформу. Паровоз дернул, и платформа тронулась с места. Мой отец воевал и на Германской войне, и на Гражданской (у Василия Ивановича Чапаева). Он быстро сообразил, что к чему, и сказал односельчанам, кто стоял близко: „Как будет овраг, так прыгаем в снег". Он один из всех и прыгнул. Остался живой.

Когда немцы жгли деревню, моя мама спустилась во дворе дома в колодец. И закрыла

Разведчица Вера Ивановна Кравченко
с комдивом Героем Советского Союза А. А. Дьяконовым
и начальником контрразведки дивизии В. И. Блиновым. 1950-е годы

над головой крышку. А под полушубком у нее была старинная, еще ее мамы, икона, выполненная в металле. Мама молилась... Когда немецкая команда поджигателей ушла, оставив после себя пепелище, мама выбралась из колодца и так же с иконой под полушубком пошла по улице... И вскоре встретила отца — он выбрался из снежного оврага и шел к дому. Свекровь и свекра моей сестры немцы сожгли заживо... Та семейная икона всегда со мной, а дети мои строят храм Божий...» К заключительным словам Веры Ивановны теперь уже можно добавить — храм во имя святого равно-

Разведчица Вера Ивановна Кравченко.
Город Великие Луки. 2002 год

апостольного великого князя Владимира в поселке Стуколово, возведенный, как говорили ранее, тщанием одной семьи, был освящен 28 июля 2005 года[64].

До сих пор точно не известно имя того батюшки в церкви Успения Пресвятой Богородицы при Коломенском кладбище в Великих Луках, который напутствовал словом Божьим наших воинов на бой с захватчиками. Есть сведения, требующие подтверждения, что им был отец Вениамин Лисин.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЕРЕ ОТЦОВ

В годы государственного богоборчества многие, особенно родившиеся после революции, не обрели веры отцов, либо верили, а потом отвернулись от Бога, стали безразличными к Церкви Христовой. Началась война, и беды и страдания людей на фронте и в тылу помогли многим осознать грехи безбожия, вероотступничества, ужаснуться своим греховным поступкам и обратиться к вере православной.

Из рассказа Михаила Алексеевича Свидетелева, бывшего во время войны командиром артиллеристов[65]: «Я 1922 года рождения, инвалид Великой Отечественной войны. На фронте был командиром взвода и батареи, начальником штаба дивизиона. Волею судьбы мне довелось быть участником боев на Кавказе, на Украине,

в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Я уроженец бывшего монастырского села Вороново, в старину принадлежащего Троице-Сергиевой лавре, а потом Дмитровскому Борисоглебовскому монастырю.

...В годы моей юности многие, в том числе и я, стали отдаляться от веры, потом были наказаны войной за свой грех отступничества. Вновь прозрел я только тогда, когда немцы разбили мою батарею на подступах к городу Орджоникидзе (Владикавказу), и с восемью бойцами ночью вышел в станицу Архонскую, где нас накормила и напоила добрая русская женщина. Она крестилась, плакала. Я смотрел на образ Христа Спасителя, находившийся среди других икон. Образ Христа был живым, он освещался голубой лампадкой. Такой же образ Христа был у нас в селе. ...В чужой избе я душой ощутил присутствие Бога, Которого забыл в годы атеизма, и ужаснулся своих страшных деяний. Мне вдруг стало ясно, за какие грехи наказан наш народ Богом! За отступничество от Бога, от веры, от святынь, от традиций, от всего духовно-нравственного, на чем держалась Великая Русь — Россия. Подтверждением этого было и позорное отступление армии с многочисленными потерями и непомерными страданиями всего народа. Я не мог оторвать своего взгляда от образа Христа Спасителя, карающего и милосердного, и душу мою охватила безысходная тоска».

Блокадница Нина Федоровна Потрусова рассказывала[66]: «Я комсомолка из комсомолок! А бывало, после работы забегу в храм и, как умею, помолюсь за Победу, чтобы мама была жива и чтобы все мы были живы. И успокоюсь...» Это маленький штрих в картине того, как происходило во время войны в храмах постепенное единение людей верующих и неверующих. Там кончались споры, ибо и те, и другие прикасались к несомненному. Ведь Церковь тем служит миру, что свидетельствует в нем о правде Христовой.

На фронте шел тот же процесс единения защитников Отечества, но в совершенно иной обстановке, когда в одном окопе, экипаже, отряде оказывались верующие, атеисты и активные богоборцы. Один яркий пример описан Георгием Дроздовым, который приводит рассказ своего родного деда Михаила — танкиста[67]: «Я в Бога поверил на войне, — рассказывал мне дед, — и из-за одного человека. Звали Анатолий. Он служил в нашем танковом расчете с декабря 41-го. Механиком. Парень был с Псковщины из городка Порхова. Он был весь спокойный, с виду неторопливый. И всегда крест на шее. Перед всяким боем он обязательно осенял себя крестным знамением.

Наш командир — Юра, яростный комсомолец, прямо видеть не мог ни крестика этого медного, ни крестного знамения.

— Ты что, из попов?! — так и налетал он на Анатолия. — И откуда вы, такие, беретесь? И как тебя только на фронт призвали? Ты же не наш человек!

Толя с обычным своим достоинством отвечал, не спеша, с расстановкой: „Я наш, пскопской, русской, стало быть. И не из попов, а из крестьян. Верующая у меня бабушка, дай ей Бог здравия, она и воспитала в вере. А на фронте я — доброволец, ты же знаешь. Православные всегда за Отечество воевали".

Юрка кипел от злости, но придраться к Толе, кроме креста, было не за что — танкист был как полагается. Когда в 42-м мы однажды едва не попали в окружение, помню, как Юрий нам всем сказал:

— Значит, если у немцев окажемся, всем приказ — застрелиться. Нельзя сдаваться!

Мы молчали подавленно и напряженно, один Толя ответил, как всегда не торопясь: „Я стреляться не могу, этого греха Господь не прощает, самоубийства, стало быть".

— А если к немцам попадешь и предателем заделаешься? — зло бросил Юрий.

Не заделаюсь. Мы, пскопские, — людишки крепкие, — ответил Толя. Слава Богу, мы тогда избежали окружения и плена...

В начале 44-го, в Белоруссии, несколько экипажей получили приказ идти к узловой станции, где наша пехота уже несколько часов вела

бой. Там застрял немецкий состав с боеприпасами — он тянулся на подмогу крупному соединению, что пыталось отбить у нас ключевую позицию. ...Бой был короткий. Две наши машины сразу запылали. Наш танк обогнул их и, на полном ходу, шел к уже видневшейся за деревьями станции, когда что-то шарахнуло по броне, и вдруг вспыхнул огонь внутри, в кабине. ...Танк встал. Мы с Толей выволокли самого молодого из нас, Володю, из люка, на землю опустили и отбежали с ним метров на сорок. Смотрим — мертвый. Бывает, что сразу видно... И тут Толя кричит: „А где командир?"

И верно, нету Юрия. ...А танк уже горит весь, полыхает. Толя перекрестился, бросил мне: „Прикрой!" — и назад. ...Когда я подбежал к танку, он уже тащил Юрку вниз. Командир был жив, его просто сильно контузило и обожгло. Он почти ничего не видел. Но именно он, услыхав вдруг скрежет, ...закричал: „Братцы, поезд! Прорывается!" ...И вдруг мы услышали, как взревел и зарокотал наш танк. ...Танк горел весь, горел, как огромный факел. ...Немцы, увидев несущийся на них огненный смерч, подняли беспорядочную стрельбу, но остановить Т-34 уже не смогли. Полыхая пламенем, танк на полном ходу врезался в передние вагоны немецкого состава. Помню, как лопнул воздух от адского грохота: это стали один за другим взрываться ящики со снарядами. ...В медсанбате Юрка плакал, как мальчишка, и повторял, хрип-

ло кашляя: „Миша, слущай, а как же Бог-то? Ему же, Тольке-то, нельзя было самому себя убивать, раз он — верующий! Что же теперь будет-то!"

Спустя два года я приехал на Псковщину, в маленький Порхов. ...Я нашел небольшую церковь. Там бабушку Толи и самого Толю тоже помнили. Тамошний старенький батюшка благословлял его перед уходом на фронт. Этому батюшке я честно, как на духу, рассказал всю Толину историю и как он погиб. Батюшка задумался, перекрестился, покачал головой. И по полному чину отпел раба Божия Анатолия, за Отечество и веру православную убиенного. Душу свою положившего за Россию».

Иногда путь фронтовика к Богу растягивался на долгие годы. Один из таких случаев поведал иеродиакон Никон (Муртазов)[68]: «В шестидесятых годах прошлого столетия я встретил на Успенской площади Псково-Печерского монастыря высокого, крепкого телосложения мужчину, которого вела под руку еще молодая женщина. Николай Иванович, как звали этого совершенно слепого мужчину, был родом из Ярославля, бывший военный, по званию — полковник. Поводырем была его родная сестра Елена Степановна, верующая в Бога христианка. Она искренне любила брата и сочувствовала ему, ибо жизнь его была омрачена не только слепотой телесной, но и духовной.

Николай Иванович потерял навсегда зрение на фронте после одного ранения.

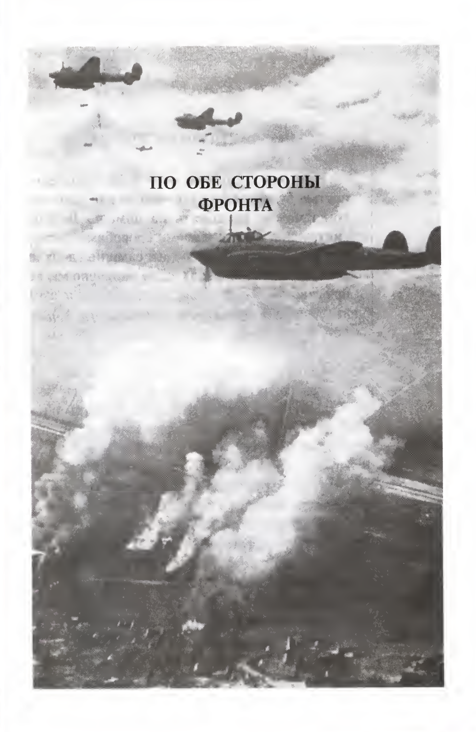
— А я ведь в этих краях когда-то был, — вспоминал он в разговоре со мной, — и помню деревеньку рядом с Печорами, кажется Тайлово. Помню, там церковь стояла небольшая, старая, а рядом колокольня с несколькими колоколами. По дурости своей я стал стрелять из пистолета по колоколам. Напуганное выстрелами воронье кружилось над погостом. Я выпустил обойму на эту потеху и, довольный, пошел дальше. Нет бы, перекреститься, да попросить у Бога благословения, — сокрушался рассказчик.

— Село Тайлово до сих пор есть, — сказал я, — и церковь Святителя Николая открыта. Служит в ней уже много лет добрый батюшка — отец Серафим. И колокола на месте и опять звенят, зовут на молитву.

Узнав, что церковь в честь Святителя Николая, Николай Иванович как-то встрепенулся, потом грустно сказал:

— Наверное, это кара Божия, святой Николай наказал меня за мой грех слепотой. Я теперь понял все! Прости меня, Господи! Он перекрестился, прослезился, вздохнул и снова смиренно покорился воле руки сестры, которая вела его к Богу».

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

Если мы постоянно и со всей старательностью будем делать все, что от нас зависит, тогда можно призывать на помощь Божию силу — она придет и всеми способами доставит нам победу. Если же мы сами не сделали того, что должны сделать, то напрасно мы ее призываем.

Преподобный Исидор Пелусиот

ПО ЭТУ СТОРОНУ ФРОНТА

Молитвы в узилищах

...И даже в местах заключения, ссылках, где в тяжелейших условиях пребывали во время войны многие лица духовного звания и обычные мирские люди, молились о спасении России. Свою весомую и никому, кроме Всевышнего, неведомую лепту в молитвенный подвиг народа внесли они...

Святитель Афанасий (Сахаров) в начале войны был[69] «отправлен из Олонии за четыреста километров в онежские лагеря близ города Каргополя Архангельской области пешим этапом, причем заключенные несли свои вещи на себе. Впоследствии он вспоминал: несмотря на то, что с детства ему запрещали пить сырую воду, тут он рад был зачерпнуть горстью водички из лужи или из болота, и эта, хотя и грязная, но не ядовитая вода освежала его и укрепляла. Соринки, травинки, водяную плесень он откидывал, а воду пил, и без этой сырой и не совсем чистой воды едва ли дошел бы до цели.

В результате тяжелого этапа, а также от голода преосвященный Афанасий так ослабел, что едва ходил с палочкой по бараку, думал,

что не переживет, писал завещание. В „Этапах и датах" он пишет об этом времени: „Работал на лесобирже, нормы не вырабатывал, был на штрафном пайке, работал дневальным. Голодал, не было ни денег, ни посылок, был доходягой".

В августе 1941 года святитель Афанасий составляет молебное пение об Отечестве, исполненное глубокого покаяния и необычайной молитвенной силы, обнимающее все стороны жизни нашего Отечества и во всяком звании сущих сынов его: «Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, Господи Боже наш; не сохранихом заповедей Твоих, не соблюдохом повелений Твоих, но возжелахом ходить в воле сердец наших <...>. Но, о Многомилостиве, не до конца прогневайся на нас! <...> Бывшими бедствиями и скорбями омой нас от беззаконий наших <...>. По молитвам святых очисти, Господи, Русскую землю от нечестия, безбожия и развращения. По молитвам святых очисти, Господи, русских людей от всех злых навыков во дни отступления от веры усвоенных <...>. Сохрани Отечество наше яко светоч Православия не токмо для языков, в нем обитающих, но и для всего мира, паче же для единоплеменных нам народов словенских <...> Вонми, Агнче, за мир закланный, воплю крови рабов Твоих, за Тя пролитой и помилуй землю, сими кровьми напоенную, помилуй

землю, в недрах своих сокрывшую телеса, пострадавших за имя Твое, за веру и Отечество и за братий души своя положивших. < ...> Пощади, пощади Отечество наше — Русскую землю и весь народ наш человеколюбиво и скоро помилуй <...>»[70]

«...На допросе 28 декабря 1943 года епископ Афанасий так говорил о своих беседах с верующими: „Целью проводимых мною <...> [собраний] верующих было исключительно то, чтобы удовлетворить их [религиозные нужды] и ослабить у них озлобленность ко всему окружающему молитвами <...>. Я объяснял верующим, что тяжелая обстановка в нашей жизни вызвана войной, что надо набраться терпения и пережить все эти тяжести. Я говорил верующим, что все эти тяготы посланы нам Богом в наказание за наши грехи, совершенные пред Ним <...>, за то, что забыли Бога <...>; нашествие Гитлера попущено Богом как величайшее бедствие, и его мы должны принять как наказание за свои грехи <...>. Я говорил, прежде всего, о том, что русские православные люди нарушили основные заповеди о любви к Богу и любви к ближним. Я призывал к терпению, а не к примирению к врагу».

После освобождения из лагеря в июле 1942 года епископ Афанасий проживал в Омской области и совершал богослужения у себя на квартире и в домах верующих вплоть до

своего следующего ареста в ноябре 1943 года. В этот период, как всегда, «он разделяет все, что имеет, со страждущим ближним. Отправляет отцу Иосифу Потапову на фронт посылки и деньги...»[71]. Епископ Афанасий в 1922 году рукополагал его во диакона. Отец Иосиф в 1941—1945 годах был на фронте, а по окончании войны служил в Никольском кафедральном соборе Новгорода...

А это рассказ о молитвах и благих деяниях ссыльного монаха Леонтия[72]: «Его сослали в 1930 году в Нарымский район из Почаева. Ссыльные в тайге деревушку Татаринское построили, а он еще в сорока километрах от нее сделал себе келейку — избушку три на четыре метра, без окон, только с маленькой дверцей, через которую он заползал на коленках — и молился там, как в скиту. Питался ягодами, грибами, кедровыми орехами, картошку в тайге сажал. В войну он усердно молился, чтобы наша армия победила, чтобы в России наступил мир.

И еще одно тайное дело было у ссыльного монаха. В войну комбайнов не было, мужчин в селе не осталось — все на фронт ушли. И косить, и хлеб жать серпом приходилось женщинам, многодетным, больным. Бригадир распределял, кому какую полоску жать серпом. Так монах Леонтий знал, где полоска многодетной матери: придет ночью, серпом нажнет, колосья

кучками сложит — остается только снопы вязать. Работница утром приходит на свою полоску — удивляется:

— Это что такое? Вчера затемно я вроде все снопы перетаскала. А кучки откуда взялись? Кто ж это сделал работу за меня?

И не знал никто, кто тайком помогает женщинам. Монах Леонтий прятал свои добрые дела, не хвалился, как обычно все хвалятся. Так и работал всю войну. Молился и работал».

Одно из воспоминаний, поразительных по высоте духовного видения той жизни за колючей проволокой, оставил архимандрит Павел (Груздев)[73]. Лагерный пункт, где шесть лет, в том числе и во время войны, отбывал срок отец Павел, находился по адресу: Кировская область, Кайский район, п/о Волосница. Он был обходчиком узкоколейки, и ему разрешалось передвигаться по тайге самостоятельно, без конвоира за спиной. Многих людей спас отец Павел в лагере от голодной смерти, собирая в лесу плоды рябины, ягоды и грибы и ухитряясь проносить их в зону и менять в санчасти на хлеб.

Ниже приводятся несколько фрагментов из его воспоминаний о том, как они молились в ту военную пору, про которую заключенные говорили: «Кто в войну не сидел, тот и лагеря не отведал». Там на самой грани жизни и смер-

ти испытывалась вера человека, его оголенная суть, именуемая совестью. Отец Павел вспоминает: «У начальника второй части, ведавшего пропусками, жена была Леля, до корней волос верующая. Деток-то у ней! Одному — год, второму — два, третьему — три... много их у нее было. Когда удавалось договориться о пропусках, „лагерная епархия" выходила в лес и начинала богослужение на лесной полянке. В том лагере пребывали два епископа, несколько архимандритов, игумены, иеромонахи и просто монахи. А сколько было в лагере верующих женщин, которых все окрестили „монашками", смешав в одну кучу и безграмотных крестьянок, и игумений различных монастырей.

Для причастной чаши готовили сок из различных ягод: черники, земляники, ежевики, брусники — что Бог пошлет. Престолом был пень, полотенце служило как саккос, из консервной банки делали кадило... Как молились все, как плакали — не от горя, а от радости молитвенной! ...При последнем богослужении (что-то случилось, кого-то куда-то переводили) молния ударила в пень, служивший престолом, чтобы не сквернили его потом. Он исчез, а на его месте появилась воронка чистой прозрачной воды. Охранник, видевший все своими глазами, побелел от страха, говорит: „Ну, вы все здесь святые!" Были случаи, когда вместе с заключенными причащались в лесу и некоторые из охранников-стрелков».

В середине войны, в 1943-м, открыли храм в селе Рудники, находившемся в пятнадцати верстах от лагерного пункта № 3, где отбывал срок отец Павел. Настоятелем стал по благословению владыки Вениамина бывший заключенный того же лагеря протоиерей из Бобруйска Анатолий Комков. Жена начальника второй части Леля сказала об этом отцу Павлу и помогла достать у мужа пропуска. Батюшка вспоминал, описывая ту службу: «...Три-четыре иеромонаха, пять-шесть игуменов, архимандриты и просто монахи — ну человек пятнадцать — двадцать. Был среди них и оптинский иеромонах отец Паисий. ...Обязательство подписываю, что всех верну в лагерь. Вышли из лагеря и идем... При этом не то чтобы побежать кому-то куда, а и мысли такой нет — ведь в церковь идем, представить и то страшно.

...Родные мои, а служили как! Огонь сам с неба сходил на этот домишко, сделанный церковью! А игуменья, монашки-то — да как же они пели! ...Они причащались в тот день не в деревянной церкви, а в Сионской горнице! И не священник, а Сам Иисус сказал: „Приидите, ядите, сие есть Тело Мое!“ ...Вернулись вечером в лагерь, а уж теперь хоть и на расстрел — приобщились святых Христовых Таин». Отец Павел, отвечая на вопрос о возможном побеге, говорил, что «ответил бы головой... да люди они были не те, честнее самой честности».

Женские молитвы

Белые платочки России — бабушки, матери, жены, сестры, дочери — молили всемилостивого Бога о спасении на войне своих родных воинов. Этот подвиг был многолетний и прикровенный. Знали о нем только самые близкие. Они, главным образом их дети, ставшие взрослыми и уже сами состарившиеся, донесли до нас драгоценные крупицы того стояния пред Богом, творимого русскими женщинами в долгие дни войны.

Свет от икон

Это случилось в первый год Великой Отечественной войны на Алтае, в Мамонтовском районе. Мужчин забрали на фронт, женщины остались один на один с великой нуждой, малыми детьми, изнуряющим физическим трудом. И вот тогда взоры многих вновь обратились к святым образам Спасителя, Божией Матери, Николы Угодника. Старые, закопченные, в некогда золоченых окладах иконы опять определили в красный угол каждой избы. Это-то и не нравилось председателю колхоза. Но «взрыв религиозности» на этом не закончился. То в одном, то в другом доме иконы стали обновляться — знамение свыше, давно известное Церкви. Господь Бог давал понять, что не оставляет народ Свой в годину тяжелейших испы-

таний. Тогда председатель попытался утвердить себя в глазах односельчан и районного начальства в качестве несгибаемого борца с «опиумом народа». Он решил изъять иконы из всех домов и закрыть в одном сарае. Однако антирелигиозная кампания на новом этапе благополучно не завершилась. Женщины решительно затребовали иконы назад. «И голод, и нужда, и мужики на фронте, а еще и иконы отобрали. Не позволим. Верни обратно!» Делать нечего. Велел председатель открыть сарай, а оттуда — свет, все иконы золотом и красками сияют! Все до одной обновились![74]

Гуси помогли

На ратный подвиг наших воинов в тяжелую годину отступления зачастую подвигали жители тех мест, где оказывались их части, отходившие под натиском немцев с боями на запад. Чаще всего это были старики или женщины, большинство мужчин-то было в армии. Поучительный пример, относящийся к событиям августа 1941 года, описан в книге воспоминаний о маршале Павле Федоровиче Батицком, вышедшей по воле полководца только после его кончины: «Надолго запомнился Павлу Федоровичу случай, происшедший при отходе от города Пола. Штаб дивизии на короткое время остановился тогда в деревне Качалове. Вечером Павел Федорович пришел в избу, которую определили ему

для отдыха. Когда он поздоровался с хозяйкой, невысокой женщиной лет шестидесяти, сидевшей в углу избы под иконами, та вместо приветствия, без всяких предисловий, стала горячо и хлестко его отчитывать.

— Где же у вас всех совесть, когда же вы начнете, наконец, германцев бить, когда вас уже стыд проймет? — гневно выговаривала она. — Мои четверо тоже, видать, бегут от германцев, креста на них нет!..

Она погрозила сухоньким кулаком в сторону стены, на которой в рамке под стеклом виднелись фотографии четырех бравых молодцов, очень похожих друг на друга. Махнув рукой, хозяйка вышла из избы на двор. Через минуту оттуда послышался ее громкий голос.

— Эй, солдатики, идите-ка сюда! — позвала она красноармейцев. <...> — А ну, ребята, ловите вон тех гусей, да в котел! Варите, да ешьте, чтоб антихристам-германцам не досталось! Хоть слов, чтоб ругать вас, нет, негодники, а все ж свои, ешьте на здоровье, может, с моих гусей дела ваши лучше пойдут!.. Ловите скорей, окаянные!

Она то ругала их на чем свет стоит, то также горячо начинала молиться, чтобы все живыми остались, чтобы победили и вернулись по домам. По ее примеру и в соседних дворах хозяйки стали отдавать бойцам свою живность.

Павел Федорович часто рассказывал об этом случае и не забыл о нем до конца войны. Весной 1945 года, после взятия Берлина, он отправил в

Качаловский сельсовет письмо. В нем генерал просил передать хозяйке дома, в котором останавливался, если она жива-здорова, что все ее наказы он и бойцы, которых она, отчитав, угощала гусятиной, выполнены полностью»[75].

«Боже, ведь я не благословила его!»

Михаил Максимович Болотин жил в станице Павловской Краснодарского края и оттуда в сентябре 1941 года был призван в действующую армию. Его дочь Луиза вспоминает: «Первое ранение папа получил под Ростовом, когда наши войска взяли его в декабре 1941 года при контрнаступлении. Второй раз его ранило, когда наши отступали из Краснодара. Пулей перебило кость ноги. Когда кость срослась, он стал ходить с палочкой. Его могли направить на долечивание домой. Но в это время родная станица находилась под немцем.

Когда наши вошли в Павловскую, 10 февраля 1943 года, он уже шел регулировщиком с войсками, потому что знал эти места. Он заехал домой вместе с сослуживцами. Они побыли у нас несколько часов, а потом — на машину и поехали. И бабушка Марьяна, мама его, благословила его семейной иконой Божией Матери „Троеручица“. Этой иконой она благословила трех сынов: папу, дядю Ваню и дядю Сашу перед уходом их на фронт. Двое братьев остались живы, а папа погиб.

Последний раз папа был дома после взятия Таганрога. Он участвовал в десанте, когда после двух неудачных атак пехоты город штурмом взяли моряки и рота пехотинцев. После этого их часть отвели на отдых в станицу Ленинградскую. Мама туда ходила к нему пешком — это сорок километров от нас. Отнесла теплые вещи и еду. И вот оттуда папа заехал еще раз, когда их отправляли на передовую.

Дома были только мама, я и сестра Лора, а бабушки Марьяны не было. Она так расстроилась, так плакала, когда вернулась домой, говорила: „Боже, ведь я не благословила его!“ **Она должна была снова его благословить, ведь он в родном доме побывал, и вновь уходил на фронт. И ей нужно было с иконой Божией Матери „Троеручица“ снова обойти его три раза и молитву во спасение прочесть.** Она от пожара, от утопления и от пули оберегает. И папа на этот раз ушел на фронт без материнского благословения. На Украине в боях за город Великий (Большой) Токмак в 1943 году его смертельно ранило»[76].

Сон о Боге

Во время войны трудно было представить, когда она кончится. И все же были те, кому по милости Божией это было открыто задолго до Дня Победы. Вспоминает Николай Павлович Воронов: «Я работал тогда подростком на металлургическом заводе в городе Магнитогорске

Челябинской области. Ранней зимой 1943 года снится мне сон, как будто еду я на утреннюю смену и выпрыгнул из трамвая в колодках. Колодки — это подошва из липы, а сверху материя какая-то бумажная. И мы бежим по площади. Метет косой снег.

Через площадь бежит старик. Тончайший, высокий, поступь совсем невесомая. На нем облачно-легкая одежда типа халата. Ветром и снегом сносило вбок его бороду. Я внутри себя спросил: „Кто это?“ Мне пришел ответ: „Это Бог“. Я устремился за ним. За поворотом комбинатовской гостиницы бегу и вижу: на темном асфальте что-то написано. Я остановился и прочел: „9 мая 1945 года“. „Что это?“ — опять как бы спрашиваю в себе самом. И слышу: „В этот день кончится война“.

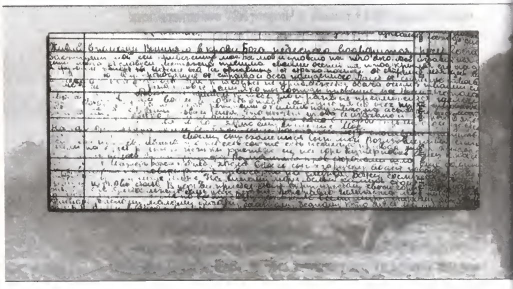
По дороге на смену я забежал к дружку своему Борису Игнатьеву. Он вел дневник. И, когда 9 мая 1945 года вышел из проходной, увидел ребят, которые плясали на площади, бацали своими колодками. Борис жил неподалеку от проходной, и мы пошли к нему. Я увидел на стенде газету, где был портрет Сталина, и объявлялось об окончании войны. Сверху, со второго этажа, сбежала мать Бориса и закричала: «Борис, нас обокрали!» Я испугался, что тетради с дневниками тоже могли украсть. Ведь тогда бумаги не было. Но нет, тетради оказались на месте, и мы нашли запись 1943 года. Там было написано — 9 мая 1945 года.

В «Литературной России», когда я опубликовал этот случай, то изменил фамилию Бориса на Денисова — по его отчеству, так как не знал, как он отнесется к напечатанию этой истории»[77].

Молитвы в неволе

Многие женщины с детьми были угнаны в Германию. Они и там возносили свои молитвы к Всевышнему.

В 1941 году четырнадцатилетняя Роза жила в городе Сталинграде на Дар-горе. В 1942 году, в

Тексты молитв на немецких бланках, переписанных Розой Чувакиной. Угнана из Сталинграда в Германию в 1942 году

октябре, фашисты угнали ее и других подростков Сталинграда на работу в Германию. В фашистской Германии Роза и ее подруги работали на фабриках, жили в бараках. В 1945 году Розу Чувакину и других советских женщин-узниц освободили американские войска.

Тексты молитв она списывала в Германии с тех молитв, которые привезли с собой узницы из Советского Союза. Эту молитву хранила все годы на дне фанерного чемоданчика, и, где бы ни была Роза Чувакина, молитва была с ней. Текст молитвы написан на плотной немецкой бумаге.

Чувакина Роза Петровна после освобождения вернулась в свой родной город-герой на Волге.

Никола Хлебный

Удивителен рассказ писателя Николая Коняева: «В храме — справа, на стене, образ Николая Чудотворца. Лик почти не различить — буровато-коричневой темнотою запеклись краски! — но глаза смотрели ясно, живо и очень добро... Едва вошел в церковь, сразу потянуло к этому образу. Что-то простое, надежное и необходимое было в нем, как в куске хлеба. „Так это и есть Никола Хлебный...“ — пояснила мне монахиня. „Никола Хлебный? — удивился я. — Первый раз такое название иконы слышу“. — „И мы не слышали, пока икону не принесли...“ — сказала матушка и выдвинула вделан-

ный в киот ящичек для свечей. В ящичке лежали узкие полоски бумаги...

Первый раз в жизни видел я их... (Это были продовольственные карточки военных лет.) Одна карточка была выдана на имя Елизаветы Ефимовны Хмелевой, — ей полагалось получать в ноябре 1941-го четыреста граммов хлеба в день. Вторая — на имя Марии Петровны Павловой, получавшей в ноябре 1941-го полную норму — восемьсот граммов.

Ноябрьскими карточками ни Елизавете Ефимовне Хмелевой, ни Марии Петровне Павловой не суждено было воспользоваться: 16 октября немецкие войска начали наступление в направлении Грузино — Будогощь — Тихвин, и 8 ноября овладели городом, пытаясь сомкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Об этом я и сказал матушке. „Не знаю, — покачала головою монахиня в ответ на мои слова. — Женщины, которые образ этот церкви пожертвовали, другую историю рассказывали". — „Какую же?" — „Они сами ее только слышали от взрослых... Все так и было. И немцы наступали. И в оккупацию женщины попали... А есть нечего. Карточки эти немцы ведь не отоваривали... В общем, хоть с голоду помирай..."

Поплакала Елизавета Ефимовна (это ей и принадлежал образ), засунула свою хлебную карточку в свечной ящик, помолилась Николаю Чудотворцу и спать легла. А утром смотрит —

на столе хлеб, в четыреста граммов кусок... А тут как раз соседка заходит, Мария Петровна. „Это ты, Маша, хлеб принесла?“ — спрашивает у нее Елизавета Ефимовна. „Нет, — говорит та, — откуда — сама без хлеба сижу...“ Рассказала ей Елизавета Ефимовна о чуде, и Мария Петровна упросила опустить и ее хлебную карточку в свечной ящик...

„Вот так и прожили женщины оккупацию“, — завершила рассказ монахиня.

Как уж получилось это — неведомо, а только каждое утро по куску хлеба находили... Святитель Никола Хлебный кормил их всю оккупацию. Недолго, правда, и были-то в оккупации, месяц только. Уже в декабре освободили наши войска Тихвин.

Монахиня перекрестилась, взяла „чудотворные“ хлебные карточки из моих рук и бережно спрятала их в свечной ящик».

Владыка[78]

Второе в жизни митрополита Алексия (Симанского) германское нашествие вновь застало его во главе епархий, расположенных на угрожаемом северо-западе. И это второе нашествие повело уже ко вторжению беспощадного, лютого врага в самые пределы обеих его епархий — Новгородской и Ленинградской.

Для митрополита Алексия новое посягательство тевтонской силы на Русскую землю

было продолжением пресловутого «Дранг нах остен» (экспансии на Восток), первый отпор которому уже VII веков тому назад дал национальный герой и канонизированный Русской Церковью святой благоверный великий князь Александр Невский правитель Северной Руси. Митрополит Алексий говорил об этом в многочисленных словах и речах в грозные дни Великой Отечественной войны.

В статье, озаглавленной «Святой благоверный великий князь Александр Невский — покровитель Северного края», он писал: «В этой борьбе Александра Невского с западными врагами обращает на себя внимание одна замечательная черта: неутомимо сражаясь с ними, он ведет оборонительную войну и не стремится к захвату чужих владений. Своей победой он доказал западным врагам, что даже **обессиленная тогдашними внутренними раздорами Русь** в моменты общей опасности явилась для врагов грозной и неодолимой силой. <...> С западными врагами надлежало бороться со всем напряжением борьбы, так как здесь **подчинение угрожало духовной целости и грозило русскому народу участью тех славянских племен, которые жили в теперешней Пруссии,** но, потеряв свою веру, так онемечились, что забыли свой язык, свое племенное происхождение и погибли как для Православной Церкви, так и для всего славянства. <...> И теперь, когда неотразимой силой нашего исторического и мирового всеславянского

призвания, властною силой исторической необходимости, миролюбивая Россия поставлена перед лицом грозной брани за славянство против наглого натиска германизма, <...> — перед нами осиянный вечной славой встает светлый образ князя, явившегося олицетворением мощи русского народа, и вдохновляет нас к борьбе, и благословляет наше окончательное торжество над врагом».

Ободряя других, владыка и сам ни на минуту не терялся, не падал духом. В 1943 году много было случаев обстрела артиллерией Никольского собора, где жил наш святитель. Однажды в храм попало три снаряда — причем осколки врезались в стену покоев владыки. Причт по окончании литургии не мог выйти из храма — кругом были смерть и разрушение. Остались ждать конца обстрела в Никольском алтаре. Вдруг страшный разрыв снаряда... Через несколько минут входит в алтарь владыка, показывает причту осколок снаряда и, улыбаясь, говорит: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось».

В своем обращении к ленинградской пастве 22 июня 1943 года он говорил: «Мы собрались в наших храмах сегодня, в день второй годовщины Отечественной войны, которую с великим самоотвержением и небывалым единством

ведет народ наш... С какими же мыслями и чувствами предстоим мы ныне пред Господом, во время продолжающихся еще бранных опасностей? Что говорят нашему сердцу и чему научили нас эти два года тяжелых испытаний? — *Благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на брань. Милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой*... (Пс. 143, 1—2). Вот какие священные слова приходят нам на память в эти знаменательные минуты. Мы видим теперь, что, несмотря на неимоверные трудности современной войны, мы не только не ослабели, но, наоборот, окрепли в ратных подвигах; силе и искусству врага противопоставили мы нашу силу и наше воинское искусство и, что, важнее всего, не изнемогающее ни перед какими трудностями всенародное воодушевление. Подлинно, Сам Господь «научает руки наши на ополчение».

После снятия осады с многострадального Ленинграда митрополит Алексий побывал в его пригородах. Четверть века спустя он характеризовал свои тогдашние впечатления от созерцания всего совершенного там немецкими «культуртрегерами», как одни из самых сильных в жизни. Святейший патриарх с иронией употребил этот термин, означающий «носители культуры», которым немецкая интеллигенция кичливо определяла собственный народ до Первой мировой войны.

Блокадный храм

В память о днях блокады в городе на Неве вот уже несколько лет действует храм во имя Успения Пресвятой Богородицы на Малой Охте. Православные горожане называют его Блокадный храм. Во время же блокады в Ленинграде действовало, трудно себе представить, 10 православных храмов! Один из воссоздателей истории православной жизни в блокадном городе пишет: «Священники, служившие в этих храмах и окормлявшие блокадную паству, не давали угаснуть надежде, что не будет оставлен Богом и побежден народ русский, и город выстоит... То, что обессилевшие люди все же заполняли блокадные храмы, говорит нам, что вера православная и в этот трагический период являлась необходимой частью народной жизни...»

Существуют воспоминания свидетеля следующего разговора, произошедшего во время блокады на лестничной площадке одного из домов. Маленькая девочка постучалась в дверь соседа священника и, когда он открыл ей, спросила, есть ли у него хлеб? «Я хочу кушать», — сказала она. Священник предложил ей войти в квартиру и ответил так: «Проходи, девочка, хлеба у меня нет, но я научу тебя молиться. Я могу научить тебя молиться, чтобы Господь насытил тебя малым...»[79].

Сами священники, бывшие иногда на пределе истощения, тем не менее не оставляли свою паству. Вспоминает Милица Дубровицкая, дочь священника Никольского собора протоиерея Владимира Дубровицкого: «Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на службу. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь — упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: «Не имею права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить».

Сколько свидетельств осталось о чудесном вмешательстве сил небесных в судьбу блокадников, в их, казалось, уже предрешенную участь!

Вот одно из них — из дневника Лидии Охапкиной: «Тяжелые мысли о смерти меня преследовали. Пять дней без хлеба... Я встала и бросилась на колени молиться со слезами. Иконы не было, да и я не знала ни одной молитвы. Дети мои были некрещеными, да и я сама не верила в Бога. Правда, во время „тревоги“ я иногда мысленно шептала: „Господи, спаси, не дай погибнуть“. Но в этот раз я горячо шептала: „Господи, ты видишь, как я страдаю, как голодна и как голодны мои маленькие дети. Нет больше сил. Господи, я прошу, пошли нам смерть, только чтобы мы умерли сразу все. Господи, пожалей ни в чем не повинных детей...“

На следующий день во входную дверь начал кто-то сильно стучать. Это был посланец с фронта, от мужа. Он передал мне небольшую посылочку с хлебом и письмо. Лейтенант, глядя на всех нас, стал громко сморкаться и вытирать слезы, которые у него показались».

Вскоре эта семья смогла по «Дороге жизни» эвакуироваться в тыл.

Вот еще одно блокадное свидетельство: «В одну ночь я почувствовала — умираю. Рядом лежала моя дочка. Но, поскольку я верующая, я стала на колени и говорю: „Господи! Пошли мне, чтобы я до утра дожила, чтобы ребенок не увидел меня мертвую". Я пошла на кухню и — откуда силы взялись — отодвинула стол. И за столом нахожу бумагу из-под масла сливочного, валяются еще там три горошины и шелуха от картошки. Я бумагу сжевала, дожила до шести часов утра, а там пошла за хлебом»[80].

Верующие в блокадном городе старались уберечь свои жилища от разрушения бомбами и снарядами так, как испокон века в случае опасности делали их предки — обходили свое жилище с иконами и молитвой. То, что рассказано здесь — свидетельство пожилой женщины, жившей в том доме, о котором пойдет речь. В Санкт-Петербурге на углу Лиговского проспекта, 2-й Советской улицы и Орловско-

го переулка и ныне есть старинный дом. Сегодня он включен в гостиничный комплекс, а ранее был отдельно стоящим домом. В народе его называли «Дом Фредерикса». Заселен он был в предвоенные годы в основном честно отслужившими свое чиновниками Министерства Государственных имуществ и Придворного Ведомства. В доме еще оставались верующие старушки из «бывших». Они, несмотря на усиленные бомбежки и артобстрелы, усугубленные близостью Московского вокзала, ежевечерне выстраивались чередой и с иконами, особо почитаемыми в каждой семье, обходили свой дом с молитвой. Не было ни единого, прямого попадания в этот дом, который соседствовал не только с вокзалом, но и с детской больницей, где во время войны располагался госпиталь. Рассказчица наблюдала за всем происходившим, но не присоединялась к шествованию верующих.

Кто-то хранил Ленинград...

Интересные воспоминания об одной научной загадке тех времен приводит в своей книге о блокадном Ленинграде доктор биологических наук Светлана Васильевна Магаева. Они относятся к тому периоду ее жизни, когда она много лет спустя после войны была аспиранткой члена-корреспондента Академии медицинских наук, Андрея Яковлевича Алымова[81]: «Он,

будучи профессором и подполковником медицинской службы, был главным эпидемиологом Военно-Морского Флота СССР и в первый год блокады жил в Ленинграде, где было опаснее всего. Его резиденция и лаборатория размещались на 16-й линии Васильевского острова. ...Андрей Яковлевич с тревогой вспоминал о тяжелой эпидемиологической ситуации, которая складывалась в Ленинграде к весне 1942 года. Обессиленный город лежал в руинах и нечистотах. Не было воды, канализация не работала. ...Каждое утро Андрей Яковлевич просыпался с тревогой, ожидая сообщения о массовых заболеваниях истощенных людей. Наступил апрель, эпидемий не было. Не было их в мае и дальше не было. ...Эта загадка долго занимала главного эпидемиолога флота. Андрей Яковлевич после войны подключил к ее решению и меня, тогда аспирантку, узнав, что я пережила блокаду. ...Как-то раз он, анализируя мои записи, задумчиво сказал: „Должно быть, кто-то хранил Ленинград от эпидемий..." Тогда я не знала, что Андрей Яковлевич был потомком старинного рода священников. Стало быть...»

Вспоминает блокадница Ольга Николаевна Мельниковская, трудившаяся, будучи студенткой ЛГУ, в эвакогоспитале № 1012 до отправки на Большую Землю через Ладогу в феврале 1942 года[82]: «Мои родители не были верующими. Я, хотя никогда не была атеисткой, вспо-

минала о Боге, только когда погибала в войну или в другие тяжелейшие моменты своей жизни. Кто знает, сколько раз меня спасало незримое вмешательство неба от военных опасностей, смерти, голода в блокаду, туберкулеза, личных невзгод, волков в степи (в Саратовской области летом 1943 года) и в других ситуациях. <...>

В феврале началась эвакуация раненых. Неожиданно один из раненых (руку его я отпаривала горячей водой с марганцовкой) предложил расписаться с ним, чтобы вывезти, спасти мне жизнь, не претендуя, конечно, ни на что. Он знал, что у меня есть любимый. Отказалась, сказав, что университет тоже скоро эвакуируется. Но ведь какой риск — доживу ли до этого, ведь совсем погибаю! Но все равно отказалась. Ну, как я окажусь замужней, как объясню это любимому (если он тоже выживет)?

Удивительная **случайность** позволила мне через несколько лет удостовериться, что этот раненый — Дмитрий Николаев — остался после войны жив. В 1946 году я ехала на поезде в археологическую экспедицию в Брянскую область. Поезд на подъезде к Брянску ехал медленно. По соседнему пути также медленно шел встречный товарный поезд с открытыми теплушками, переполненными солдатами, ехавшими с войны домой. И я увидела в дверях теплушки Дмитрия Николаева! Точно — это был

Тихвинская икона Божией Матери,
перед которой молился Г. К. Жуков

Икона, принадлежавшая родителям Веры Ивановны Кравченко

Часть мраморного иконостаса храма Христа Спасителя, находящаяся в храме села Белый раст

Казанская икона Божией Матери из Казанского собора, г. Санкт-Петербург

Икона «Всех скорбящих радость» на стене разрушенного при бомбежке дома

Казанская икона Божией Матери из Московского Богоявленского собора

Пюхтицкая икона Божией Матери

он! Не успела никак прореагировать, как поезда уже разошлись. Узнал ли он меня? Вряд ли. Я очень изменилась после блокадного изнурения, дистрофии, умирания... Как я рада была узнать, что он остался жив!».

Имя мое — Николай

Актриса Любовь Соколова вспоминает: «В июле 1941 года (жила я тогда в Ленинграде), в день моего рождения, мы поехали со свекровью по делам за город. Вышли из вагона, идем по улице, вдруг — подходит ко мне статный бородатый старичок. Он очень мягко меня остановил, заглянул в глаза и говорит: „Имя мое Николай. Ты будешь есть по чуть-чуть, но выживешь“. (А мы ведь тогда еще голодную блокаду и представить не могли.) И еще он сказал: „Выучи молитвы: „Отче наш“ и по-немецки — „Gottes Mutter, hilf mir“ („Матерь Божия, помоги мне“). Сказав это, старичок отошел от нас и скрылся за забором, а свекровь моя, опомнившись, говорит: „Это же Николай Чудотворец! Догони его!“ Я бросилась за забор, а там огромный пустырь, и никого нет... Человек не мог здесь никуда исчезнуть столь быстро. Мы тут же пошли в церковь, и там, взглянув на икону Николая Чудотворца, я сразу же узнала того старичка.

В годы Ленинградской блокады голод скосил всех моих близких, в том числе и свекровь.

А я выжила — и это было чудом! И молитвы, заповеданные святителем, читала каждое утро...»[83].

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

Во время войны многие священники и монахи Русской Православной Церкви были призваны в армию и как солдаты, офицеры участвовали в сражениях. Иные оказались в партизанских отрядах. Были и такие, которым выпало служить в многочисленных храмах, вновь открытых на временно оккупированной захватчиками территории. Служба в них возобновлялась по инициативе местных жителей и при сознательном попустительстве оккупационных властей.

Адольф Гитлер не стремился к возрождению Русской Православной Церкви. 11 апреля 1942 года он говорил: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту, которая бы почитала Бога по-своему... Коротко говоря, наша политика на широких русских просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола» (23, с. 92)[84].

Немцы довольно скоро увидели, что большие массы народа, особенно крестьян, оста-

лись верны православной вере. В бюллетене полиции безопасности и СД в сентябре 1942 года говорилось[85]: «Церкви переполнены молящимися. Священники имеют так много дел, что едва с ними справляются, число причастников и детей, которых крестят, поразительно большое. Верующие с усердием и самопожертвованием заботятся о ремонте и убранстве своих церквей. Священные предметы, которые во время ограбления церквей большевиками были спасены, снова возвращаются в церковь. Церковные песнопения не забыты, и поэтому во всех приходах создаются церковные хоры... Родители охотно доверяют своих детей священникам для религиозного образования».

Священнослужители исполняли свой пастырский долг на оккупированной территории в сложнейшей обстановке, практически каждый день рискуя своей жизнью. Тогда одновременно шло возрождение духовной жизни народа, на востоке гремел фронт, были действия партизан, рейды карателей, а рядом со священнослужителями часто жили коллаборационисты. Каждый из священнослужителей и монашествующих принимал решения, подсказанные ему сердцем.

На судьбы пастырей Церкви выпал 1917 год, разделительной межой прошедший по судьбам русского народа. Сколько страданий, унижений и мучений пришлось претерпеть им до начала Великой Отечественной войны! Не только из

житий первых христианских мучеников узнали они о гонениях на Церковь Христову, но сами претерпели от безбожников и богоборцев.

И, тем не менее, многие представители православного духовенства, пребывавшие на оккупированной территории, не только молитвами и духовной поддержкой помогали партизанам и подпольщикам, но и оказывали им действенную помощь. Горечь от перенесенных репрессий по отношению к духовенству со стороны советской власти не заслонила у многих из них сознания общей беды, что пришла с нацистами на нашу землю. Священнослужители и монашествующие Русской Православной Церкви поступали так или иначе, в меру открытого Господом для каждого из них.

Расстрелянный епископ

Живое свидетельство твердого стояния в вере в период оккупации и непоколебимого упования на помощь Создателя явил епископ Иосиф (Чернов), впоследствии митрополит Алма-Атинский и Казахстанский[86]. В 1941 году владыка, освободившийся из лагеря в 1940 году, приехал в город Азов и устроился работать в детские ясли сторожем. В период оккупации епископ Иосиф стал открыто служить в городе Таганроге. В отношениях с немцами у него сразу возникли трудности. Ему не могли простить верности Московской Патриархии и

поминовения им имени Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) на богослужениях. Он безбоязненно поминал его даже тогда, когда тот стал в сентябре 1943 года Патриархом и осудил всех епископов-коллаборационистов. На беседах и допросах, проводившихся с ним в Ростове, Таганроге, Николаеве и Умани, немецким командованием ему неоднократно предлагалось сотрудничество в целях пропаганды под угрозой ареста и расстрела. Епископ Иосиф отвечал отказом.

По воспоминаниям очевидцев, он служил перед арестом в кладбищенской церкви на Мещанском кладбище в Умани. Владыка в беседе с протоиереем Симеоном Таборанским в то время высказывал опасение, что немцы будут насаждать унию и что в этом случае придется молиться дома, но не изменять Христу.

Немцы посадили владыку Иосифа в гестаповскую тюрьму в Умани 6 ноября 1943 года как «советского разведчика», якобы проводившего работу в пользу СССР. В Рождественскую ночь 1944 года заключенных трижды выкликали по большой книге по фамилиям и выводили на расстрел. Всего было расстреляно сто двадцать человек. Ждал своей участи и владыка, запрятанный одним из надзирателей тюрьмы в угол камеры, забитой койками.

После того, как замолкла стрельба, к нему в камеру пришел сочувствовавший епископу не-

мец из гестаповского начальства (из российских немцев из города Энгельса) и сказал: «Вы уже расстреляны». Как вспоминал потом митрополит Иосиф: «Говорит по-немецки: „Вы, в большой книге уже помечены, как расстрелянный...“ На второй день Рождества он ко мне раненько приходит и приносит святые Дары». Владыке их передали дочери протоиерея Симеона Таборанского через дежурных немцев. Во вторую ночь, по словам владыки, была такая же выкличка, и гестаповцы расстреляли пятьсот или шестьсот человек... Владыка просил протоиерея Симеона Таборанского передать ему некоторые заупокойные молитвы. Потом уже выяснилось, что он передал не совсем те молитвы*, но владыка был благодарен: «Хорошо, что вы эти молитвы прислали, я всем расстрелянным их прочел».

Когда немцы под натиском Красной Армии ушли из Умани, там был устроен прием властями с участием английских представителей. Владыка Иосиф был приглашен на эту встречу. Вспоминает участник той беседы писатель Борис Полевой:[87] «По свидетельству подпольщиков, сей ...пастырь вел себя при немцах вполне прилично, помогал, чем мог, партизанам, а местному гебитскомиссару так и не удалось ни

---

* Вероятно, владыка Иосиф, ожидая своей смерти, имел в виду молитвы при отпевании священника, желая сам себе их прочитать.

кнутом, ни пряником уломать его служить молебен за победу германского воинства и признать какого-то там Берлинского Серафима, что, несомненно, с его стороны было проявлением гражданского мужества...»

Есть и другое описание встречи в Умани, на которой присутствовал владыка Иосиф. О ней, впоследствии, писал Милован Джилас — один из руководителей Народно-освободительной армии Югославии в годы войны:[88] «Нам предложили побывать на Юго-Западном — Втором Украинском — фронте, под командованием маршала И. С. Конева. Мы вылетели самолетом в Умань... Местный совет организовал для нас ужин и встречу с общественными деятелями города... Епископ Умани и местный партийный секретарь не могли скрыть свою взаимную нетерпимость. Хотя оба они, каждый по-своему, боролись против немцев... Я совсем не был изумлен — настолько широко распространенным стал русский патриотизм, когда епископ Умани поднял тост за Сталина, как за «объединителя советских земель». Сталин интуитивно понимал, что его правительство и его система не выстоят под ударами германской армии, если только они не будут опираться на поддержку вековых устремлений и духа русского народа».

Вскоре арестованному владыке Иосифу пришлось давать показания по поводу той записи

в «большой книге», сделанной в гестаповской тюрьме в Умани. Ведь он числился расстрелянным... После двенадцати лет заключения епископ, архиепископ и затем митрополит Иосиф без малого двадцать лет служил Церкви Христовой, являя пример величайшего терпения и смирения перед непостижимым Божественным промыслом.

На Рождественскую утреню ночью в комендантский час[89]

В Ростовской области в период оккупации открылся 251 храм. Одно из свидетельств глубокой веры русских людей привел в своих воспоминаниях игумен Георгий (Соколов), служивший тогда в одной из церквей Ростова: «Моя квартира находилась при церквах. Часа в два ночи раздается стук. Открываю — человек восемь-девять мужчин и женщин с детьми. „А мы пришли на Рождественскую утреню". Откуда? Из самой отдаленной окраины города. Пришли ночью, когда всякое хождение абсолютно запрещено под угрозой расстрела. Стуки начали повторяться, и скоро в моей небольшой квартире собралось до сорока человек, среди которых были пришедшие из деревень. А вскоре вошел сторож храма и сообщил, что и там скопился народ. Дьякон и псаломщик ночевали у меня, и в 4 часа утра мы начинаем совершать

для собравшихся вторую всенощную. К концу службы собралось до 300 человек. Только глубокая вера и горячее религиозное чувство побудили этих людей целыми семьями, с детьми под страхом смерти идти той январской ночью 1943 года в храм Божий».

Спасительные справки священников

Помощь населению, партизанам, подпольщикам, разведгруппам со стороны православных священников часто проявлялась в содействии в получении необходимых документов. Самой распространенной формой помощи было написание справок. Например, людям, подозреваемым в сотрудничестве с партизанами, священник писал в справке — «глубоко верующие и не имеющие к партизанскому движению никакого отношения».

Священник села Заберезье Воложинского благочиния Барановичской области Евстафий Баслык обнаружил в церковном архиве старую церковную медную (для сургуча) печать с изображением храма с крестами и со славянской надписью кругом: «Забереская Свято-Благовещенская церковь». ...Отец Евстафий поставил не один десяток своих подписей и этих печатей на свои «удостоверения»: «...предъявитель сего, гражданин... проживающий в деревне... что и удостоверяется»[90].

Более двух десятков подобных справок выдал и священник Грудово-Хожово-Полчанского прихода Молодеченского района Вилейской области Николай Гуринович. Свои действия он объяснял просто: «Я не был всемогущим и всесильным. Я был только одиноким, единственным в своем искреннем желании помочь обреченным людям — единственным не убоявшимся подать свой голос в защиту невинных людей. То, что считал целесообразным и нужным в то время, я делал так, как говорило мне мое сердце»[91].

Партизанский командир в храме

Священники на приходах, как правило, знали о существовании партизан и подпольщиков и немцам об их дислокации не доносили, хотя и не всегда помогали им. Учитывая изменения, произошедшие во время войны в отношении Советского государства к Русской Православной Церкви, отдельные командиры поощряли открытие церквей в партизанских зонах, разрешали ставить кресты. Согласно немецкому полицейскому донесению, в одну из таких вновь открывшихся церквей прибыл партизанский отряд, и его командир обратился к молящимся так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры! Бог есть и будет! Мы были временно одурманены, потому что пренебрегли

Богом. Богу надо молиться. Молитесь за нас и за всех бойцов и партизан. Аминь!»[92].

Под конвоем по деревне

При перестрелке между партизанами и немцами жители прихода Гончарской церкви Лидского района Барановичской области ушли в лес. А священник Николай Устинович остался. Каратели стали спрашивать его о партизанах. Отец Николай пояснил, что в деревне нет партизан. Тогда немцы повели священника под конвоем через всю деревню, предупредив, что если будет хоть один выстрел, то священника убьют, а деревню сожгут. В зловещем сопровождении отец Николай прошел через всю деревню. Выстрелов не было. Жители остались живы. Отцу Николаю в ту пору не было еще и тридцати лет.

Немцы несколько раз его арестовывали и после отпускали. Им было в чем его подозревать. По словам отца Николая, у него была такая договоренность с командиром партизанского отряда — чтобы избежать репрессий или доноса соседей, он мог заявить о приходе партизан, после того, как они уходили в лес. Немцы в 1943 году отправили в лагерь мать и отца жены священника Николая Устиновича...[93]

«Больше тебе документы не понадобятся...»

Священник Косьма Раина, настоятель церкви в селе Хойно Жабчицкого района Пинской области, благочинный Пинского западного округа, в годы оккупации не прекращал богослужений. Его сын, Павел Раина, вспоминает, что в начале 1942 года отца Косьму пригласил к себе районный бургомистр и настойчиво потребовал, чтобы в молитвах не было упоминания о здравии московского церковного священноначалия, а молитва «О стране нашей, властех и воинстве ея Господу помолимся» была изменена. Предлагалось: «Об освобожденной стране Российской и победоносном германском воинстве Господу помолимся», как и указывалось в циркуляре Пинской духовной консистории[94].

Однако священник в пасхальную ночь 1943 года при огромном стечении народа прочитал обращение митрополита Николая (Ярушевича) к населению временно оккупированной территории. В проповеди, обращаясь к прихожанам, отец Косьма, в том числе, сказал: «Воля Божия не в постановлениях оккупантов, а в заповеди Господа нашего Иисуса Христа — „нет больше той любви, кто душу свою положит за други своя". Кто чем может и когда может, помогайте народным мстителям в их добром и великом деле! И, главное, все делайте „не воздыхающе, а всегда благодаряще Бога, Который

видит вся сердечная твоя и воздаст ти сторицей в день последний твой"».

9 октября 1943 года на рассвете немцы окружили село Хойно. Отец Косьма был в церкви, ему приказали разоблачиться и следовать в полицейский участок. У священника отобрали документы, сказав, что больше они ему не понадобятся. Отец Косьма понял, что пришел его последний час. Проходя мимо церкви, священник упал на колени и стал молиться. Конвоиры были чехами и, увидев, как истово молится священник, отошли в сторону, чтобы не мешать. Позднее сам священнослужитель вспоминал, что он не знает, сколько времени длилась его молитва. Но когда он поднялся на ноги, то увидел, что рядом никого нет. Встав с колен, он перекрестился и ушел в сторону густого леса.

За несколько недель до новогодних праздников командир партизанского отряда Неделин пригласил священника принять участие в новогоднем митинге. Отец Косьма, описывая тот день, вспоминает: «Сопровождающий меня начальник штаба, заметив, что я ищу кого-то глазами, понял меня без слов и указал мне на стоящих справа от нас разведчиков, среди которых я увидел своих сынов Петра и Павла. В неописуемой радости забилось мое сердце... и, когда дали слово, я сказал: „Дорогие братья, все мы сыны одной великой Родины, любовь к которой собрала нас здесь встретить Новый 1944 год. Недалеко тут за нами наши матери, дети и жены,

которые ждут нашей защиты от врага, пришедшего отнять у нас хлеб и всех нас превратить в рабов... Я знаю, что у некоторых из вас есть французские винтовки времен Первой Отечественной войны 1812 года. О чем это говорит? Наши прадеды также защищали свой дом и защитили его... Вы — те же чудо-богатыри, которые в наступающем году, я верю, освободят свою родную землю от фашистской нечести. И в этом великом деле да поможет нам Бог! С Новым годом, милые и дорогие мои! Последние слова покрылись могучим и троекратным „ура"...»

Госпиталь под полом

Многие из партизан нуждались в медицинской помощи. Священник Борис Кирик, служивший в деревне Ятра Кореличского района Барановичской области, наряду с духовным образованием имел еще и медицинское — он был фельдшером. Отец Борис под полом своего церковного дома выкопал огромный погреб, где устроил госпиталь для партизан на десять коек. Его родной брат Павел Кирик был секретарем епископа Афанасия (Мартоса) в городе Новогрудке. Отец Борис выписывал рецепты, и Павел Кирик получал по ним лекарства в новогрудской аптеке через знакомого фармацевта — дочь священника Сосиновскую. Еженедельно отец Борис приезжал к брату за лекарствами.

Для содержания подпольного госпиталя требовались не только медикаменты, но и добровольные помощники, которые набирались из числа прихожан. Это требовало от жителей села Ятры соблюдения правил конспирации, а от священника — таланта организатора и большого доверия к прихожанам. Одного доноса было достаточно для гибели всей деревни.

Война резко развела людей по разные стороны фронта. Кто-то из лечившихся в подпольном госпитале донес на отца Бориса. Он погиб, не выдав брата и Сосиновскую...[95]

Духовная отвага

Исключительной по своему содержанию для темы «война и духовенство» является характеристика на протоиерея Дмитрия Михайловича Погорского, служившего настоятелем церкви поселка Лисий Нос пригорода г. Ленинграда в середине 50-х годов: «Человек безукоризненного поведения, широкого кругозора, большой культуры. Прекрасно владеет словом, хороший хозяйственник. Внешне интеллигентен, благообразен, имеет традиционный вид православного священника...

Погорский Дмитрий Михайлович родился 19 октября 1909 года в селе Брусилове Киевской губернии. Он происходил из семьи лиц духовного звания. В 1937 году Дмитрий окончил среднюю школу. С 1928 года началось его цер-

ковное служение в качестве псаломщика и регента. Начиная с 1930 года он работал в различных учреждениях города Киева. В 1940 году заочно окончил Московский плановый институт.

В начале войны Погорский был взят в армию и попал в окружение, был ранен и 8 августа 1941 года попал в плен, 16 августа бежал из плена и до 1942 года жил в Киеве. С 1942-го по 1944 год, во время оккупации, священствовал в селе Текула Киевской области. О его поведении в оккупации имеется отзыв местного благочинного, в котором говорится:

«Вел активную разъяснительную работу против украинских автокефалистов (самосвятов), как в народе, так и среди духовенства. Во время оккупации с немцами не сотрудничал. За Гитлера никогда не молился. С церковного амвона антипатриотических речей не произносил даже тогда, когда предписывалось. Противодействовал и не исполнял распоряжений немецких властей с прекращением церковных служб в определенные периоды. Открыто и систематически молился за угнанных в Германию и за наших воинов, вследствие чего его деятельность в то время расценивалась как антифашистская.

За время с половины 1942-го по сентябрь 1943 года лично собрал и отправил в лазарет для раненых русских военнопленных, содержавшихся на голодном немецком пайке в Умани, — 1050 пудов разных продуктов, 3968 яиц

и 10 056 рублей деньгами, каковые показатели являются максимальными не только в моем благочинии, но и в соседних.

За это время часто и систематически организовывал торжественные патриотические моления о даровании победы и о воинах с произнесением соответствующих проповедей не только в своем приходе, но и в соседних. За все это время не был замечен в каких-либо действиях и проступках, порочащих его пастырскую совесть. Пользуется большою любовью и уважением своих пасомых и всего населения».

В делах епархии о Погорском имеется лестный для него, как священника и человека, отзыв епископа Черниговского и Нежинского Арсения от 19 июня 1954 года, а также просьба черниговских граждан вернуть отца Погорского в Чернигов за подписью 414 человек...»[96].

В Ленинградской митрополии отец Дмитрий начал служить в июле 1954 года. В 1956 году он заочно закончил Ленинградскую духовную академию и на следующий год был пострижен в монашество с наречением имени Феодосий. В 1958 году, в воскресенье 22 июня — ровно через 27 лет после начала Великой Отечественной войны, архимандрит Феодосий (Погорский) был хиротонисан во епископа Калининского и Кашинского.

Он был известен, как ревнитель строгой церковно-канонической дисциплины и соблюдения благочестивых церковных традиций, что

выражалось в его личном отношении к уставному совершению богослужений, в устных и письменных обращениях к пастве, увещаниях и назиданиях.

Скончался архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Феодосий 3 мая 1975 года, в Великую субботу.

Священники — разведчик и боец

Настоятель Видонской церкви в Уторгошском районе Ленинградской области, отец Мефодий Белов, сумел на оккупированной территории собрать пожертвования в Фонд обороны страны. Денежные средства и ценности самолетом переправили в Москву. Кроме того, отец Мефодий занимался разведкой: добывал необходимые партизанам сведения. Фашисты выследили священника на станции Дно во время очередного наблюдения за передвижением немецких войск и замучили в гестапо.

Бывало и так, что священники сражались за Отечество с оружием в руках. Отец Феодор Пузанов, настоятель Борковской церкви, находившейся в Солецком районе Ленинградской области, после того как немцы сожгли храм, пришел в партизанский полк Чебыкина и потребовал оружие. Ему выдали трофейный автомат и четыре гранаты. Воевал отец Феодор храбро и умело, за что был удостоен правительственных наград.

Спасение подростков

О временах войны вспоминал насельник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрит Нафанаил (Поспелов)[97]: «Иеродиакон Питирим (Олупков Константин Михайлович) защитил наших русских людей во время войны. Когда пришли немцы, они арестовали совсем молодых ребят и хотели расстрелять их как комсомольцев. Иеродиакон Питирим обратился к немецкому офицеру: „Господин офицер, — сказал он ему, — за что вы их арестовали? Что могли понимать эти подростки, разве они были сознательными коммунистами? Ведь в СССР загоняли в комсомол всех поголовно. Вы собираетесь расстрелять совершенно невинных людей!“ Отец Питирим поручился за этих подростков. Жизнь их была таким образом спасена...

Протоиерей — партизанский хирург

В монастыре жил тогда протоиерей Николай Николаевич Николаев[98]. Когда он приехал к нам (уже будучи протоиереем), он был пострижен в монашество с именем Никандр. Он был отличным врачом-хирургом и вообще — умельцем на все руки. ...В войну, как он рассказывал, за ним много раз приезжали партизаны, завязывали ему глаза, машиной перевозили туда, где их товарищам нужна была хи-

ругическая помощь. Он оперировал, спасая людские жизни. Потом ему опять завязывали глаза и привозили обратно...

После войны в начале пятидесятых годов он, имея на руках документ от патриарха о своем назначении настоятелем храма в селе Спас-Загорье Можайского района Московской области и Постановление правительства о передаче храма Церкви, отвоевал у местных властей храм и был не только его настоятелем, но и главврачом поликлиники. Отец Никандр (Николаев) вскоре был возведен в сан архимандрита. Он дожил до девяноста с лишним лет и с честью погребен при храме, который он отвоевал для Церкви. Вечная ему память!..»

Ектенья о победе

Во время Сталинградской битвы на временно оккупированных в 1942—1943 годах частях территории этой области нацисты расправлялись со служителями церкви. Так, священник Михайло-Архангельского храма поселка Рынок (имя его не установлено) был в 1942 году повешен немцами за провозглашения ектеньи о победе русского оружия и погибели фашистов[99]. В военных мемуарах о Сталинградской битве указывается, что некоторые местные священники помогали советской разведке (без указания имен тех священников).

Матушка Мисаила и секретарь райкома

По воспоминаниям ее родных и близких, помогала партизанам в Курской области и монахиня Мисаила (в миру Матрона Гавриловна Зорина) 1850 года рождения[100]: «Приезжали священники из Курска, из Обояни, Тима и сельских приходов. Особенно часто бывали отец Михаил из Бунина и отец Павел из Курска. Отец Павел был высокообразованным человеком, окончившим Медицинскую и Духовную академии; во время войны он переправлял партизан с оккупированной территории к своим. Но сначала в таких случаях он приходил к бабушке за советом. Только получив ее согласие, он переправлял партизан к своим, укладывая их в гробы, как умерших. Впоследствии отца Павла перевели в Москву.

<...> В день, когда началась война, она сказала: „Придет немец сюда, а Курская область будет границей. Только как придет, так и уйдет". Когда немцы уже подходили к Сталинграду, уже многие стали сомневаться в победе наших войск, но бабушка знала: „От Сталинграда немцы бежать будут".

Успокаивала она бывшего секретаря Бесединского райкома партии, руководившего партизанским движением. Она его, бывало, накормит, обнадежит: „Скоро немцы будут бежать". И, получив благословение, он опять уходил в свой отряд. Уже после победы секре-

тарь райкома партии собрал на площади около школы людей: „Подумать только, — говорил он, — столетний человек верил, что немцев побьем, а вы им тут гусей на обед носили..." Уместно здесь подумать о достоинстве побежденных, а ведь матушка за всю войну не съела ни плитки немецкого шоколада, ни кусочка сыра — ничего: „Нет, — отказывалась она, — не хочу".

Немало русских солдат и офицеров посещало бабушку во время войны, всем хотелось жить. И она старалась утешить, накормить, дать крестик, благословить. А проводив, многих тут же оплакивала. Среди гостей матушки Мисаилы была и жена секретаря обкома, которая всегда приезжала на машине ночью, и никто, кроме нас, никогда не знал об этом визите.

<...> Во время войны в Курске появились военные, бежавшие из окружения, которым некуда было деться, возвращаться к своим — ждать неминуемого расстрела. Мы жили близ села Беседино на Выселках (10 дворов). Через нашу деревню проходили эти солдаты. И один из них решил остаться, жениться на сестре. Человек незнакомый, как поступить? Решили сходить к матушке за советом. <...> Она задумалась, закрыла глаза, а потом благословила на брак. Они поженились. Он затем довоевал до конца войны, вернулся. Воспитали четверых сыновей и дочь, дожив до глубокой старости.

Говорила матушка, на войне, когда командир ставит солдат в ряд, чтобы в бой идти, у каждого спрашивает: „Веришь, что мы победим?“ Солдат отвечает: „Верю“, и другой — так же, и третий, а *если кто усомнится, все могут погибнуть. Вот что такое вера»*.

Старец Мисаил

11 ноября 1968 года в городе Краснодаре преставился монах Мисаил. О нем вспоминает Александр Ильич Сусулик, более пятидесяти лет трудящийся в епархиальном управлении Краснодарской и Кубанской епархии: «Я с детства каждый день ходил в Георгиевский храм, где был пономарем с восьми лет. Еще до войны в храме появился необыкновенный прихожанин. Он приходил на службу первым, а уходил последним. Красивый, с волнистыми волосами, с ясным белым лицом и чудесным румянцем, всегда молитвенно сосредоточенный, он невольно обращал на себя внимание. Митрофан, так звали прихожанина, всегда стоял на одном и том же месте, недалеко от храмовой иконы.

Вскоре я понял, что человек этот действительно необычный. Предсказал Митрофан, что война начнется, отступление и победу, когда немцы город займут и когда освободят, и покаяние обновленцев».

Саша видел, что он по-разному общается с подходившими к нему с вопросами людьми. С кем-то он был ласков, приветлив, а кого-то и отталкивал. И подойти к нему мальчик побаивался. Но полгода от отца не было вестей, и он решился. Идет маленький пономарь в стихарике к Митрофану — ни жив ни мертв от страха. Не дошел еще и двух метров, а тот перекрестился широко: «Илья жив! Илья жив! Скоро придет!» Мальчик сначала не поверил своим ушам, ведь он не успел еще ничего спросить, и откуда старец узнал, как зовут его отца? А потом в неописуемом восторге, как на крыльях полетел домой порадовать родных. Прошла неделя, и отец действительно возвращается с фронта: контуженый, раненый, но живой.

Сразу после войны Митрофан принял постриг с именем Мисаила. Постриг был совершен архимандритом Исавом по благословению владыки Флавиана, к тому времени покаявшегося в обновленчестве и присоединившегося к Церкви. Теперь монах Мисаил молился в алтаре Георгиевского храма, а позднее — Троицкого. Для Александра Ильича так и осталось тайной необыкновенное почтение владыки к старцу. Как и непонятен внезапный перевод епископа Флавиана с Кубанской кафедры. Но, думается, все это не случайно: из-за почитания старца и самому владыке надо было пострадать...[101]

Литургия — для военнопленных

В первые месяцы войны немецкая администрация в Прибалтике с большим сопротивлением, но все же разрешила проводить православные богослужения в лагерях для советских военнопленных. Яркие свидетельства о них оставил протоиерей Георгий Бенигсен, родившийся в 1915 году в Казани и рукоположенный 6 июня 1941 года в сан священника в соборе Рижского Троице-Сергиева монастыря[102]:

«Немцы враждебны к Церкви. В противоположность Советскому Союзу, они стараются не слишком открыто проявлять эту враждебность. Но им страшно не хочется отдавать нам души сотен тысяч военнопленных и пропускать наше влияние к миллионам русских душ на оккупированной ими территории России. Мы делаем все возможное, чтобы проникнуть к военнопленным и в Россию. Наконец, удается первое. То, что мы видим, ужасно! Десятки тысяч, сотни тысяч истощенных, замученных, оборванных, босых, голодных — не людей, а комков голых нервов... Нам с огромными трудностями удалось организовать богослужения в лагерях военнопленных в Риге. Это были самые страшные литургии в моей жизни. Посередине лагеря, под открытым небом, совершается таинство Евхаристии.

...Лиц не различаешь: вся толпа смотрит на тебя одними огромными глазами, полными без-

донной скорби, такими глазами, как пишут на изображениях Христа в терновом венце. И из этих глаз неудержимым потоком льются слезы, текут по немытым, заскорузлым щекам. ...Кончается литургия. Подходят целовать крест, целуют руку священника, целуют его ризы, стараются, несмотря на строжайшее запрещение, шепнуть несколько слов, передать записку с адресом, с просьбой разыскать близких. А немцы начинают зверствовать в открытую. Страшные расстрелы евреев. Аресты „инакомыслящих“. И колоссальных масштабов систематическое, продуманное уничтожение русской живой силы — военнопленных».

Последняя фраза отца Георгия объясняет причины жесткого запрещения нацистами духовного окормления советских военнопленных. И все же, несмотря на эти строжайшие запреты, и в других регионах русские священники успешно проникали на территорию концлагерей для красноармейцев.

Вспоминает епископ Митрофан (Зноско), служивший во время войны в городе Бресте: «При содействии Артура Адольфовича Люкхауза сотрудника строительной организации „ТОДТ“, выпускника Московского университета, получил разрешение на пастырское посещение лагеря военнопленных. Боже, какая жуткая картина! Как невыносимо тяжело было видеть обезличенную массу голодных, изможденных — в большинстве — с трудом передвигающихся людей!

Разрешили совершить молебен, запретили обратиться к несчастным со словом пастырского утешения и ободрения. Пришлось импровизировать прошения, заменяющие слово, должное влить в страдальцев силу духовную. Когда все приложились к образу Спасителя, икона буквально утопала в слезах»[103].

Подобные воспоминания подтверждаются и иными свидетельствами. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 года говорилось, что небольшое количество богослужений, которое было проведено в прибалтийских лагерях военнопленных, произвело огромное впечатление на красноармейцев: «Многие тысячи их исповедовались и причащались, плакали и молились, стояли совершенно тихо и неподвижно, как в потрясении, и благодарили после богослужения священников трогательными словами. Точно такие же явления можно было наблюдать в лазаретах для военнопленных, когда священники еще могли посещать их»[104].

Чудотворная икона и победа Александра Невского

Уже упоминавшийся священник, отец Георгий Бенигсен, служил во время войны на оккупированной территории в составе Псковской Православной миссии. Эта миссия русских православных священников по благословению митрополита Виленского и Литовского, экзар-

ха Латвии и Эстонии Сергия (Вознесенского) действовала в годы Великой Отечественной войны (с 1941-го по 1944 г.) на оккупированной немецкими войсками территории северо-западных епархий Русской Православной Церкви — Псковской, Новгородской, части Санкт-Петербургской, а также Прибалтики[105].

В описании служения священников миссии есть и такое: «Самым значительным церковным событием во время оккупации в городе Пскове была передача Церкви Тихвинской чудотворной иконы Богоматери Одигитрии, вывезенной из Тихвинского монастыря. Немцы старались использовать эту передачу в пропагандистских целях. Икону вынес немецкий чин в военной форме, ее приняли иподиаконы на носилки и понесли крестным ходом в собор. На соборной площади была воздвигнута платформа, на ней аналой, куда водрузили чудотворную икону. Протоиерей Георгий Бенигсен произнес проповедь, в которой *с дерзновением, присущим молодости*, говорил о подвиге святого Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия»[106]. Слова о дерзновении встречаются и в описаниях других свидетелей проповеди отца Георгия. Стоит задуматься, от Кого они были и почему немцы и их прихвостни не отреагировали на них...

Чудотворную Тихвинскую икону Богоматери Одигитрии в апреле 1944 года немцы перевезли в Ригу для последующей транспортиров-

ки вместе с другими похищенными ценностями на территорию Рейха.

Вся последующая история иконы связана с архиепископом Рижским Иоанном (Гарклавсом) и его семьей*. Владыка Иоанн благословил отца Сергия (своего приемного сына) вернуть чудотворную икону в Тихвинский монастырь. По промыслу Божию Тихвинская икона вернулась на Родину летом 2004 года и ныне заняла свое место в Успенском Тихвинском монастыре, где пребывала 550 лет[107].

Мы молились перед иконой Богородицы и спаслись

Многим старец Никита, подвизавшийся в 1959—1963 годах в Псково-Печерском монастыре, памятен как представитель «белого духовенства» — как протоиерей Петр Чесноков.

В юности, после обучения в гимназии, Петр Чесноков был отдан родителями на три года в Валаамский монастырь из-за его болезненности. Там он получил строго православное, доброе во всех смыслах воспитание. В восемнадцать лет Петр Чесноков отправился за советом о своем будущем к великому праведнику того времени отцу Иоанну Кронштадтскому. Тот, увидев в Андреевском соборе в Кронштадте юношу, сми-

* О его встрече с нашими воинами в Чехословакии см. в рассказе «Неожиданная встреча» на с. 84.

ренно ожидавшего его у клироса, неожиданно пригласил его в алтарь. Он обратился к нему: «Проходите батюшка». Петр лишь ответил в смущении: «Да я не батюшка... Я — мирянин». — «Ну, значит, будешь батюшкой, — вдруг сказал прославленный всероссийский пастырь. — Молись, молись, будешь батюшкой!»

После рукоположения отец Петр, несмотря на свой физический недостаток (на левой ноге постоянно беспокоила незаживающая туберкулезная язва), старался как можно чаще предстоять перед святым престолом Божиим. Хотя здоровье его было еще изрядно подорвано в лагерях, он никогда не оставлял постоянного окормления своих многочисленных духовных чад, как из мирян, так и из духовенства: по сути являлся как бы старцем в миру.

Во время войны отец Петр не единожды был на краю гибели. Один случай сохранил в памяти архимандрит Псково-Печерского монастыря Александр (Васильев): «...Началась одна из многочисленных бомбежек или артиллерийских обстрелов, что точно — не важно. Важно другое — батюшка оказался вдруг в самом кольце огня: вокруг грохотали взрывы, рушились здания... казалось, в живых ему уже не быть. Но и в эти минуты отец Петр боялся лишь одного — остаться не отпетым по православному чину. И вот среди несмолкаемых взрывов, среди пылающих развалин он начал совершать собственное отпевание! Но Господь сохранил

для будущих трудов на благо Своей Церкви этого смиренного пастыря»[108].

Другой случай произошел, когда наши войска наступали. Тогда немцы старались принудительно эвакуировать на Запад жителей многих городов и деревень. Так было осенью 1943 года и в Новгородской области.

Протоиерей Петр Чесноков исполнял пастырские обязанности в деревне Орлово, Трясовской волости, в 20 верстах от Новгорода, в 1942—1943 годах. В январе 1942 года он по благословению Новгрудского благочинного, протоиерея Василия Николаевского, перевез из Новгорода в деревню несколько святынь. Среди них была икона Успения Божией Матери XVIII века, присланная в 1913 году в собор Святой Софии Премудрости Божией Новгорода из Киево-Печерской лавры. В доску иконы был вмонтирован серебряный ковчежец с частицей мощей святого Нифонта — епископа Новгородского, скончавшегося в 1156 году и погребенного в Ближних (Антониевых) пещерах Киево-Печерской лавры. Когда жителей деревень немцы начали эвакуировать, отец Петр взял святыни, в том числе и икону, с собой.

В 1994 году при реставрации иконы, на тыльной ее стороне, были обнаружены две записки отца Петра, где описаны события тех дней. Из них становится ясно, почему священник называет эту икону чудотворной. Приводим фрагмент текста одной из записок: «...В 1943 году,

10 октября, вследствие военных действий, наша и окружающие ее деревни были эвакуированы. Я взял с собой сию чудотворную икону. В поезде утром и вечером пред нею совершал молебные пения. Ночью 12 октября под наш поезд были подложены мины. Поезд сильно затрясся, и гибель была неминуема. Я взял сию чудотворную икону и стал с глубокою верою осенять все стороны, умоляя Матерь Божию сохранить нас от гибели, и всех в вагоне просил молиться. Сзади нашего вагона три вагона сошли с рельсов и испортили путь. Поезд остановился. Впереди, говорят, еще были заложены мины. Исправили путь, поезд тронулся. Несчастий с людьми не было. Только отделались великим страхом.

Архимандрит Никита (Чесноков). Псково-Печерский монастырь

Воистину, Матерь Божия через чудотворную сию икону сохранила наш большой беженецкий поезд от крушения и гибели. 14 октября (по старому стилю) наш состав остановился в Литве, в городе Можейка, против единственного православного храма Успения Божией Матери. Митрополит Литовский и Виленский назначил меня священником к сему храму, и чудотворную икону Успения Божией Матери поставили в том Успенском храме. После каждой праздничной литургии пред сею чудотворною иконою совершался молебен. Много усердных горячих молитвенных слез беженцев пролито пред сею чудотворною иконою.

Матерь Божия, спаси и сохрани нас под покровом Твоим, возврати сей явленный и чудотворный образ в древний Софийский Новгородский собор для славы имени Божия и прославления крепкого Твоего заступления.

Настоятель Успенской церкви г. Можейка, Литва, недостойнейший протоиерей

Петр Чесноков».

Молитвы отца Петра были услышаны. Вскоре, уже 18 октября 1945 года, икона возвратилась в Новгород в Свято-Никольский собор. Ныне она пребывает в соборе святой Софии Премудрости Божией в киоте перед центральным — Успенским иконостасом[109].

Архимандрит Никита (Чесноков) окончил свой земной путь 25 октября 1963 года насель-

ником Псково-Печерского монастыря. В Михайловском соборе монастыря можно видеть одну из святынь обители — ковчег с мощами святых угодников Божиих. Некогда этот ковчег принадлежал лично отцу Петру. После его кончины осталась еще одна сохраненная им святыня — часть мощей святого мученика Патриарха Ермогена. При освящении Софийского кафедрального собора Новгорода «они были переданы в собор, как благодарный поклон почившего старца Никиты своей родной Новгородской епархии»[110].

Икона Успения Пресвятой Богородицы. XVIII век. Собор святой Софии Премудрости Божией. Великий Новгород.

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Смотри, христианин! Будь только Божий, а Бог своих не оставит. Сердечно веруй Ему как Богу, угождай Ему верой и правдой; всю надежду твою возлагай на Него, и от всего сердца призывай Его, а Он близ тебя, Он с тобой, хранящий тебя... И где бы ни был ты, в какой бы скорби и искушении ни находился, Он с тобой, и смотрит на твой подвиг, и невидимой рукой укрепляет тебя, и помогает тебе. И даже если все злые люди восстанут на тебя и бесовские полки окружат тебя, они ничего не сумеют.

Святитель Тихон Задонский

«СУДЬБА» ПРОНЕСЛА

Возносилась молитва к небу и на фронте. Сотни священнослужителей оказались в рядах действующей армии. Будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси, а в то время иеромонах Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков), был призван в армию и начал свой фронтовой путь в качестве заместителя командира роты. Господь хранил его на дорогах войны. Рассказывает Адриан Александрович Егоров, служивший многие годы у Патриарха Пимена, имевший его благословение быть во время патриаршей службы в алтаре и запомнивший его воспоминания о войне: «Однажды ему поручили доставить командованию пакет с донесением. Сергей Михайлович помолился, перекрестился и сел в седло. Лошадь звали Судьба. Как рассказывал впоследствии Патриарх Пимен, опустил он поводья и тронулся в путь. Дорога лежала через лес. Благополучно прибыл в часть и вручил пакет. Его спрашивают: „Откуда прибыл?“ — и он в ответ показывает рукой направление. „Нет, — говорят ему, — оттуда невозможно приехать, там все заминировано“...»

ЛИТУРГИЯ НА ПЕРЕДОВОЙ

Наместник Псково-Печерского монастыря в шестидесятых — семидесятых годах, архимандрит Алипий (Воронов) воевал с 1941-го по 1945-й и много рассказывал близким к нему людям о войне. Он вспоминал, в частности, о священнике из их полка: «Этот человек воевал вместе со всеми, но имел при себе антиминс, возможно, еще какие-то священные предметы, епитрахиль. Ему разрешали служить литургию и причащать всех желающих, которые утром должны были идти в бой. Видимо, несмотря на весь атеизм, учитывали, что люди находились на передовой. Священник расстилал на пне антиминс, находил хлеб, немного вина и совершал литургию, на память произнося слова церковной службы. Господь, видимо, принимал такую жертву — святую трапезу и искренность людей, которые молились за несколько часов до своей возможной кончины. Не все возвращались из боя. Многие кончали свое земное существование с верой в светлое будущее — в Победу или в Жизнь Вечную, которую не в силах остановить ничто человеческое, в том числе и война»[111].

ПАСХАЛЬНЫЙ ХЛЕБ

Протоиерей Анатолий Правдолюбов, сын протоиерея Сергия Правдолюбова, родился в 1914 году накануне Первой мировой войны. Со своим поколением он пережил многое, в том числе пребывание на Соловках, в лагере особого назначения. После Соловков он женился, а вскоре началась война. В 1941 году его призвали в армию. Он воевал на передовой, был пулеметчиком. Во время атаки на позиции немцев в районе Пушкинских гор на Псковщине Анатолий был тяжело ранен немецким снайпером. Пуля прошла чуть выше сердца, он упал. Кругом лежало много наших убитых солдат. И тут, как много лет спустя он рассказывал своим детям, ему явился юноша и настоятельно посоветовал взять винтовку у одного из павших солдат и идти в медсанбат. Свой станковый пулемет он не в силах был тащить после ранения. Анатолий последовал совету. А юноша вскоре куда-то пропал. Один из его сыновей, священник Михаил Правдолюбов, рассказывал, что отец считал, что явившийся ему юноша был святой Георгий Победоносец. После долгого лечения в госпитале в 1947 году Анатолий принял сан священника по обету, данному им Богу во время войны*.

* Встреча автора с протоиереем Михаилом Правдолюбовым состоялась в Москве в 2005 году.

Отец Анатолий как-то рассказал протоиерею Геннадию Нефедову один фронтовой эпизод: «Была Пасха. Каждому из нас выдали положенную пайку хлеба. Я с детства участвовал в богослужении — как алтарник, чтец, певец, псаломщик. По памяти стал произносить слова Пасхальной службы. На пайке хлеба ножом изобразил крест и ХВ. Когда завершил «службу», солдаты стали просить этот хлеб. Я им говорю: «Вы такой же получили». А они в ответ: «Нет, у нас-то хлеб, а у тебя теперь — пасха!» Тогда я раздал каждому просившему по кусочку, а они мне каждый — по кусочку от своей пайки»[112].

ВОЕННАЯ СУДЬБА БУДУЩЕГО АРХИМАНДРИТА[113]

Ваня Тихомиров родился в 1905 году в глухой псковской деревушке. Из окна их дома была видна белая церквушка на высокой горе. В семье было девять человек детей. Летом они трудились, а зимой ходили в церковно-приходскую школу. Родители растили детей в вере православной, целомудрии и любви к ближним. В 1927 году Иван ушел на военную службу, а в 1930 году вернулся домой, и сразу же сердце его потянулось в храм Божий. Ходил на все службы. «Монах», «богомолец», — смеялись над ним. ...Началась война. Сначала финская, потом немецкая. Удивительно, как Господь хранил бу-

дущего монаха. Призвали Ивана сразу, как началась финская война. Три дня ждала саперная часть погрузки в эшелон. Наконец объявили посадку. При выходе из казармы Ивана остановили: в последний момент начальник штаба распорядился оставить его для обучения нового пополнения. Он был избавлен от смерти (товарищ его погиб сразу же). Это был день Крещения Господня, а Иван носил имя святого Иоанна Предтечи.

Позже, уже на войне с немцами, когда Иван Тихомиров был на Северо-Западном фронте под городом Тихвином, он видел сон, который через несколько часов стал явью. Иван был ранен. С трудом добрался до леса и в изнеможении взывал о помощи к бегущему навстречу солдату: «Ради Бога, помоги, ради Бога!» Откликнулся солдатик на просьбу, вынес раненого Ивана. Всю свою жизнь молитвенно поминал Иван, ставший отцом Иеронимом, воина Петра (единственное, что удалось ему узнать — имя). «Так Господь сохранил меня и спас для покаяния», — напишет он позже, размышляя о чуде Божием. Тридцать два года после войны прожил отец Иероним в Псково-Печерском монастыре, из них тридцать один год он нес послушание келаря. Ко всем обращался с ласковым словом: «Детки, детки!» И не случайно (у Господа случайностей не бывает) преставился архимандрит Иероним в день, когда церковь вспоминает апостола люб-

ви, святого Иоанна Богослова — 9 октября 1979 года.

Свою монашескую жизнь в Псково-Печерском монастыре начинал и друг архимандрита Иеронима — отец Паисий, который был на девятнадцать лет его моложе[114]. Маленький Петя (так звали в миру отца Паисия) впервые увидел будущего отца Иеронима едущим на лошадке в псковской деревне Мишуткино. «Какой хороший человек!» — подумал мальчик. Чистое детское сердце откликнулось на чистоту и доброту Ивана Тихомирова. Потом они встречались в храме, подружились. Во время войны юный Петр был тяжело ранен, несколько дней пролежал засыпанный землей и чудом Божиим был спасен. Сорок лет после войны прослужил отец Паисий в Ильинском храме деревни Юшково, что в часе езды от Печор. В 2000 году архимандрит Паисий мирно отошел ко Господу.

ПРИКАЗ ОТМЕНЕН

«Вторая половина зимы 1944 года... Свирепствуют январские морозы с обильными снегопадами. ...Советские войска прорвали немецкий фронт. Я иду вместе со сводной ротой, составленной из остатков достаточно потрепанного батальона. Командую ею временно, в связи с выбытием из строя ее командира. Вечереет... Доходим до каких-то брошенных землянок.

...Разведка доносит: дальше идти нельзя. Посылаю связного в штаб полка с донесением. Выставляем охранение и приступаем к осмотру землянок. ...Отступали, по-видимому, впопыхах — валяются кое-какие вещи, огарки свечей. Солдаты растапливают печку. Появляется командир саперной роты и предупреждает: все пространство впереди заминировано, в чем он убедился, придя сюда несколько ранее нас. Пространство — это огромное поле, около километра шириной, за которым поднимаются немецкие осветительные ракеты.

Связной вызывает меня в штаб полка. С его помощью в темноте, по пояс в снегу, добираюсь до какой-то землянки, в которой находится штаб. Командир полка, потирая почему-то лоб рукой, сообщает о приказе сверху — бросить с ходу батальоны, от которых за предыдущие бои почти ничего не осталось, в немедленное наступление, прорвать оборону противника и занять еще какое-то количество километров и тому подобное. В данных конкретных условиях все это звучит как бред безумного, но приказ есть приказ.

Пытаюсь объяснить, что подступы к немецкой обороне заминированы и пройти через них практически никому не удается. Немецкая оборона не исследована разведкой. Расположение огневых точек противника неизвестно. Живой силы у нас почти нет. Люди изнурены до крайности...

Командир полка волнуется...

„Вы понимаете, приказ!.. Приказ — с ходу, с ходу и не иначе! Даю вам отсрочку до двадцати четырех ноль-ноль. Артиллерия? Ее нет, где-то застряла..."

Спорить и объяснять бесполезно. Вернулся... Сообщил приказ командирам взводов. Они разошлись по землянкам с теми же мыслями, которые были у меня. А мысль одна: надо приготовиться к смерти.

В землянке тихо. Только слышен вой ветра за ее стенами. ...Остается только творить молитву. Недалеко от горящей свечки замечаю кусок розоватой бумаги, торчащей из соломы. Машинально вытягиваю ее. С удивлением вижу книгу на русском языке. Раскрываю книгу... Она духовного содержания: проповеди одного из русских святителей прошлого столетия. На первой странице бросается в глаза эпиграф: *Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста* (Пс. 22).

Псалом этот я знал наизусть, ибо, как известно, он входит в правило ко святому причащению[115]. Я читал и перечитывал эпиграф и не верил своим глазам. Уныние и боязнь смерти отошли от меня. Я уже твердо знал — ничего ужасного не случится. Посмотрел на часы. Было начало одиннадцатого. Дверь с шумом открылась, и в землянку ввалился засыпанный снегом связной штаба полка. Где-то на-

верху спохватились. Пришел приказ — наступление отменить».

ЗАГЛОХШИЕ МОТОРЫ

Следующий рассказ — о чуде на одной из самых известных и опасных дорог войны, проходившей по Ладожскому озеру к блокадному Ленинграду. Слово — внуку участника событий[116]: «Мой дед, по отцовской линии, Порфирий был в то тяжелое блокадное время шофером и перевозил через Ладожское озеро продукты и боеприпасы на автомобиле ЗИС-5 („полуторка“). Как он рассказывал мне и моему отцу — дело это было очень опасное, но многие, служившие вместе с ним в дивизионе „полуторок“, жили верою в нашу победу и бесстрашно шли на задания. И все же, как говорил дед, среди этих мужественных людей были такие особенные, которым начальство всецело доверяло и всегда посылало на самые рискованные рейсы. Один такой человек, по имени, кажется, Василий, служил вместе с дедом. Он был верующий, благочестивый, крестился и молился, несмотря на насмешки и подколки со стороны однополчан. В его кабине было много икон, и перед заданием он крепко молился у себя в машине, она для него была как келья. Как говорил дед, его сослуживец не курил, и, когда кто-нибудь находился у него в кабине, он просил своих

друзей-однополчан не ругаться и не сквернословить. Все его ценили, уважали и любили, а вот веру во Христа не понимали и подсмеивались над ним.

Очень любил Василия и командир дивизиона. Его всегда ставили во главе колонны, так как считали, что ему всегда „везет". Однажды около десятка машин получили приказ перевести большое количество боеприпасов и провизии через какой-то очень опасный участок. Как всегда Василия поставили во главе колонны. Тронулись на рассвете, пересекли Ладогу и выехали на сушу. Время было весеннее, на дороге слякоть и грязь. Машины шли близко одна к одной. Вдруг Василий резко затормозил, выбежал из машины и удивленно стал смотреть на дорогу и креститься. По приказу комдива останавливаться запрещалось — время передвижения было строго рассчитано.

Шофера подбежали к Василию, и он им поведал о причине остановки: „Я ехал себе и молился. Вдруг увидел почти перед самым капотом видение — перед моими глазами возникла Женщина в необычном одеянии. Когда я Ее увидел, резко затормозил. Сразу вышел из машины... Единственное, что я успел рассмотреть — на Ней были светло-голубые одежды, а на голове — прозрачная накидка такого же цвета с маленьким крестом. Она вся светилась неземным светом, лицо Ее все сияло. Когда я выскочил из машины, Она подняла обе руки перед собой,

согнув их и ладонями обратив ко мне. Я стал креститься и молиться. После этого Она стала отдаляться, и вскоре Ее фигура скрылась в тумане..." Как говорил мой дед — мы начали всматриваться в дорогу, но все было тщетно. Многие шофера начали шутить над Васей и говорить, что ему уже мерещится все что попало, замолился, мол, совсем.

Поехали. Через полчаса опять повторилось то же самое. Тут уж мужики дали волю своим чувствам и набросились на Василия со всей яростью брани и сквернословия. Наконец утихли, колонна поехала дальше. Проехали час.

Вдруг моторы у машин враз, как по команде, заглохли. И вот тут-то, как рассказывал мой дед, — мы увидели эту дивную Женщину. Она парила над землей на облаке. Роста Она была довольно высокого, по возрасту — лет за тридцать, одета так, как одевались раньше женщины на Руси — в одежды светло-голубого мягкого цвета и с такой же накидкой на голове. Крестик на накидке был четырехконечный. Она была окружена неземным сиянием, и лицо Ее сияло неописуемым светом. Почти все шофера умилились сердцем и, удивленные, смотрели на Нее. Василий стал креститься. Женщина подняла руки ладонями к нам, показывая остановиться. Потом, не опуская обеих рук, Она стала удаляться по направлению дороги и исчезла в тумане. После видения никто не осмелился двинуться с места, и все смотрели вперед на дорогу.

Вдруг, вдали за холмом, по которому они ехали, все увидели немецкие танки, пересекавшие их дорогу на большой скорости. Если бы не видение, что оттянуло время передвижения, то всех бы ожидала верная смерть после пересечения холма — тяжелые немецкие танки расстреляли бы колонну в упор. Долго стояли мужики неподвижно у машин, дивясь чуду Божию. Когда танковая часть прошла, все поспешили к Василию. Кто просил прощения, кто расспрашивал о Женщине[117]. После этого случая многие стали креститься и молиться, в основном, тайно. По словам деда, так стал вести себя даже комдив. После виденного шоферами чуда уже никто не говорил о „везении“ и „судьбе“.

Богородица являлась нашим военным водителям и во время Сталинградской битвы — на левом, восточном берегу Волги. Свидетельствует Анна Тимофеевна Ларикова, медсестра 34-го полка 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева: «Боеприпасы нам возили из Палассовки, Николаевки. Многие наши военные водители рассказывали, что их машины останавливала Божия Матерь. На Ней была длинная белая одежда, просто простынь, накинута на плечи, волосы распущены. Увидев на дороге Женщину, машины тормозили. <...> Она предупреждала, что там бомбят, надо подождать, просила, чтобы молились. Водители у нас все были старые, молодых у нас не было.

Я была тогда совсем молодой девчонкой, служила медсестрой. Молиться я не умела, нас этому никто не учил. Сама я Божию Матерь не видела. А водители придут вечером в блиндаж и рассказывают о своей поездке, о явлениях Богородицы»[118].

ПРИЧАСТИЕ ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ

«Эту историю маме рассказывал товарищ отца, фронтовик[119]. После ранения он лежал во фронтовом госпитале. Однажды ночью он почему-то не спал и видел, как в палату зашла женщина с темным покрывалом на голове. В руках она держала чашу. Неизвестная подходила к спящим, и те поднимались. Каждому она подносила ложечкой то, что было в чаше. Не подошла только к нему одному. „Я даже был в обиде: меня-то почему обошла? — вспоминал фронтовик. — Потом, не знаю почему, вышел из госпиталя и пошел в ночи к соседнему лесочку. Послышался гул самолета, еще через минуту от госпиталя ничего не осталось. Все, кроме меня, погибли от бомбежки". А ведь фронтовик ничего не знал о житии святой великомученицы Варвары! Не знал, что ей молятся, чтобы не умереть без святого причастия. По чьим-то молитвам явилась она к тем, кому предстояло скоро умереть, и причастила их».

ОБРАЗ СПАСИТЕЛЯ В НЕБЕ

Немцы к осени 1941 года подступили к стенам града Петрова на Неве. Город по милости Божией не был взят ими. В 1993 году Надежда Гавриловна Клюкова, вдова участника обороны Ленинграда, Алексея Павловича Павлова, скончавшегося в 1987 году, рассказывала со слов мужа: «Я на фронт Отечественной войны попал в 1941-м двадцатидвухлетним юношей. Был связистом. <...> Мы были молодые и отчаянные: однажды отбили у немцев мотоциклы и разъезжали на них... В одну из бомбежек произошло настоящее чудо. Ночное небо вдруг озарилось розовым светом, и на розовом небе появился образ Спасителя. От неожиданности увиденного, все находившиеся в блиндаже бойцы, не сговариваясь, попадали на колени и стали креститься. Образ Спасителя исчез. Небо стало обычным. Но кромешный ад прекратился. А мы долго еще не могли прийти в себя. После этого, как только случался артобстрел или бомбежка, все наши солдаты начинали креститься. С тех пор я и уверовал в Бога. С этой верой прошел через всю войну, и после победы возвратился домой без единого ранения. Образ Христа навсегда остался в моей памяти»[120].

НЕВИДИМЫЙ ДЛЯ БОМБ МОНАСТЫРЬ

Страшным испытанием для Пюхтицкого монастыря в Эстонии стала Великая Отечественная война. В августе 1941 года немцы оккупировали Эстонию. Сохранились воспоминания монахинь: «В монастыре стояли немецкие части. В округе создавались концентрационные лагеря. Даже на нашем скотном дворе держали около двухсот русских военнопленных. Самым отчаянным было положение узников концлагеря в Иллуке, расположенного на пустыре среди болот в полукилометре от монастыря. Они строили узкоколейную железную дорогу. Мы очень жалели их сердцем. Голодные, мокрые, замерзшие, они до изнурения работали. Тех, кто не мог больше выходить на работы, убивали прикладами и сжигали на костре. В воздухе висел смрад от горения человеческих тел. Мы старались помочь как могли. Передавали им хлеб, одежду, лекарства. Многих вывели по тропкам в непроходимых болотах в партизанские отряды или за линию фронта»[121].

Из рассказов матушки Ангелины: «Немцы устроили в монастыре свой штаб. В одном домике ютились престарелые монахини. Когда наши войска стали наступать, немцы предупредили монахинь, что они взорвут монастырь. Они заминировали все здания, оставили только проходы, обозначенные столбиками и стрелками, и говорили монахиням: „Уходите, мы все

взорвем вместе с вами!“ Большинство выехало в городок Альбу, в двадцати километрах от Таллина. При переезде погибли шесть насельниц, попав под обстрел немецких самолетов... Однако некоторые остались в монастыре, даже зная, что им угрожает смерть. Это были духовные чада отца Иоанна Кронштадтского, который благословил их не выезжать из монастыря, что бы ни случилось. Монахини не спали, все ночи молились. Устроились в подвалах возле храма. По ночам гудели снаряды, рвались бомбы. А когда наступал рассвет, монахини думали, что, выйдя на улицу, увидят только груды камней, но, к их удивлению, монастырь оставался невредим. В боях снесло колокольню на горке, но в стенах монастыря все храмы и здания уцелели. Стремительным натиском русские так быстро захватили монастырь, что немцы еле унесли ноги»[122].

Чудом или милостью Божией остался монастырь цел во время войны. По рассказам местных старожилов, крестьян окрестных селений, записанных писателем Юрием Шумаковым, «во время Второй мировой войны десятки церквей были разбомблены под тем предлогом, что они являются четким ориентиром для неприятеля. В числе намеченных целей был и стоящий на возвышенности Успенский собор Пюхтицкого монастыря. Авиация нещадно бомбила местечко Куремяэ. Крестьяне видели множество бомб над монастырем»[123].

Вернемся к рассказу игуменьи Ангелины о событиях тех дней: «Однажды по делам монастыря поехала в Ленинград. Остановилась в попутной столовой перекусить, села за столик. Ко мне подсел военный летчик большого чина и вежливо начал разговор.

— Вы монахиня Пюхтицкого монастыря? Ну уж и дался нам ваш монастырь! Я в войну командовал воздушным флотом. Нам было известно, что в стенах монастыря расположен немецкий штаб. Мы должны были разбомбить его. Целую неделю подряд каждую ночь я посылал наши бомбардировщики с заданием разбомбить Пюхтицы. И лучших летчиков подберу, и карты перед ними разложу, и расчет мы точный сделаем. Ночью улетят, вернутся и доложат: „Задание выполнено, бомбы сброшены по назначению..." А монастырь стоит! Что за сверхъестественная сила вас охраняет? А когда брали монастырь, то все снаряды в болото плюхались!

На что игуменья ответила:

— Если уж Сама Царица небесная обошла в свое время наш монастырь, то не давала Она нас в обиду ни в войну, ни после».

Сестры помнят, как в 1946 году в обитель приехал человек в военной форме. Оказалось, это был летчик, которому был дан приказ — разбомбить Пюхтицкий собор. Несколько раз подлетал он к месту, указанному на карте, но ничего не было видно. «Помню, подлетаю, а все как в тумане, ничего не видно. Было это при

ясной погоде. Я развернулся, сделал круг — вновь ничего не видно. Стал бомбить по расчетам. Вдруг вижу: в облаках стоит Женщина в голубом, которая простерла руки над собором, и говорит: „Не разоряй Мой Дом!“»[124].

Далее вернемся к рассказу писателя Юрия Шумакова со слов местного жителя эстонца по фамилии Кунингас. Он всю жизнь жил в соседнем с монастырем местечке Куремяэ. По его воспоминаниям, «когда летчик, пытавшийся разбомбить собор, вошел в храм, вслед за ним вошел и я. Полковник остановился справа, у чудотворного образа Пюхтицкой Божией Матери, долго всматривался, а потом опустился на колени. Во время бомбежки он видел в небе Женщину, похожую на Ту, что изображена на иконе...». Монахини помнят, что он сказал им: «Это Она явилась мне тогда...»[125].

А вот рассказ монахини Силуаны: «...В один из дней приехал в монастырь офицер-летчик — грудь его увешена была орденами и медалями. Он обратился к монахиням с такими словами: „Покажите мне ваш собор, через который я уверовал в Бога“. <...> Долго стоял офицер в храме и молился, как мог, потом рассказал следующее. Со своими однополчанами он сделал несколько десятков вылетов на бомбежку монастыря, и с каждым из этих вылетов изумление его товарищей возрастало: „Летим мы с грузом бомб (по данным разведки, знали, что в монастыре стоят немцы) — и никак не можем

отыскать монастырь, а чего его искать-то, он ведь на горе стоит, его отовсюду видно. Полетаем — и в другое место. Как только отбомбимся, монастырь появляется. И так много раз повторялось: только сбросим бомбы — монастырь становится видимым. Уже пытались бомбить по приборам — подлетаем к намеченному квадрату и сбрасываем груз, а потом видим — бомбы не взорвались, никаких разрушений, хотя бомбили точно. И еще — когда сбрасывали бомбы, казалось, что какая-то сила отбрасывала их в сторону или они падали без разрыва..."»

И еще один эпизод ее воспоминаний: «У нас однажды побывал турист из Германии — во время войны, он был летчиком и не раз летал с заданием разбомбить Пюхтицкий монастырь. То, что он рассказал, замечательно совпадает с рассказом русского летчика: неведомая сила отбрасывала бомбы в стороны, а во время прицельной атаки бомбы не взрывались. А ведь одной „зажигалки" достаточно было, чтобы уничтожить монастырь, большинство строений которого — деревянные! Саперы поражались огромному количеству найденных ими неразорвавшихся бомб и снарядов»[126].

С «БАТЕЙ» ПО МИННОМУ ПОЛЮ

Молодой священник — отец Александр Петин — приехал весной 1937 года после пяти лет каторги на Колыме в город Пензу. Там он не-

сколько лет прослужил священником. В начале войны его призвали в стройбат и, как пишет протоиерей Александр Кравченко[127]: «Он был определен в батальон, строивший аэродром, взлетную полосу. Но немцы наступали так стремительно — ничего не понадобилось. Получен приказ: „Отходим! Завтра здесь будут враги!“ Далее идет рассказ о налете с воздуха на их обоз с лошадьми, оказавшийся на лесной поляне. Летчик „Мессершмитта-109“, когда израсходовал бомбы, стал в буквальном смысле охотиться за солдатами, расстреливая их с бреющего полета — „...отец Александр, когда спасался от смерти с самолета, ничком валился на землю, вжимаясь в нее при первой пулеметной очереди. Бегал от смерти с неба, а она и в земле поджидала“.

Вероятно, наши отступавшие войска заминировали места, опасаясь прорыва танков, да и противопехотные мины бросали. Случилось так, что их батальон аэродромного обслуживания остался по чьей-то халатности чуть ли не за линией фронта, в тылу наступающих по большим дорогам немецких войск. Обоз, двигаясь вперед, упрямо вырывался из немецких клещей. <...> Передняя телега неожиданно взлетела на воздух. Теперь оставалось одно: с самодельными щупами медленно продвигаться вперед. Но там, где проходил человек, лошадь с нагруженной телегой могла подорваться на мине.

Наступила ночь. Немцы в эти часы отдыхали. Обоз еле двигался, прокладывая дорогу по минному полю в полной темноте. Но вот — снова яркий всполох огня, оглушительный грохот. Все останавливались. Так продолжалось несколько дней. Похолодало. Пошел первый снег. Дорогу начало заносить. С первой телегой теперь никто не хотел идти. Ропот грозил перейти в неповиновение. Обоз прекратил и без того медленное движение.

Бойцы батальона хорошо знали отца Александра, уважительно звали „батей“, несмотря на то что он был сравнительно молод. Его спокойная уверенность, особенная любовь к окружающим передавалась всем.

И тут командир позвал отца Александра. Оказывается, бойцы сказали, что они пойдут дальше, если „батя“ перейдет на первую телегу или пойдет за ней. Командир, молодой еще человек, смущенно пояснил, что сейчас ни он, ни политрук обстановкой уже не владеют. Офицер сказал: „Я понимаю, что война есть война и можно приказывать, но у меня язык не поворачивается, и я прошу вас внять не голосу разума, а чувства. Конечно, это жестоко, вроде быть заложником, но сейчас людей может повести за собой только вера в священника. У бойцов есть уверенность, что с „батей“ не пропадем. Вы знаете, — продолжал командир, — я и сам разделяю эту уверенность“.

Не колеблясь, отец Александр пошел с первой телегой. Это не было броском на огнедышащую амбразуру. Но здесь была та же самоотверженность, в которой его укрепляла вера людей. Бойцы повеселели и приободрились. „Батя" шел без устали. Отец Александр думал о том, что *не каждому выпадают такие прекрасные мгновения в жизни, когда его вера обретает видимое подтверждение*. Все страхи остались позади, на той «поляне смерти», где не прервалась его жизнь от пулеметной очереди с самолета. Видимо, судил Господь и далее пронести свидетельство о Нем среди людей. Нервное напряжение спало, но тело временами наливалось тяже-

Епископ Херсонский и Одесский Никон (Петин). 1950-е годы

стью. То знобит, то бросает в жар. Когда стало совсем невмоготу, отец Александр прилег на телегу.

После многокилометрового пути, когда самое тяжелое осталось позади, силы оставили измученного батюшку. Отец Александр горел в жестокой простуде. После выхода из окружения его доставили в ближайший госпиталь, в Кимрах. Оказалось двустороннее воспаление легких. <...>

Вскоре отца Александра от военной службы освободили. И он остался служить священником в Кимрах. Во время своего священнического служения он неоднократно отправлял обозы с продовольствием в госпитали для раненых бойцов. За его труды в годы войны батюшке были вручены медали: «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и даже благодарности от Сталина как Верховного Главнокомандующего.

Позже отец Александр принял монашество с именем Никон. Затем состоялась хиротония его во епископа Херсонского и Одесского. Владыка Никон умер в 1956 году, когда ветеран Великой Отечественной войны был еще сравнительно молод. Его хоронила вся Одесса. Гроб с его телом пронесли на руках от церкви на Французском бульваре до Одесского Успенского кафедрального собора».

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ЛИВЕНЬ

3 августа 1943 года началось мощное наступление наших войск на южном фасе Курской дуги. На четвертый день наступления оказалось, что в нашем тылу осталась мощная группировка противника. Она получила название Томаровско-Борисовская, по названию двух населенных пунктов[128]. В ее составе было три пехотных и одна танковая дивизия генерал-лейтенанта Ф. Шмидта. Возникла задача ее окружения. В ее разгроме принимала участие прославленная 13-я гвардейская дивизия под командованием генерал-майора Глеба Владимировича Бакланова.

Курсант Днепропетровского военного училища Иван Александрович Шляев. 1945 год

Успешно гнавшая врага на запад, она была повернута на девяносто градусов и брошена в немецкий тыл к селу Головчино на реке Ворскле. В начале операции комдив не знал, что немцам, оказавшимся в котле, удалось собрать из разрозненных частей группировку, превосходившую его дивизию в 5—6 раз. Имея в своем составе много танков и бронетранспортеров, немцы лавиной двинулись на боевые порядки гвардейцев. Те приняли удар, выстояли и сыграли решающую роль в разгроме этой группировки. Но были и критические моменты в боях 6 и 7 августа 1943 года.

Об одном из них вспоминает участник тех боев, в те дни артиллерийский разведчик 39-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант (ныне полковник), Иван Александрович Шляев: «День шестого августа был очень жаркий. На небе ни облачка. Наш передовой отряд дивизии вышел пополудни на высоту в двух километрах восточнее села Головчино. Там был НП нашей батареи с обзором на все три стороны. Батальон майора Мищенко с батареей сорокапятимиллиметровых орудий и с танками с ходу овладел железнодорожной станцией на окраине этого села. Было захвачено пять эшелонов; в одном из них ехало пополнение — взяли в плен пятьсот невооруженных немецких солдат.

И тут наш передовой отряд, и подошедшие главные силы полка поняли, что мы обречены на верную гибель — противник растопчет нас,

когда будет прорываться из окружения. Мы уже знали — окруженные бросаются вперед как обреченные. Разгоравшийся все сильнее бой приближался к своему апогею.

Оставалась одна надежда — на Всевышнего. Едва ли не каждый из воинов просил милости у Него во спасение души. И произошло невероятное. Из-за западного высокого лесистого берега Ворсклы клубами выкатились черные тучи, сразу потемнело, дунул прохладный ветер. А когда тучи приблизились, из них брызнули молнии, небо раскололось, молнии били в расположение противника. Хлынул ливень, сотрясаемый громовыми раскатами. Все поняли, что этот ливень — по промыслу Господа нашего пролился. Бойцы старшего поколения открыто говорили: „Во! Говорят, нет Бога. А Он есть и услышал наши моления!“

Ливень длился два часа. Лишь потом пошел на убыль и стих к четырем часам утра. Земля пропиталась влагой так, что в черноземе утонули даже танки, брошенные противником. С рассветом 7-го немцы бросились на прорыв».

Прервем рассказчика и обратимся к свидетельству других очевидцев — его однополчан: «В это ненастье немцы решили прорваться... Думали застать нас врасплох. Гроза кончилась, когда было еще темно. В темноте, на дороге, при свете ракеты мы увидели колонну немцев. Впереди двигался „тигр“. Машины за ним едва ползли, перемалывая колесами непролазную грязь.

Немецкие солдаты, облепив их со всех сторон, подталкивали плечами. Они при этом громко кричали, ругались. Больше всех надрывались ездовые, погоняя измученных лошадей, которые с трудом волокли повозки, доверху груженные барахлом. <...> Наша неожиданная атака ошеломила немцев. Некоторые бросились врассыпную, другие, не успевшие убежать, подняли руки вверх. Таких насчитали более трехсот»[129].

И снова вспоминает Иван Александрович Шляев: «К полудню у нас кончились боеприпасы... И при этом все заняли окопы, изготовившись к последнему бою. Командир перешел на наше НП, я видел, как на его скулах играли желваки, но он не подавал признаков страха. На нас двинулась группа немцев — человек тридцать. Автоматчики, выдвинувшись вверх по свекольному полю, дали залп, когда увидели, что это офицеры. Некоторые пали, другие подняли руки вверх, а генерал Шмидт поднес пистолет к виску и нажал на спуск... Этот групповой выход из окружения был последним. Напряжение на нашем НП спало. Я видел все лица, и почти каждый обращал свой взгляд к небу и клал на себя крестное знамение. Наш комдив генерал Бакланов, как бы невзначай*, положил руку на грудь и изобразил скользящим жестом крест.

* Глеб Владимирович Бакланов, 1910 года рождения, происходил из семьи коренных москвичей. По свидетельству родственников, его мама Александра Ивановна всю войну молилась за него. Всегда, когда сын уходил из дома, она осеняла его крестным знамением.

Вся наша дивизия считала, что сражение под Березовкой было победным благодаря грозе, ниспосланной небом. Иного и нельзя было предполагать.

Здесь самое место упомянуть о глубоко верующем ездовом моей ячейки управления. Он был из Вологодских краев, и мы все звали его Гурьяныч. Ах! Как он любил лошадей и землю! Тогда же, после боя, я спросил его: „Взял ли он трофейную лошадь?“ И услышал ответ: „Богом сказано, что чужое добро счастья не приносит“. И те слова его сбылись. Через пять дней, при бомбежке у Богодухова, почти все трофейные лошади были убиты.

Все, что ни делал Гурьяныч, он делал как бы с Божией помощью. Бывает, запрягает свою лошадку, тронет ее вожжами и молвит: „Ну, с Богом!“ В другой день после боя он взял мокрый кусочек чернозема, помял его пальцами и сказал мне: „Какую землицу дал здесь Господь! Вот бери ее, мажь на хлеб и ешь. За такую и умереть не страшно“. Эти его слова я запомнил навсегда. То был не кричащий и не ложный, а настоящий патриот Отечества».

Через сорок лет на высоте, где был НП, собрались ветераны того сражения 5—7 августа 1943 года. И на том самом свекольном поле, где шли в последнюю атаку автоматчики, руководители Березовки, Борисовки и Головчино поздравили Ивана Александровича

Шляева с присвоением ему звания почетного гражданина трех районов.

Рассказчик еще в юности, до войны, начал писать стихи. Продолжал он писать и на фронте. В июле 1943 года в Ястребовке Иваном Александровичем были написаны эти строки, относящиеся к дням, когда 13-я гвардейская дивизия участвовала в разгроме Томаровско-Борисовской группировки противника:

ИЗ ПИСЬМА МАМЕ, ОКОПНЫЕ СТИХИ

Сокровенное

Мама-мамочка! Буду молиться
Той молитвой, что ты мне дала,
И со мной ничего не случится,
Ведь на Волге она уж спасла.

Мама милая! Тоже молися.
Бог услышит молитву твою
И поможет опять мне спастися —
Здесь, под Курском, в грядущем бою.

На закатной заре выступаем на запад,
Там гремят уж огонь и броня.
Знай, идем мы в «тигриные» лапы
С верой в Бога, Отчизну храня.

Мама! Будет ли наше свиданье?
Впереди у меня — смертный бой...
Неизвестно судьбы начертанье,
Даст ли небо обняться с тобой.

ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ

Неординарные события происходили на фронте и с будущим архимандритом и наместником Псково-Печерского монастыря Алипием (в миру Иваном Михайловичем Вороновым)[130]. Он родился 28 июля 1914 года, в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира, в семье бедного крестьянина в подмосковной деревне Торчиха. В 1927 году переехал в Москву, где окончил в 1931 году среднюю школу, но часто возвращался в деревню, помогая своей больной матери. С 1933 года трудился рабочим на строительстве метро и од-

Иван Михайлович Воронов. Фронтовая фотография

новременно учился в художественной студии при Московском союзе художников, которую закончил в мае 1941 года.

И. М. Воронов писал в автобиографии: «Когда враг подошел к Москве, я, как и все, вышел с оружием в руках защищать столицу. Уезжая на фронт, я прихватил и этюдник. И так от Москвы до Берлина: справа — винтовка, слева — этюдник с красками. Я прошел всю войну, был участником многих боев. За написание истории особой 4-й танковой армии лично Сталиным был удостоен высокой боевой награды — ордена Красной Звезды. Также был награжден медалями „За отвагу“ и двумя медалями „За боевые заслуги“; свыше десятка медалей получил за участие в освобождении разных городов...

Осенью 1945 года, возвратясь с фронта, я привез около тысячи разных рисунков, эскизов, этюдов и сразу же организовал в Доме Союзов в Москве индивидуальную выставку своих фронтовых работ...»

Гвардии рядовой Иван Михайлович Воронов пришел к вере в Бога на передовой, в самом пекле войны. Он сам рассказывал: «Представьте себе: идет жестокий бой, на нашу передовую лезут, сминая все на своем пути, немецкие танки. И вот в этом кромешном аду я вдруг вижу, как наш батальонный комиссар сорвал с головы каску, рухнул на колени и стал... молиться Богу. Да-да, плача, он бормотал полузабытые с детства

слова молитвы, прося у Всевышнего, Которого он еще вчера третировал, пощады и спасения. И понял я тогда: **у каждого человека в душе Бог, к Которому он когда-нибудь да придет»**[131].

О И. М. Воронове, своем однополчанине, рассказывал его непосредственный командир Станислав Андреевич Меньшиков: «С Иваном Вороновым я был знаком с августа 1943 года. Тогда он после ранения из госпиталя был направлен в нашу часть — 13-й дивизион, который входил в состав 54-го гвардейского минометного полка имени Александра Невского. Этот полк был „эрэсовским“, то есть стрелял реактивными снарядами, которые получили название „катюш“. В 1943 году я был командиром взвода разведки, тогда в мое подчинение и поступил Иван Михайлович... Очень часто задают вопрос — когда пришел Иван Михайлович Воронов к мысли, что надо глубоко и честно служить Богу. Это стремление появилось у него еще во время войны. Иван Воронов был тяжело ранен под Витебском. Немцы выходили из окружения, они прорвали линию фронта, было много убитых и раненых. Ранен был и Иван Михайлович. После того как немцы прорвали фронт, по полю боя шло немецкое подразделение, которое добивало всех раненых русских солдат. Среди раненых лежал на этом поле и Иван Воронов. Он решил притвориться мертвым, а про себя твердо сказал: „Если я останусь жив, то я вечно буду с Богом, и вечно буду Ему

молиться“. Немцы прошли мимо, Иван Михайлович остался жив.

Затем, когда я был назначен командиром батареи, я взял Ивана Михайловича к себе, и он, как бывший артиллерист, стал наводчиком моей батареи... Расстались мы с ним в Кенигсберге в 1945 году»[132].

Как вспоминали близко знавшие архимандрита Алипия люди, он, будучи наместником Псково-Печерского монастыря, часто так говорил о своем избавлении от смерти на поле боя: «Я 28 июля родился и умер». Он имел в виду, что это случилось в день его рождения и он родился тогда к новой жизни, обретя веру.

Архимандритом Тихоном, наместником Псково-Печерского монастыря, на Первых алипиевских чтениях, были приведены неизвестные страницы из жизни приснопамятного архимандрита Алипия (Воронова) и, в частности, эпизоды из его военной биографии: «9 мая 2003 года на братском захоронении в городе Печоры братией Псково-Печерского монастыря была отслужена традиционная заупокойная лития. Среди выступавших был ветеран Великой Отечественной войны Турков Алексей Богданович. В своем слове он рассказал удивительный случай спасения с помощью отца Алипия (тогда Ивана Михайловича Воронова) культурных ценностей Франции. Нас это заинтересовало. Мы встретились с ветераном

и записали его воспоминания об отце Алипии. Ниже помещаем отрывок из его рассказа:

«Я, как и отец Алипий (Иван Михайлович Воронов), воевал в 4-й танковой армии...

Вспоминаю один случай.

Нашей армией был взят немецкий город Бельниц, лагерь Дебрицы, открылась дорога на Потсдам и Берлин. Было все в дыму, летали самолеты... Вдруг всем команда: остановиться! По громкоговорителю объявляют, что слово предоставляется лейтенанту (или старшине?) Ивану Михайловичу Воронову. И тут раздается сильный такой голос:

Архимандрит Алипий (Воронов), наместник Псково-Печерского монастыря (справа). 1960-е годы

— Слушайте, слушайте! Говорит представитель 4-й танковой армии Воронов с переводчицей.

И обращается к немцам:

— Враги наши, немцы, остановитесь и вспомните, что вы привезли из Франции богиню красоты*, которую мы не видели. И если сейчас, при взятии высоты, мы разрушим эту скульптуру, то человечество нам этого не простит! Отступитесь, ради Бога, прошу вас, сохраните эту красоту, и вы тоже получите Божественную веру!

А переводчица Мария Волынец со слезами переводит его речь. Мы все просто остолбенели — настолько сильно он сказал. Через некоторое время началось наступление. Но там, где была эта богиня красоты, как мы ее называли, не было ни одного боя. Скульптура же эта была у меня на фотографии, очень красивая. Ее по приказу Гитлера вывезли из Франции в Германию. Наверху Божия Матерь, а к Ней слетает Ангел. А все Ее называли просто „богиня красоты"...

Дошли мы до Берлина, развернулись у Бранденбургских ворот и вышли к городу Фрайбергу. И тут опять этот Воронов по громкоговорителю выступает. И так он крепко, сильно говорит:

— Дорогие граждане!

* Так назвал статую рассказчик.

А переводчица Мария переводит немцам его слова:

— Мы не будем разрушать этот город, потому что город ваш — город нашей славы! Здесь учился Михаил Васильевич Ломоносов. Он женился здесь на немке Лизе-Кристине (мы сначала не поняли, почему имя двойное, потом нам объяснили). Если вы нас не встречаете, то мы вынуждены с боем взять ваш город!

Вышли нас встречать два полковника и три дамы. Меня послали по-немецки с ними разговаривать, так как я немножко говорил. Подошел я к ним, вижу — портрет, а на портрете Ломоносов в парике, а внизу даты — когда он приехал и уехал из этого города.

Договорились, что, несмотря на то, что в городе было много боеподготовленных подростков, все сдаются и сдают оружие. Таким образом, Фрайберг был взят без единого выстрела, и в этом заслуга, безусловно, Ивана Михайловича Воронова...»

«ДА, МЫ МОЛИЛИСЬ БОГУ»

Николай родился в 1925 году в городе Пугачеве Саратовской области. Отец умер рано, и мать одна растила детей. Коля был восьмой. В наши дни игумен Николай (Калинин) рассказывал о тех годах, о своем фронтовом пути: «Когда я учился в школе в младших классах,

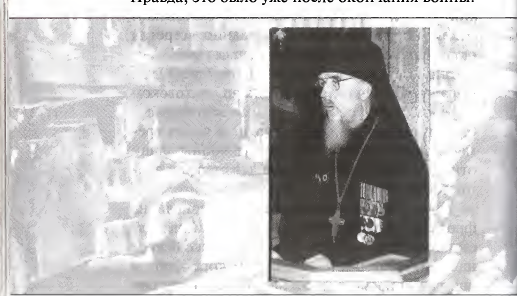
к нам вдруг прибыла медицинская комиссия. Всех нас, учащихся третьего или второго класса, сейчас уже не помню, просят раздеться для медицинской проверки. И вдруг оказывается, что у меня на шее крест. Для многих это было неожиданно. С этого времени я получил прозвище „поп“, оказавшееся пророческим.

Моя мама постоянно ходила в храм и брала меня с собой. Я не был по-настоящему знаком с учением Церкви, да, видимо, и мама была в нем не сильна. Но с постоянного присутствия на богослужениях, видимо, началось мое приобщение к вере и церковной жизни. Еще одно событие также серьезно повлияло на меня. Когда я в 1943 году обучался в Саратовском пехотном училище, то неожиданно встретил свою одноклассницу. Она была дочкой священника. Оказалось, что их семья переехала в Саратов. Ее папа служил тогда в Саратовском кафедральном соборе. Я у них часто бывал и был принят их семьей, как сын. К этому времени мама моя умерла. После войны наши отношения стали еще крепче, и я стал регулярно посещать храм.

После окончания училища мы попали на фронт в сентябре 1944 года. Бои шли на подступах к Праге — предместью Варшавы. Вскоре наша 47-я армия 1-го Белорусского фронта наступала в направлении на Берлин. Здесь нам противостояли отборные дивизии вермахта и

войска „СС". В одном из боев был убит командир нашего полка — майор Борисов, выбыло из строя много офицеров, полк понес значительные потери. Нам, чтобы удержаться на заданном рубеже, пришлось поставить в строй всех штабных работников, писарей, поваров, шоферов, — в общем, всех, кто мог держать в руках винтовку. В этом бою я командовал ротой, которая была меньше взвода. Вскоре наш полк принял участие в штурме Берлина. За взятие столицы Германии меня наградили орденом Красной Звезды и присвоили воинское звание лейтенанта.

Вспоминается один интереснейший случай. Правда, это было уже после окончания войны.

Дело в том, что я после победы еще два года служил в советской военной комендатуре небольшого немецкого городка. И вот как-то сидим мы несколько человек, и вдруг один офицер, не знаю почему, задает вопрос, обращенный ко всем нам. Он говорит: «Вот идет бой, бой страшный, снаряды рвутся, пули свистят над головой. Что в этот момент вы думали? Вспоминали мать или молились Богу?» И что же все присутствовавшие советские офицеры ответили? — „Да, молились Богу!" Вот так.

Демобилизовался я в 1947 году. Вернулся в Саратов и, поработав год, поступил в Саратовскую духовную семинарию. После двух классов я перевелся в Одесскую духовную семинарию, и в Одессе, в Успенском монастыре, принял монашество. Архиепископ Одесский Никон рукоположил меня в иеродиакона, а после в иеромонаха»[133].

ПАМЯТНАЯ ПУЛЯ

Необычную историю со слов фронтовика рассказал настоятель храма Богоявления в Китай-городе протоиерей Геннадий Нефедов: «Дело был давно. Служил я тогда настоятелем московского храма Преображения Господня в Богородском. Один из постоянных прихожан, по имени Константин, фронтовик, помогал в

росписи стен храма. Однажды он поделился со мною своими воспоминаниями о войне. Был он командиром взвода, с детства верил в Бога. Солдаты ему попались неверующие. Он их и так и эдак пытался вразумить, но они не поддавались.

И тогда Константин им говорит: „Если буду при вас стреляться и живой останусь, поверите?“ Те говорят: „Да!“ Он дает им свой пистолет: „Заряжай!“ Отходит в сторону, произнося все время молитву, садится на камень у пруда, приставляет к виску дуло и нажимает на курок. Щелчок — осечка! Причем боек пробил капсюль, а выстрела не было. Сперва был в шоке, потом стал соображать, ощупал себя — вроде цел. После этого случая много лет просил у Господа прощения за эту дерзость, на которую пошел ради обретения веры сорока солдатами своего взвода. И дал обет никогда в жизни больше так не поступать.

А командир батальона как-то вызывает его к себе и говорит: „Ты, что в окопах со своим взводом отсиживаешься, когда другие в атаку идут?“ Константин ему отвечает, как положено, что они ходят в атаки вместе с остальными взводами батальона. Тогда комбат его и спрашивает: „А почему у всех потери, а у тебя нет?“ Тот ему: „Приходите к нам перед боем, увидите сами“. Комбат действительно вскоре пришел и увидел, как молится командир со своим взводом перед атакой, а потом бежит пер-

вым вперед. Говорит Константину: „Теперь я буду у вас во время боя!“

От рубежей под Москвой до самой границы не было убитых во взводе Константина. После войны Константин жил в Москве в месте, которое называлось „Метрогородок“.

Однажды, в 1947 году, ему в дверь постучали. Он открыл и увидел одного из своих солдат. Тот говорит ему: „Здравствуй, покажи, будь добр, ту пулю“. Константин открыл буфет и принес рюмку, в которой хранил памятную пулю. Солдат поблагодарил, попрощался и ушел.

Нам неведомо сколько человек из того взвода пришли ко Христу на фронте. Думается, не только тот один, что приходил глянуть на пулю...»

«ЗА ВАС ВСЮ ВОЙНУ КТО-ТО МОЛИЛСЯ»

Удивительна военная судьба монахини Адрианы (Малышевой), насельницы московского подворья Пюхтицкого монастыря. Ее фронтовой путь — с октября 1941-го по май 1945-го. Потом — Группа советских оккупационных войск в Германии с 1947-го по 1949 год и возвращение в Москву в мае 1949 года в звании гвардии капитана.

Она вспоминает: «Когда началась война, я была на третьем курсе Московского авиаци-

онного института, и у меня, как и у всех тогда, не было сомнения, что фашисты будут разгромлены за короткий срок. Так нас уверяло правительство. И вот, чтобы успеть поучаствовать в этой скорой победе, мы целой группой отправились в военкомат с заявлениями об отправке на фронт. Но тогда нас прогнали со словами: „Идите учитесь — навоюетесь еще..."

А на фронте дела шли все хуже. Началась эвакуация военных заводов. В сентябре и наш институт собрался выехать в Алма-Ату. Но я твердо решила остаться и добиться направления на фронт. Осенью фронт приблизился к Москве. Бои шли на ближних подступах к столице — здесь решалась судьба Родины.

Когда 16 октября, в день паники, мародерства и беспорядков в Москве, по радио был брошен клич: „Все на защиту Москвы!", то все те, у кого сердце болело за свою страну и свой народ, откликнулись на этот призыв. За несколько дней были сформированы дивизии Народного ополчения, которым предстояло принять на себя удар врага, уже уверенного в своей быстрой победе. В такой момент у меня в руках и оказалось направление в одну из этих народных дивизий. Я отчетливо представляла себе, на что иду, но колебаний не было. Словно какая-то сила руководила мной: я знала, что должна поступить именно так.

Военная моя жизнь началась с того, что наш командир привел меня в комнату, где

было еще семь девушек. Командир сказал: „Вот, Наташа, теперь это будет твоя семья до самой победы. Каждая из вас должна запомнить главное: никогда, ни при каких обстоятельствах не оставлять своего товарища в беде. Закон фронтовой жизни непреложен: сам погибни, но друга спаси“. Суровые эти слова потрясли меня и нашли горячий отклик в сердце.

Командиром нашим был Николай Михайлович Берендеев, Герой Советского Союза с финской войны. Этот простой русский человек терпеливо объяснял и неукоснительно требовал от нас соблюдения нравственных норм: благородства, уважения друг к другу, скромности. Теперь я убеждена, что в глубине души он был истинно верующим, православным человеком. А звание Героя получил за подвиг, совершенный с огромным риском для жизни, — он подорвал минное поле для прохода наших танков, не зная схемы расположения мин и не имея времени на вызов саперов для разминирования. Он понимал, что сам мог находиться в центре минного поля, но, спасая полк, подорвал гранатой обнаруженную мину, и это вызвало цепную детонацию остальных. Берендеев был тяжело ранен, после госпиталя комиссован, но в октябре 1941 года — он снова в строю. Было ему всего 27 лет. Мы искренне почитали его и беспрекословно подчинялись. Многие из нас обязаны ему жизнью.

Необходимо было в кратчайшие сроки пройти курс обучения, положенный для дивизионных разведчиков. Изучали уставы, основы фронтовой разведки, упражнялись в стрельбе и приемах ближнего боя. Когда нам выдали ватные штаны и телогрейки, моя тонкая фигура была „спрятана“ под толстым ватным покровом, и я стала походить на мальчишку. Часто, когда мы строем проходили через деревни, выходящие нам навстречу женщины со слезами причитали, глядя на меня: „Господи, какой молоденький солдатик, совсем мальчишка!..“ — и крестили, провожая нас.

Наконец, первое боевое задание в ночь с 5 на 6 декабря 1941 года на Волоколамском направлении. Остановились на берегу замерзшей реки, скрываясь за деревьями. Я смотрела, как они пробираются на другой берег, и чувствовала тревогу. Как плохо, что у нас не было маскировочных халатов. Фигурки уходящих бойцов были видны даже сквозь пелену падавшего снега.

Внезапно послышалась стрельба. Потом снова стало тихо. Неожиданно появился Саша — один из ушедших в разведку. Вид у него был ужасный: без шапки, с искаженным от боли лицом. Он рассказал, что Юра, второй разведчик, тяжело ранен в ногу, и хотя у Саши ранение было легче, он все равно не смог вынести товарища. Перетащив его в укрытое место, сам с трудом приковылял к нам для сообщения. Мы

оцепенели: как спасти Юру? Ведь добираться до него надо было по снегу без маскировки.

Сама не знаю, как случилось, но я стала быстро снимать с себя верхнюю одежду, оставшись только в белом теплом белье. Схватила сумку, в которой был комплект экстренной помощи. Сунула за пазуху гранату (чтобы избежать плена), перетянулась ремнем и бросилась по оставленному Сашей на снегу следу. Остановить меня не успели, хотя и пытались.

„Он ведь ждет помощи, нельзя его оставить там!“ — бросила я на ходу, как бы подчиняясь властному, внутреннему приказу, хотя страх сжимал сердце. Я нашла Юру, перетянула его ногу жгутом, соединила наши ремни, попросила помогать мне руками, и мы двинулись ползком в обратный путь. Раненого я тоже присыпала снегом, благо он падал все время, и немцы не смогли нас заметить. На полпути нам бросились навстречу наши ребята, взяли на руки Юру, да и меня тоже пришлось тащить — силы меня оставили.

Прошло около часа. В избу вбежали чужие бойцы и крикнули: „Всем на построение!“ Попытки нашего командира объяснить, что мы из другой части, остались без внимания. А мне казалось, что я не смогу даже подняться. На плацу уже выстроились буквой «П» солдаты. Мы заняли место в самом конце построения. Я еле стояла на ногах. Вдруг все замерли, повернув головы в сторону обходившей строй группы ко-

мандиров. Один из них, очевидно генерал, сказал, обращаясь к солдатам, что придется принять бой с фашистами: „Нам некуда отступать, ребята. Соседи наши уже бьются с танковой частью врага..."

Он направился к нашему флангу, подошел поближе и удивленно спросил:

— Девушка?

— Я молча кивнула.

— Санитарка?

— Я — доброволец, — гордо и невпопад ответила я.

Он улыбнулся, положил руку мне на плечо:

— Спасибо тебе, доченька!

Наталья Малышева. Боец дивизии Народного ополчения. Подмосковье. 1941 год

Мы рядом пошли в центр построения. Где-то близко шел жестокий бой, непрерывно слышались разрывы снарядов. И, обращаясь к солдатам, генерал сказал: „Вот эта девушка, ребята, примет с нами все, что нам предстоит. А мы должны выстоять или умереть — другого не дано...“

Окопы заняли сразу же за деревней. Послышался гул, и появились немецкие танки, отходившие с соседних рубежей. Шли, на ходу стреляя из пушек, и нам казалось, что сейчас они свернут в нашу сторону — был жуткий момент! Но, видно, нас хранил Господь: танки отступали на север.

Это было на Северо-Западном фронте в апреле 1942 года. Командующий армией приказал взять „языка“, но ничего не получалось. Гибли наши люди, но решить задачу никак не удавалось. Тогда взять „языка“ поручили Ивану Тютюнову, который был хорошим профессионалом. Меня включили в группу захвата. Моя задача состояла из двух частей. Если пленный немец будет ранен, следовало немедленно допросить его. А в случае погони я должна была занять определенное место и отстреливаться. После отвлекающей артиллерийской обработки Тютюнов с двумя разведчиками пополз на немецкую территорию. Вскоре мы видим, как наши разведчики волокут „языка“. Немец был очень напуган, сильно дрожал, лицо его было перепачкано грязным снегом — голова-то его

«ехала» по снегу. Честно говоря, мне стало его жалко. Я надела ему на голову имевшийся у меня подшлемник. Кто-то шепнул мне: „Ты что, его пожалела?“ А я отвечаю: „А мне Николай Михайлович (командир, который взял меня в разведку) сказал, что пленный — не враг“. И у меня всю войну так было. Пока немец стреляет в нас, убивает наших солдат — он мой противник, с которым нужно бороться. А если он беспомощный, в наших руках, — это для меня живая душа.

Наша дивизия за период боев в районе Демянска понесла значительные потери. Выбыли из строя многие мои друзья — одни погибли, другие — по ранению. А командира нашего Н. М. Берендеева направили учиться в Академию. Сама я к тому времени была на пределе истощения всех сил. Поэтому, когда в конце мая 1942 года мне предложили поехать в Центр подготовки разведчиков, я согласилась.

Начальник объявил, что обучаться я буду в группе диверсантов. Я попросила объяснить, чем придется заниматься потом, и, узнав подробности, категорически отказалась. Тогда он, услышав о моем знании немецкого языка, направил меня к переводчикам. Через три месяца мне присвоили звание младшего лейтенанта и направили в распоряжение политуправления 16-й армии, под Сухиничи.

Командующим 16-й армией был Константин Константинович Рокоссовский, удивительный

человек и уже знаменитый полководец. Это его армия выстояла в боях под Москвой. А до того, в 1939 году, он был арестован. Освободили его в 1940 году.

Узнав, куда попала, я была просто счастлива. Через два дня после прибытия мой непосредственный начальник представил меня командующему. Очень спокойный, внимательный и даже внешне интеллигентный, он произвел на меня самое лучшее впечатление, и хотя уже наслышана я была о его достоинствах, личное знакомство лишь усилило чувство восхищения.

Наши штабные палатки стояли в лесу, и я, привыкшая рано вставать, могла немного побродить до начала работы по лесу. Там и встретилась однажды с командующим, который тоже любил ранние прогулки. Я остановилась, не зная, как быть дальше. А он подошел, поздоровался, не ожидая от растерявшейся девчушки уставного приветствия, и сказал, что скоро мне придется выполнить серьезное задание. Я отозвалась с заметной радостью, искренне и горячо обещая все исполнить. Он внимательно посмотрел на меня и ответил коротко: „Я надеюсь".

Через день мне было приказано отправиться по известному маршруту в занятую немцами деревню Игнатьево. Там, на краю села, была изба, где жила семья помогавшего нам крестьянина. Он был связан с партизанами и вызвался передавать нам полученные от них сведения. Но наш разведчик, посланный к нему на предыду-

щей неделе, не вернулся, и теперь предстояло «продублировать» его задание. Мне были сообщены все необходимые данные и условные знаки, предупреждающие об опасности.

Мы с сопровождающим меня проводником отправились в путь под вечер. По дороге вспоминала указания: „Осторожность, внимание к каждой мелочи, холодный рассудок“. На случай встречи с немцами была выучена легенда.

Я переоделась, взяла маленький, но очень сильный бинокль — и никакого оружия. К видневшейся вдали избе мне предстояло идти уже без сопровождения, оставаясь один на один с возможными опасностями. Когда подошла к самому краю леса, было совсем темно, и я решила ждать рассвета, чтобы разглядеть условный знак безопасности — прислоненные к сараю грабли обязательно зубьями внутрь: зубья наружу означали опасность.

Заснуть я, конечно, не смогла и с первыми лучами солнца выглянула из своего укрытия. Я знала, что немцев в деревне мало и расположились они на другом краю селения. Партизаны их не тревожили, и это облегчало ситуацию. Я увидела сарай и прислоненные к нему в „безопасном“ положении грабли. Почти успокоившись, уже собралась выходить из укрытия и вдруг уловила краем глаза движение у сарая. Молодая женщина быстро подошла к граблям и повернула их зубьями наружу: опасность! Она убежала, а я была в смятении. Что

там у них изменилось, если никто не входил туда за это время? И тут произошло уже совершенно необъяснимое. Из избы вышел пожилой человек, по описаниям — хозяин, и вернул грабли в положение „безопасно“. Я совсем растерялась: чему верить? А время шло, и скоро уже вся деревня проснется. Решение родилось помимо моей воли, где-то внутри меня. Предупреждение об опасности не могло исходить от предателя. Ожидаемого посланника явно хотели предупредить, спасти от чего-то непонятного, но страшного. Надо уходить, и немедленно...

Возвращалась, тем не менее, в ужасном состоянии: что меня ждет за невыполнение задания? Только к концу дня добралась до своих. И вдруг навстречу мне с радостными криками выскочили мои сослуживцы. Меня тискали и целовали, а в промежутках рассказали, что я разминулась с партизанской девочкой, которую с большим риском прислали к нам, чтобы предупредить о предательстве хозяина избы. Это по его вине схватили немцы нашего разведчика. Та же участь была уготована и мне.

Спасена я была поистине чудом, в день моего Ангела — 8 сентября 1942 года. В этот же день празднуется Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

Генерал Рокоссовский вызвал меня к себе, вышел навстречу с особенной своей застенчивой улыбкой, протянул руки, в которых утонули мои ладошки, и сказал:

— А вы, оказывается, еще и умница! Чем же вас наградить?

Осмелев, я выпалила:

— Разрешите до конца войны служить с вами!

Он рассмеялся:

— Почему же только до конца войны, можно и дальше...

Потом спросил уже серьезно:

— Хотите повидать своих родных?

— Да-да, — отреагировала я мгновенно. — Там ведь недавно кто-то народился у моей сестры, а я не знаю.

— Вот и собирайтесь: завтра в Москву идет машина.

Когда утром я села в машину, мне передали большую сумку:

— Это командующий велел собрать для твоего новорожденного племянника или племянницы.

Я пробыла дома два дня и на той же машине вернулась обратно. Через месяц К. К. Рокоссовский был назначен командующим Донским фронтом и отбыл к новому месту службы. Вместе с ним туда были направлены офицеры и генералы 16-й армии, а вместе с ними и я.

О великом Сталинградском сражении написано очень много. Я же хочу вспомнить только о том, что видела и пережила лично, находясь четыре месяца в истинном аду. Зажатые в „клещи“ немцы пытались прорваться. Иногда наши

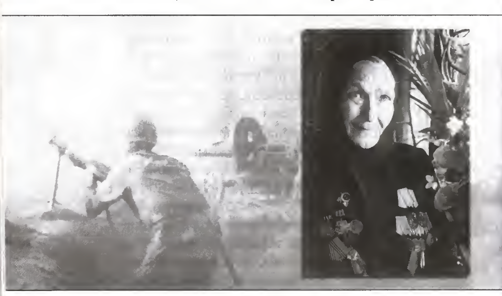
оказывались в окружении. Когда это случилось с батальоном Алексея Очкина, один из солдат, у которого были ранены обе руки, зубами вырвал чеку у гранаты и бросился с ней в гущу врагов. Ценой своей жизни он дал возможность выйти из кольца окружения товарищам. Мне и самой спасли жизнь солдаты части, в которую я попала только накануне. Внезапно немцы пошли в атаку, взрывной волной меня отбросило к берегу Волги, и я потеряла сознание. А когда очнулась, увидела, что плыву по реке, привязанная к доске. Подобрал меня катер. Как я потом узнала, из тех, кто был тогда рядом со мной, в живых остался только один боец.

На Курской дуге готовилось грандиозное танковое сражение. От разведчиков поступали свежие сведения о противнике. Моя непосредственная работа в эти дни заключалась в прослушивании противника по проводной связи. За линию фронта меня переводил сопровождающий. У него была и схема проводной связи. Подключившись, я слушала и запоминала все важное, что передавало немецкое командование своим войскам. Затем возвращалась к своим и сообщала об услышанном в штаб.

Дважды такие операции прошли удачно. Но до конца жизни не забуду того, что случилось в третий мой рейд. Когда я уже отключилась и выбралась из укрытия, чтобы, дождавшись темноты, вернуться к своим, спиной почувствовала, что не одна. Быстро обернулась, выхватив пистолет, и тут же получила удар по руке. Мой

пистолет мгновенно оказался у стоявшего передо мной немца. Я окаменела от ужаса: сейчас меня отведут в немецкий штаб. Господи, только не это! Я даже не разглядела, что это был за немец: ни звания, ни возраста не поняла от страха. Сердце выскакивало из груди, я почти не дышала. И вдруг, схватив меня за плечи, немец рывком повернул меня спиной к себе. „Ну вот, сейчас он выстрелит", — даже с облегчением подумала я. И тут же получила сильный толчок в спину. Далеко впереди меня упал и пистолет.

— Я не воюю с девчонками. А пистолет возьми, иначе тебя свои же расстреляют...

Монахиня Адриана (Малышева).
Офицер фронтовой разведки в годы войны

Я обомлела, повернулась и увидела длинную фигуру, уходящую в глубь леса. Ноги не повиновались мне, и я, спотыкаясь, побрела к месту, откуда с темнотой можно было выйти к своим. По дороге привела себя в более или менее нормальное состояние и вернулась, как обычно. У меня хватило ума никому не рассказать о случившемся.

Потом уже, значительно позже, поделилась с близкими фронтовыми друзьями. Сын одного из них, окончивший Университет, а затем семинарию и позже принявший монашество, произнес, ставшие для меня не так давно откровением, слова: „Неужели вы до сих пор не поняли, что вас все время хранил Господь, и кто-то сильно молился за вас и ваше спасение?..“

А мама рассказала мне уже после войны историю нашей семьи. В роду моего отца многие поколения предков по мужской линии были священниками. Они имели большие семьи, а старшие сыновья из рода в род поочередно крестились Петрами и Павлами. По окончании Духовной семинарии старший сын становился священником, остальные мальчики, как правило, шли в военные училища. Эта традиция сохранялась до моего деда Петра. Он был настоятелем Успенского собора в Курской епархии, и четыре его сына учились в семинарии. Прадед мой, отец Павел, получил в честь коронации императора Николая II ценный подарок — столовое серебро, которым очень дорожил. Затем

он передал его сыну Петру при вступлении его на священническую службу.

Дальше очередь была за старшим братом моего отца — Павлом, который заканчивал семинарию и должен был стать священником. Ему же переходил в наследство и царский дар. Но тут случилось небывалое: впервые за долгие годы традиция нарушилась — Павел наотрез отказался принять сан священника. Вслед за ним не подчинились воле отца и другие сыновья отца Петра, который настолько глубоко пережил это отступничество, что тяжело заболел и вскоре скончался. Его сыновья разъехались, закончили различные институты, обзавелись семьями. Династия священников прервалась. Моя бабушка очень страдала от непослушания своих сыновей и говорила, что они совершили большой и неизбежно наказуемый грех, отказавшись нести пастырский крест.

Затаив дыхание слушала я эту почти мистическую историю. Мама замолчала, как бы с усилием перешагивая через что-то внутри себя, и произнесла: „Если бы Господь внял моим молитвам тогда и вместо тебя родился бы сын, его бы давно не было в живых. Тебя хранил Господь все это время, без твоей помощи и мы все погибли бы, и тот крест, который отвергли когда-то твой отец и дяди, ты по воле Божьей взяла на себя. Вот я и решила, что поступлю справедливо, передав тебе реликвию". Помол-

чав, она продолжила: „Ты по своей воле послужила Отчизне, и эта жертва была угодна Господу, — Он сохранил тебе жизнь. Дед твой поступил бы так же, ты по праву должна принять и хранить царский дар“. У меня сильно билось сердце, и я чуть не расплакалась. Мы с мамой поцеловались»[134].

«РУССКАЯ МАДОННА» ВЫДВОРИЛА НЕМЦЕВ ИЗ ХРАМА

Об этом потрясшем многих случае помнят все в Жировицах, где в Успенском монастыре в Белоруссии служит много лет игумен Петр Бирюков — сын протоиерея — фронтовика Валентина Бирюкова. Вот подробное описание случившихся там событий[135]:

«Когда в Великую Отечественную войну немцы стояли в монастыре, в одном из храмов держали оружие, взрывчатку, автоматы, пулеметы. Заведующий этим складом был поражен, когда увидел, как появилась Женщина, одетая как монахиня, и сказала по-немецки:

— Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

Он хотел Ее схватить — ничего не получилось. Она в церковь зашла — и он зашел за Ней. Поразился, что Ее нет нигде. Видел, слышал, что зашла в храм, — а нет Ее. Не по себе ему стало, перепугался даже. Доложил своему командиру, а тот говорит:

— Это партизаны, они такие ловкие! Если еще раз появится — взять!

Дал ему двоих солдат. Они ждали-ждали и увидели, как Она вышла снова, опять те же слова говорит заведующему воинским складом:

— Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

И уходит обратно в церковь. Немцы хотели Ее взять, но не смогли даже сдвинуться с места, будто примагниченные. Когда Она скрылась за дверями храма, они бросились за Ней, но снова не нашли. Завскладом опять доложил своему командиру, тот еще двоих солдат дал и сказал:

— Если появится, то стрелять по ногам, только не убивать — мы Ее допросим. Ловкачи такие!

И когда они в третий раз встретили Ее, то начали стрелять по ногам. Пули бьют по ногам, по мантии, а Она как шла, так и идет, и крови нигде не видно ни капли. Человек бы не выдержал таких автоматных очередей — сразу бы свалился. Тогда они оробели. Доложили командиру, а тот говорит:

— Русская Мадонна...

Так они называли Царицу небесную. Поняли, Кто велел им покинуть оскверненный храм в Ее монастыре. Пришлось немцам убирать из храма склад с оружием.

Матерь Божия защитила Своим предстательством Успенский монастырь и от бомбежки. Когда наши самолеты бросали бомбы на немец-

кие части, расположившиеся в монастыре, бомбы падали, но ни одна не взорвалась на территории. И потом, когда прогнали фашистов и в монастыре расположились русские солдаты, немецкий летчик, дважды бомбивший эту территорию, видел, что бомбы упали точно, взорвались же везде — кроме монастырской территории. Когда война кончилась, этот летчик приезжал в монастырь, чтобы понять, что это за территория такая, что за место, которое он дважды бомбил — и ни разу бомба не взорвалась. А место это благодатное. Оно намоленное, вот Господь и не допустил, чтоб был разрушен остров веры».

НИКОЛАЙ УГОДНИК ПРОВЕЛ ЧЕРЕЗ МИННОЕ ПОЛЕ

В 1988 году отец Владимир Емеличев (тогда еще мирянин) нес послушание инженера-энергетика в Толгском монастыре. Однажды приехала в обитель слепая паломница из Москвы. Она так поразила Владимира своей сильной и светлой верой, что он, не удержавшись, спросил, как она пришла к вере. И записал ее замечательный рассказ.

«В Великую Отечественную войну я была на фронте разведчицей. Боевая была и смелая. Однажды послали нас на задание. Перешли мы линию фронта, углубились в тыл противника и,

успешно выполнив задание, возвращались к своим. Но недалеко от линии фронта нас окружили фашисты. Завязался бой. Патронов и гранат у нас было мало — долго не продержишься. Командир группы отдал приказ рассредоточиться и пробиваться поодиночке. Но как пробиться, если сзади фашисты, а впереди, перед линией фронта, большое минное поле. Где в нем проходы — мы не знали, а идти наугад — это верная смерть. Я тогда была неверующая, хотя и крещеная. Время шло, фашисты уже прижали нас к минному полю, и мы понимали, что это конец. Вдруг откуда-то появился старичок в полушубке, с автоматом — седой такой, с бородой. Рукой нам машет и кричит: „Эй, кто за мной — Господу помолимся!“ А я уже прощалась с жизнью и, подумав о своем неверии, вдруг в отчаянии взмолилась: „Хоть бы призыв этого старика меня вразумил!“ Но откуда он взялся? Ведь это же явно не наш брат-разведчик — мы-то все в грязи, ободранные (по болотистому лесу пробирались), а он, старичок, такой чистенький, в полушубке новом. И вот он развернулся и молча пошел через минное поле — а я за ним! Вокруг пули свистят, а мы идем, невидимые, — так и прошли через все минное поле. А когда добрались до своих — мой проводник вдруг исчез. С той поры не давал мне покоя вопрос: что же это за таинственный спаситель был? И вот уже после войны зашла я както в церковь и увидела икону святителя Нико-

лая Чудотворца. И обомлела: узнала того, кто меня через минное поле провел. Вот так я и уверовала. Да и как могло быть иначе, если сам святитель к вере меня привел!..»

ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОСИЯ

Описываемые ниже события произошли в городе Минеральные Воды Ставропольского края во время войны[136]: «Ранее там, в 1932 году, появился странный старик. Ему уже было за девяносто лет, а он ходил босиком, одетый в цветную рубашку с яркими цветами, и под

Преподобный Феодосий Кавказский

насмешливые взгляды прохожих резвился с детьми.

Но мало кто знал, что под обличьем юродивого скрывался знаменитый старец иеросхимонах Феодосий (Кашин), один из деятелей Союза русского народа, настоятель монастыря Положения пояса Богоматери на Афоне, ученый инок, свободно говоривший на четырнадцати языках.

В Минеральных Водах городская больница находилась рядом с железнодорожными путями. Однажды во время воздушного налета стрелочники увидели отца Феодосия, который, спотыкаясь, бежал по шпалам с крестом в руке. Он подбежал к стоявшей на рельсах цистерне с бензином, осенил ее крестным знамением и諸 приналег старческой грудью, пытаясь сдвинуть вагоны с места. И тут рабочие с изумлением увидели, что вагоны тронулись и покатились по путям! Отец Феодосий катил их дальше и дальше. Раздался взрыв. На путях, где стояла цистерна, появилась большая воронка от снаряда. Трудно даже представить, что бы произошло, если б снаряд все-таки попал в цистерну...»

Когда немцы приблизились к Минеральным Водам, был и другой эпизод, описанный в житии достославного преподобного Феодосия Кавказского[137]: «...Во время одного из обстрелов быстро-быстро, совсем не по-стариковски, подбегает отец Феодосий к детскому саду и

говорит гулявшим на улице детям: „Гулю, гулю, за мной, деточки! Бегите за мной!“

Забавы ради дети побежали за дедом Кузюкой, а воспитатели — за детьми. Как раз в это время снаряд и угодил прямо в здание детского сада и полностью разрушил его. Но никто не погиб — всех вывел прозорливый старец из кромешного ада огня и пепла».

ОЖИДАЕМОГО БОЯ НЕ БЫЛО

Шел 1941 год. Немцы наступали. В селе Владычня тогдашней Калининской, а ныне Тверской, области жил на поселении на родине своей матушки протоиерей Митрофан Сребрянский. В свое время он служил полковым священником в Орле. Потом в том же качестве отважно сражался в Русско-японскую войну 1904—1905 годов, а с 1908-го по 1918 год служил духовником Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве, где был неутомимым соработником будущей преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны.

В том же селе проживали в то время рядом с ним сестры Любовь и Надежда, бывшие тайными монахинями. Их могилки сейчас находятся рядом с могилой отца Митрофана[138]. С их слов и из рассказов сельчан вскоре после войны внучатым племянником отца Митрофана, Евгением Антоновичем Карасенко, была записана

такая история[139]: «...Фронт приближался. В конце сентября 1941 года в нашем селе расположился полк. Нашу дачу превратили в офицерскую столовую. Там же в то время находился наш умирающий родственник. К нему и пошел отец Митрофан для того, чтобы его причастить. Встречается ему по дороге начальник 1-го отдела полка. Увидев симпатичного, подтянутого старичка (у деда была многолетняя военная выправка), говорит ему: „Дед! Забирай своих старух и поскорей уходи отсюда подальше — тут скоро будет страшный бой!" По предварительным маневрам солдат это было действительно заметно.

В четырнадцати километрах от села Владычня проходило Ленинградское шоссе через Медное. Там позже был сильный бой. Здесь же во Владычне после той встречи проходит день, второй, третий, четвертый... Ходит по селу в возбуждении тот начальник 1-го отдела, бьет себя руками по бокам и в сердцах восклицает: „Что же это происходит: ведь страшный бой должен быть здесь, а не в Медном... тут, что — кто-то молится?!" И так говорил не раз. А в Медном четверо суток шли беспрерывные бои, местечко несколько раз переходило из рук в руки... и, наконец, враг был окончательно отбит...

Словам начальника 1-го отдела полка удивляться не приходится — он такого навидался с первых дней войны, не приведи Господь! После встречи с ним отец Митрофан взял свою икону

Пресвятой Богородицы Казанскую и с усердной молитвой обошел все наше село. Был случай до войны, когда он с той же иконой во время пожара соседнего с нашим дома быстро обошел с молитвой свой дом. Ветер быстро сменился, головешки полетели в другую сторону. Отец Митрофан сам никогда ничего подобного не рассказывал, был очень скромен в подобных вещах».

ФРОНТОВОЙ ВОДИТЕЛЬ С ИКОНКОЙ

Архимандрит Тихон (Агриков), бывший многие годы насельником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и преподавателем Московской Духовной Академии, сам фронтовик, вспоминал про одного солдата, военного водителя: «Вез он снаряды на передовую, ехал в направление города Ченстохова (дело было в Польше). Стал подниматься на своем газике по горной дороге. Когда он достиг уже середины подъема, то вдруг увидел, что шедшая впереди огромная, как вагон, машина, на которой был целый госпиталь — раненые и обслуживающий персонал, — скатывается обратно под гору. Дорога была очень узкая, по бокам ее — маленькие дорожные столбики, а за ними налево и направо — пропасти. Солдат не успел опомниться, как эта громада налетела, перевернула его газик, сдавила, изуродовала, пре-

вратила в кучу железа. Притормозив раздавленной машиной о камни, «вагон — госпиталь» остановился у самой пропасти. Шофера изувеченной машины нашли невредимым. Только лицо было поцарапано разбитым стеклом. Все поражались: как он мог остаться живым и целым?! Но дело в том, что в кармане своей гимнастерки он хранил маленькую иконку Казанской Божией Матери — благословение родителей.

В другой раз солдат вез командира на небольшой быстроходной машине. Светало, и туман застилал дорогу. Машина неслась полным ходом. Вдруг — он скорее почувствовал, чем услышал, — какой-то голос стал говорить ему: «Сбавь ход, потише, потише, дай самый тихий». Водитель невольно сбросил газ, притормозил и... замер от страха: перед самыми колесами машины зияла мрачная пропасть. Он сдал назад и вышел из кабины — впереди был взорван огромный мост. Пропасть была так обширна и глубока, что вызывала головокружение. Присмотревшись вниз, он увидел там, на дне, слабые очертания разбившихся автомашин, которые с полного хода низринулись в пропасть. Туда была и его дорога... Но в кармане его гимнастерки лежала маленькая иконка Богородицы...»

Архимандрит Тихон (Агриков), вспоминая о своей матери с любовью и почтением, писал: «Мама моя была тихого и кроткого нрава, со-

всем неграмотная. Но какая светлая душа! Какое терпение! Какое молчание!.. А как она умела молиться. Два сына ее были в пекле войны. Сколько они видели смертей!.. А вот ведь вернулись невредимыми. Вымолила»[140].

«ЖИВЫЕ ПОМОЩИ» СОЛДАТ

Ветеран Великой Отечественной войны Владимир Константинович Журавлев в своей книге, посвященной русскому характеру и русскому языку, описал пройденный им путь по дорогам войны[141]: «В конце октября 1940 года эшелон московских призывников медленно двигался на восток. <...> Волга, Омск, Байкал, Чита. Хотелось обнять весь мир и прижать к сердцу. А под сердцем, в подкладке теплой курточки, зашито мамино благословение, переписанный ее рукой — псалом 90. „Живые помощи солдата“, — как говорили в простонародье.

Приехали. Строимся. Привели нас в санпропускник. Домашняя одежда сложена в мешок, зашита „до демобилизации“, как сказал старшина. Выдали солдатское обмундирование, шинель. Псалом 90 остался в прежней гражданской одежде, но, вероятно, он всегда был со мною. Воистину, „живущий под кровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится“.

Весь мой солдатский путь семилетнего служения в армии, путь через войну от Москвы до Сталинграда и от Сталинграда до Вены, — истинное свидетельство постоянной помощи Вышнего. В судьбоносные опаснейшие моменты (а их было немало) я ощущал, будто бы заботливые родительские руки брали меня и переносили туда, где и Отечеству можно послужить с максимальной пользой и не погибнуть от случайной шальной пули. Началась война. Враг у ворот Москвы. Нас, „сибиряков", везут на фронт. Навстречу нам ползут эшелоны с ранеными, платформы со станками, вагоны Московского метрополитена. Где-то под Узловой ночью бомбили нас... Раненые, убитые...

Фронт. Наро-Фоминск, Серпухов, Тула. Каким-то чудом приехала ко мне моя мама и привезла меховую безрукавку, потребовав, чтобы я всегда носил ее: там зашит псалом 90. Еще один листочек с псалмом она зашила под подкладку шинели. „Заступник мой еси и прибежище мое..."

29 октября танки Гудериана подошли к Туле. Погиб мой лучший друг — Юра Жаков, с которым я сидел все десять лет на первой парте.

Сколько молодых ребят, не успевших подготовиться к войне, погибло! „Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся..." Враг отбит. Москва спасена! Первые деревни, побывавшие „под фашистом"...

Передышка. Лето 1942-го. 3 июля, в день моего рождения, срочно грузимся на платформы, — и нас везут на восток...

1 сентября 1942 года мы со своим другом Олегом Источниковым сидим на радиостанции где-то под Сталинградом. Тихо. Я стал сетовать: „Еще один учебный год пропадает! Эх, сейчас бы кипу книг сюда!" 19 ноября началось наше контрнаступление, закончившееся Сталинградской победой. Будто крылья выросли. Вперед, на запад!

Осень 1943 года. Раннее утро начала ноября. Левобережье Днепра. Иду между двумя рядами развалин взорванных отступавшими немцами хат, слегка припорошенных снегом. Сверху дымящейся развалины вижу маленькую икону Божией Матери. Она плачет. То ли слезы, то ли тающие снежинки. Взял икону, положил под гимнастерку. Утром 3 ноября началось наступление на Киев. 6 ноября Киев возвращен Отечеству.

Явившаяся мне в начале ноября икона была Казанской иконой Божией Матери, празднование которой отмечается 4 ноября (22 октября старого стиля), в память избавления Москвы и России от иноземных поработителей в 1612 году. И в 1943 году Заступница усердная помогла освободить от иноземных захватчиков Киев, мать городов русских. Позже я узнал, что в этот день мама моя слезно молилась в Москве перед Казанской иконой Божией Матери. Да, вид-

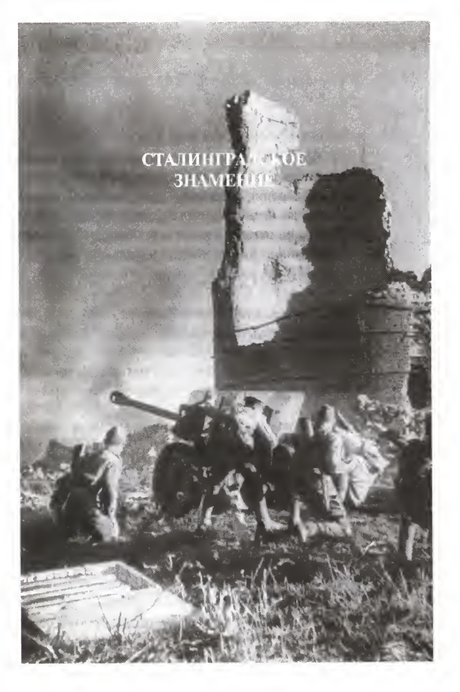
но, и не одна она. Миллионы русских солдатских матерей молились в тот день о чадах своих, об Отечестве нашем, уповая на Заступницу усердную.

Воистину, „Живый в помощи Матери Божией под крепким покровом Ея водворится, адский противник враг не повредит его и стрела его летящая не коснется ему, яко многомощная Владычица избавит его от сети ловящего и крилами Своими покроет его"...

Зима—весна 1944 года. Под покровом Матери Божией проделал путь Кривой Рог — Одесса. Было всякое. Где-то под Днепропетровском прошел ночью по заминированному полю. Со мною была икона Божией Матери и псалом 90. Вспоминается: „На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия..."»

Молитвами моей матери Господь сохранил нас с отцом, и мы вернулись с войны...

СТАЛИНГРАДСКОЕ ЗНАМЕНИЕ

Увидеть Бога, ясно видимого в видимой природе, воздать Ему поклонение, славословие, благодарение позволено всем людям. Но увидели Его весьма немногие, увидели Его те, которые не отняли у себя способности к зрению рассеянной чувственной жизнью.

Святитель Игнатий Брянчанинов

ДНИ БОЕВ, ЦЕРКОВНЫЕ ДАТЫ

Официальная военная история считает началом Сталинградской битвы 17 июля 1942 года. Тогда передовые части 62-й армии генерала Колпакчи на реке Чир вошли в первое столкновение с авангардом 6-й армии Паулюса[142]. Именно в этот день православные чтут память святых страстотерпцев — царя-мученика Николая II вместе с царицей, детьми и верными слугами. Тогда была разрушена императорская Россия, теперь над страной вновь нависла смертельная угроза.

Именно на время нашего отступления к Волге и предгорьям Кавказа пришелся выход знаменитого приказа Народного Комиссара Обороны № 227 от 28 июля 1942 года, который более известен под названием «Ни шагу назад». По поводу этого приказа «сломано много копий». Но никто не отрицает, что основная мысль приказа: дальнейшее отступление армии означает гибель страны и гибель народа. Мало кто задумывался о дате его издания. Приказ вышел в день, когда Русская Православная Церковь чтит память равноапостольного великого князя Владимира, крестившего Русь, во святом крещении Василия[143]. Сопоставление дат

позволяет понять, что небесные заступники Земли Русской грозно предупреждали — Отечество на краю гибели.

Немцы в Сталинграде методично продолжали свою тотальную войну против всего живого в России — и армии, и гражданского населения. Бомбардировщики 4-го воздушного флота маршала Рихтгофена начали 23 августа испепелять город, превращая его в груду развалин. Но танки, прорвавшиеся к Сталинграду с севера, в город не прошли. Тут немцы столкнулись с небывалым — героическим отпором вооруженного населения, в том числе женщин, к которым на помощь срочно перебрасывались войсковые части. Завоевывая Европу, с народной войной немцы не сталкивались. Слово бывшему первому адъютанту генерал-полковника Фридриха Паулюса полковнику Вильгельму Адаму: «Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество... Население взялось за оружие. На поле боя лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели»[144].

Позже генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й армией Паулюсу отойти от Волги. Он не верил, что удастся взять этот гигантский город. Паулюс немедленно снял с должности мудрого генерала. Но город так и не взял. И, в итоге, сам вместе со своей трехсоттысячной армией оказался в «котле» после четырех с лишним месяцев ожесточенных боев.

С начала боев за Сталинград на главном направлении удара немецких войск — 62-я армия. Сначала идет частая смена командармов. 10 сентября выходит приказ о назначении Чуйкова командармом 62-й. Вполне логично предполо-

Василий Иванович Чуйков — главный военный советник Чан Кайши

жить, что Верховный Главнокомандующий после подписания приказа вспомнил этого генерала. Он лично беседовал с Чуйковым в Кремле в 1940 году перед направлением его в качестве главного военного советника и советского военного атташе с ответственным заданием в Китай.

И за действиями его в 1940—1942 годах, направленными на отведение угрозы японского военного нападения на СССР (когда В. И. Чуйков был военным советником главнокомандующего всех китайских вооруженных сил Чан Кайши), Сталин внимательно следил.

Родители маршала В. И. Чуйкова Иван Ионович и Елизавета Федоровна у своего дома в поселке Серебряные Пруды Московской области

Нам уже не узнать, можно только предположить, что вспомнил он и свой разговор в 1937 году в Кремле с бесстрашной и беспредельно твердой в вере матерью генерала, рекомендуемого ныне на опаснейшее направление — Елизаветой Федоровной Чуйковой. Грамотная русская крестьянка, она по воспоминаниям многочисленной родни обладала тихим, но удивительно проникновенным голосом. Вместе со своим мужем Иваном Ионовичем, скромным и отзывчивым человеком, Елизавета Федоровна воспитала двенадцать детей. Ей было присвоено звание Мать-героиня.

Многие годы она была старостой храма — возглавляла приходской совет церкви святителя Николая поселка Серебряные Пруды, одноименного района, расположенного на границе Тульской и Московской областей. Партийные богоборцы, сначала закрыв храм, решили затем его уничтожить. И тогда Елизавета Федоровна, по рассказам Василия Ивановича и его старшей сестры Пелагеи Ивановны, отправилась пешком в Москву. Шел 1937 год. Каким-то, до сих пор никому не ведомым образом, она попала на прием к Сталину. Храм не разрушили, но службы в нем по-прежнему не было[145]. Это была единственная церковь, не разрушенная богоборческой властью в Серебрянопрудском районе.

Память у Сталина была отменная. И, главное, он уже в 1941 году осознал, что с бого-

борчеством в истекающей кровью стране пора кончать, а проявлениям веры народа в Божие заступничество за Россию не следует препятствовать. А значит, и вызревало понимание того, какие полководцы должны вести солдат в бой.

Бои за город разгорались ожесточеннейшие. 12 сентября, в день святых благоверных князей Александра Невского и Даниила Московского, Чуйков прибыл на командный пункт 62-й армии на Мамаевом кургане... А уже через четверо суток после приказа о назначении Чуйкова командармом 62-й армии немцы несколькими

Переводчик генерала А. И. Родимцева в Албании Николай Крыжановский. 1950-е годы

колоннами вошли в Сталинград, и ситуация стала критической. Поздним вечером 14 сентября Берлинское радио первый раз объявило миру о падении Сталинграда и о рассечении России на две половины. Происходило это в день, когда Церковь празднует начало индикта — церковное новолетие.

И именно этот день — 14 сентября 1942 года — можно считать днем спасения не только Сталинграда, но и России. По воспоминаниям маршала Жукова, «...13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями... перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией генерала А. И. Родимцева...». Солдаты и офицеры 62-й армии В. И. Чуйкова и 11-й дивизии НКВД полковника А. А. Сараева сверхчеловеческими усилиями обеспечили возможность высадки гвардейцев Родимцева. А те поздно вечером 14 сентября, форсировав Волгу под огнем врага, сразу с берега вступили в бой. Они, оказавшись на самом передовом рубеже, выполнили боевую задачу. Немцы были 15 сентября отброшены от берега за железную дорогу, у них отбили вокзал. А на другой день, 16 сентября, гвардейцы Родимцева выбили немцев с Мамаева кургана.

Комдив 13-й гвардейской генерал-майор Александр Ильич Родимцев, уроженец села Шарлык Оренбургской губернии, был единственным мальчиком в бедной крестьянской

семье. Случалось, в детстве ему не в чем было ходить в школу — лапти изнашивал быстро. Отец умер рано, и Саша, будучи подростком, оказался единственным мужчиной в семье из шести душ.

Перед направлением в Сталинград 13-я гвардейская дивизия формировалась на левом берегу Волги в слободе Николаевской. Командир дивизии, 37-летний Герой Советского Союза генерал-майор Родимцев, квартировался в частном доме. В 2001 году вспоминала Мария Степановна Мельникова, дочка хозяев этого дома — Степана Александровича и Александры Петровны Можалиных: «Когда генерал

Генерал Александр Ильич Родимцев среди родных в селе Шарлык Оренбургской губернии. 1950-е годы

приехал поздно вечером, мама уже спала. Я показала ему горницу, где он будет жить. Утром Александр Ильич говорит маме: «Можно я буду называть вас бабушкой?» А мама у него и спрашивает: «Вы, наверное, неверующий? Там, в комнате, иконы. Перенести их в другое место?»

Мария Степановна сохраняла родительские иконы, и все 60 лет они висели в том же красном углу. Она продолжала: «Я, несмотря на то, что комсомолкой была, в Бога в душе все равно верила...» Так вот, Александр Ильич и говорит маме: «Зачем же убирать, если они на месте? Я ведь сам крещеный. А потом, знаете, в трудный час о Боге и неверующие вспоминают...»

23 августа ночью адъютант генерала Митя Шевченко пришел и разбудил его. Двое военных доложили, что в Сталинграде тяжелая обстановка. Шепотом. Родимцев им: «Говорите, семья надежная». И уехал в Энгельс. Потом он нам сказал, что вызывал его для телефонного разговора Сталин. В начале сентября бойцы 13-й гвардейской стали уходить по дороге на Красную Слободу. Как-то утром к нашему дому подъехало машин одиннадцать. Мама всех во дворе накормила, и все офицеры стали прощаться и говорить маме: «Спасибо, бабушка».

А генерал и говорит: «Была бабушка, а теперь, как мать родная». Александр Ильич на-

правился к выходу, перешагнул, было, порог дома, а потом, обернувшись к маме, тихо произнес: «Ты знаешь, куда еду. Благослови меня». Мама перекрестила его по-христиански, пожелала остаться живым, поцеловала: «Иди с Богом, сынок». Она пошла в горницу, вынесла из красного угла небольшую старинную икону «Господь Вседержитель» и благословила ею генерала»[146]. Икона сохранилась и будет главным экспонатом готовящегося к открытию в городе Николаевске музея 13-й гвардейской дивизии.

В пятидесятых годах (1953—1956) всемирно известный легендарный генерал Родимцев был главным военным советником албанской армии и военным атташе СССР в Албании. В его семье хранятся воспоминания переводчика генерала Родимцева тех времен, Николая Григорьевича Крыжановского, ясно свидетельствующие об отношении героя Сталинградской битвы к вере в Бога. Сам Николай Григорьевич родился в городе Босна Лука в Югославии и был сыном русского офицера, оказавшегося после революции в Чехословакии, потом в Югославии и Албании, и принявшего в годы эмиграции сан священника.

Вот рассказ Николая Григорьевича: «С группой экскурсантов я был в одном из православных храмов столицы Албании Тираны. Власти запретили богослужения в церквях, но неко-

торые из них оставались открытыми, как музеи. Когда все вышли на улицу, мне захотелось вернуться, чтобы побыть одному в церкви. Я так и сделал. Оглядевшись, увидел в темном углу перед иконами коленопреклоненную фигуру. Когда человек поднялся и повернулся ко мне, я узнал Александра Ильича Родимцева. Он сказал мне: «Ты меня не видел». Я ему ответил: «Я и сейчас Вас не вижу». Николай вместе со своим отцом — отцом Григорием, священником Русской Православной Церкви Московского Патриархата, со временем переехал в СССР и работал в албанской редакции Гosрадиокомитета. О памятной ему встрече в храме он рассказал родственникам Родимцева в Москве только через сорок лет, памятуя наказ генерала.

Следующий критический момент в Сталинградском сражении наступил 14 октября, когда оборона 62-й армии была рассечена пополам. Ценой неимоверных усилий и в этот раз армия Чуйкова устояла и продолжала сдерживать атаки немцев, рвавшихся к Волге. Нацистская газета «Берлинер берзенцейтунг» писала в этот день о боях в Сталинграде: «Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху». Иного результата трудно было ожидать, ибо немецкое наступление было предпринято в день Покрова Пресвятой Богородицы — небесной заступницы России.

МЫ ВИДЕЛИ ЕЕ

В следующий раз напряженнейший день Сталинградской битвы был 11 ноября 1942 года. Немцы предприняли очередную попытку сбросить наши войска в Волгу. Им удалось завладеть южной частью завода «Баррикады» и на узком участке пробиться к реке. В результате немецкого наступления героически оборонявшая город 62-я армия генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова была рассечена на три части. И вдруг, в один из самых критических моментов битвы, в мрачном осеннем небе над дымящимися развалинами города многие наши солдаты и офицеры увидели небесное знамение. Что же было явлено им?

О небесном знамении в небе Сталинграда есть и документальное свидетельство. Документ, датированный 1943 годом, был обнаружен в архиве Совета по делам религий при Совете Министров СССР писателем Вадимом Николаевичем Якуниным. Фрагмент, касающийся Сталинградского Знамения, был опубликован Якуниным в пересказе в его книге[147]. Он в 90-х годах работал над диссертацией на тему «Русская Православная Церковь в Великой Отечественной войне» и наткнулся на отчет уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по УССР Ходченко. Он сообщал своему начальнику в Москве — председателю этого Совета полковнику НКГБ Георгию Григорьевичу Карпову, что

целая воинская часть из состава армии Чуйкова, пришедшая на Украину со Сталинградского фронта, оказалась свидетельницей чуда. К сожалению, в отчете уполномоченного по делам Русской Православной Церкви умалчивается о том, что именно увидели воины в сталинградском небе в ноябре 1942 года. Ясно одно — видевшие небесное знамение бойцы Красной Армии понесли с собой память о нем дальше по дорогам войны. Следующий рассказ наводит на мысль, что они сохраняли память о явленном чуде до конца своих дней.

Георгий Ильич Голубев служил в охране маршала Климента Ефремовича Ворошилова в Кремле. В самом начале войны, когда началась эвакуация части руководящих работников правительства в Куйбышев, Георгий Ильич предпочел попроситься на фронт. И вместе со многими нашими бойцами испил горькую чашу отступления под натиском немцев. Чудом он вырвался из окружения под Харьковом. Ординарец подвел ему коня, он вспрыгнул на него и поскакал, а в этот же момент ординарец был сражен немецкой пулей. В итоге Голубев со своими четырьмя спутниками вышел из окружения к нашим. 11 мая 2003 года по Центральному телевидению в передаче, посвященной 58-й годовщине Победы над Германией, один из этой группы наших воинов, ныне живущий в Германии, рассказывал подробности выхода их из окружения к своим.

Но многое осталось за кадром. И как часто бывает, самое главное — то, что Георгий Ильич в кругу семьи вспоминал вплоть до своей кончины. А было удивительное событие — явление Божией Матери в небе Сталинграда в ноябре 1942 года. Офицер особого отдела Голубев курсировал с секретными документами с правого берега Волги на левый. Каждая такая переправа могла оказаться последней, так как предметом особых «забот» немецкой артиллерии и авиации была именно Волга у Сталинграда. Сколько там погибло под их огнем наших воинов!

В эти ноябрьские дни почти постоянно шел ледяной дождь, кругом все было покрыто

Майор Георгий Ильич Голубев. Орден Красной Звезды — за Сталинград

изморозью, на Волге шла шуга (по-местному «сало»). При подготовке к очередной переправе все мысли Георгия Ильича, как обычно, были о преодолении реки, о том, как ловчее избежать немецких мин, снарядов и бомб, сыпавшихся на район переправы.

Он, девятый ребенок в семье — «последыш» и мамин любимчик, был от рождения подвижный как ртуть и по жизни удачлив. В послевоенные годы он особенно любил вспоминать о своей удачливости во время войны. Когда Георгий Ильич, весь грязный и мокрый, ползком, наконец, добрался до своих и начал переодеваться в чистое, чтобы явиться с секретными документами к командованию, один из встречавших и помогавших ему бойцов сказал: «Ильич! Пока ты на брюхе полз, мы все такое видели — Божия Матерь была в небе! В рост и с младенцем Христом! Теперь точно порядок будет».

Георгий Ильич, как офицер военной контрразведки (СМЕРШ), прошел с нашими частями от Сталинграда на запад до Германии. Чего только не пережил и в каких только переделках не бывал, но остался жив и невредим! Он вырос в большой крестьянской семье, где вера в Бога была также естественна, как дыхание. О своей личной молитве в военную пору он до смерти хранил молчание. Чьи молитвы помогли ему во время войны — нам неведомо. Однако можно предположить, что самые горячие молитвы возносили к небу мама Георгия и

горячо любившая его жена Настя. Всю войну она трудилась на военном заводе, на Урале.

Мама Георгия Ильича прожила долгую жизнь и скончалась в возрасте ста четырех лет. Умирая, Георгий Ильич неоднократно говорил своим близким, что мечтает встретиться «там» со своей любимой женой Настенькой. В последние свои дни на этой земле, в Москве, в своей квартире, он много раз повторял рассказ о выходе из окружения и о Сталинградском Знамении. О том, как переживал во время долгого ожидания, когда его проверяли после выхода из Харьковского окружения особисты, и как, наконец, снова вернулся на фронт. И о том, как встретившие его на берегу Волги однополчане восторженно рассказывали в мельчайших подробностях, виденное ими чудо — небесную Царицу, заступницу Руси, явившуюся в небе в полный рост на помощь нашим воинам, державшим оборону на узкой полоске земли вдоль крутого берега Волги.

Один из защитников Сталинграда, видевший явление Божией Матери, живет ныне в Ростове-на-Дону. Прибыв в 2001 году в Волгоград в составе многочисленной делегации ростовских ветеранов войны на теплоходе «Дон», он, стоя на набережной у Речного вокзала, рассказывал об этом чуде: «Как увидел в небе Божию Матерь, душа была в возвышенном состоянии. Мне сразу стало ясно, что не погибну и живым

вернусь домой. Уверенность в победе больше не покидала. Видение Божией Матери в рост в осеннем небе Сталинграда как щит пронес сквозь всю свою жизнь на фронте». Запись этого воспоминания хранится у сотрудницы музея-панорамы «Сталинградская битва» Жанны Николаевны Шириковой.

В том же 2001 году на одной из конференций в краеведческом музее города Волгограда среди выступавших ветеранов Сталинградской битвы, нынешних жителей Волгограда, оказался воин, тоже видевший явление Божией Матери в небе Сталинграда. В ноябре 1942 года он сражался на территории завода «Красный Октябрь». К сожалению, ему не удалось рассказать подробности явленного чуда. Свидетельствовала о его рассказе Валентина Михайловна Евдокимова — директор Музея обороны Сталинграда, расположенного в районе завода «Красный Октябрь» на территории воинской части.

Есть рассказ о явлении Богородицы во время Сталинградской битвы жительницы небольшого городка Краснослободска, что напротив города Сталинграда на восточном берегу Волги, Марии Дмитриевны Сергиенко[148]. Она и ее сестра Лидия Дмитриевна, будучи детьми, слушали вместе со своей матерью рассказ об этом явлении солдата по фамилии Величко. Он трижды бывал в их доме, прибывая для отправки в

Сталинград пополнения, формировавшегося в Красной Слободе. По словам Величко, все началось с появления «во время боя светлой полосы. Обе стороны прекратили обстрел. Тогда прекращение огня было чем-то невероятным. Полоса света становилась все ярче и ярче и стала совсем яркой. Немцы решили, что русские что-то придумали, а наши думали на немцев и решили послать разведку, узнать, что это». В составе разведки был и солдат Величко. Преодолев некоторое расстояние, разведчики увидели, что свет этот исходит от Женщины в белом. Они поползли к Ней, чтобы спросить, почему Она стоит и чего Она хочет. Но тут невидимая стена преградила им дорогу. Они начали прощупывать стену, ища в ней дорогу. Стена была сплошная. Тогда Величко мысленно стал обращаться к Женщине. Она не отвечала. Бойцы вернулись на свою позицию. Продолжалось явление Богородицы полчаса-час. Потом Ее не стало. Вновь открыли огонь, бой продолжался».

ФРОНТОВЫЕ МОЛИТВЫ БОЕВЫХ ГЕНЕРАЛОВ

(ПОТОМ ОНИ СТАЛИ МАРШАЛАМИ)

Через несколько дней после чуда, явленного в небе Сталинграда его защитникам, грохотом артиллерийской канонады началась 19 ноября

1942 года операция «Уран», завершившаяся окружением немецкой группировки, ее частичным уничтожением и пленением более девяноста тысяч захватчиков во главе с двадцатью двумя генералами и командующим армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом (это звание было присвоено ему Гитлером 31 января 1943 года, то есть перед самым его пленением в подвале универмага в центре Сталинграда). Подготовка контрнаступления шла в глубокой тайне, и все подробности знали только три человека — Сталин, Жуков и Василевский. Но, по-видимому, был еще один человек, которому в определенный момент доверили часть строго секретной информации об операции «Уран». Это был митрополит Николай (Ярушевич), который по просьбе митрополита Сергия (Страгородского), Местоблюстителя Патриаршего Престола, осуществлял с ноября 1941 года все прямые контакты руководства Русской Православной Церкви с председателем Государственного комитета обороны Иосифом Сталиным. По свидетельству очевидцев, у митрополита был пропуск, позволявший посещать ставку Верховного Главнокомандования в любое время.

Народная молва гласит, что перед тем, как 19 ноября 1942 года заговорили дальнобойные орудия, недалеко от их позиций, на левом берегу Волги перед Казанским образом Божией Матери митрополитом Николаем (Ярушевичем), был отслужен молебен о «даровании русскому во-

инству победы на сопротивныя». Документальных или иных свидетельств этого события пока не обнаружено.

К сожалению, уже не осталось в живых тех жителей левобережья Волги напротив города Сталинграда, которые в 90-х годах свидетельствовали, что с одного из военных аэродромов у их села взлетал самолет с иконой Божией Матери для облета Сталинграда осенью 1942 года. Вспоминала Валентина Яковлевна Соколова: «Моя покойная подруга Анна рассказывала, как в 1942 году Георгий Константинович Жуков прибыл в село Ушаковка с иконой Казанской Божией Матери. В это время в селе находился штаб Сталинградского фронта. С этой иконой он облетал линию фронта». Имеется публикация о том, что маршал Г. К. Жуков в беседе с писателем Юрием Васильевичем Бондаревым рассказал об облете города с Казанской иконой Богородицы, находившейся на борту самолета[149]. Сведения из этого рассказа и упомянутой публикации требуют дополнительных подтверждений.

Есть иное, более достоверное и, если так можно выразиться, «наземное» свидетельство молитвы Г. К. Жукова в период подготовки к контрнаступлению под Сталинградом. О том периоде пишет личный шофер Жукова А. Н. Бучин[150]: «Георгий Константинович нас, московских водителей, под Сталинград не брал. На протяжении почти трех месяцев — с конца ав-

густа до второй половины ноября 1942 года — он фактически делил время между Сталинградом и работой в Москве. Каждую неделю, а то и раз и два в неделю Жуков улетал и прилетал из Москвы».

Во время пребывания на Сталинградской земле Жуков многократно посещал места сосредоточения наших войск. Рассказывает монахиня Нина, ныне живущая в Волгограде: «Моя мама из рода Капустиных. Они были люди глубоко верующие и к тому же состоятельные. В нашем хуторе Курган Грязной Ольховского района их стараниями была построена церковь. Мы жили недалеко от нее, рядом со школой. В 1942 году я была молодой и сильной, любила технику, работала на грузовой машине водителем. Подвозила все грузы, что начальство приказывало.

Хорошо помню, как осенью, еще не было морозов и снега, к нашему дому днем подъехала военная легковая машина. Я бы сказала — неказистая. Из нее вышли три человека — главный, такой крепкий, приземистый, с ним шофер и, видимо, адъютант. Попросили воды, я принесла. Главный спросил разрешения войти в дом. Когда мы прошли в горницу, где на стене висели иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы, главный скинул на лавку свою накидку (не знаю, как правильно назвать), снял фуражку и сразу к образам. Тут уж я признала в нем

Жукова, фотографии-то его бывали в газетах после разгрома немцев под Москвой.

И на мое удивление, а я тогда комсомолкой была, он внятно и довольно громко произнес: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“. И тут голос подал адъютант: „Аминь!“ Чувствовалось, что приехавшие не раз вместе молились. Из комнаты вышла моя мама и присоединилась к их молитвенному пению. По прошествии стольких лет мне трудно сказать точно, какие были тогда пропеты молитвы. Длилась совместная молитва, пожалуй, не более получаса. Сегодня, полагаю, что, скорее всего, то были молитвы из утреннего правила.

Потом Жуков со своими спутниками поблагодарил нас, попрощался и уехал. Иконы те храню до сих пор, уже шестьдесят два года[151]. Думаю так: ему надо было помолиться, а при военных, где же, — у них походных церквей, как в Первую германскую войну, не было. Вот он, видать, и спросил на краю хутора, кто тут живет из верующих. А нас все знали».

Существует народное предание, которому пока не найдено документального подтверждения, что, после капитуляции немецких войск, в Сталинграде была соблюдена и другая русская воинская традиция. Победное завершение 2 февраля 1943 года многомесячной Сталинградской эпопеи было отмечено не только митингом в городе 4 февраля, но и благодарственными молебнами во многих местностях России.

Монахиня Нина (Капустина), г. Волгоград. 2004 год

Рассказывают, что и в Сталинграде, в наскоро приведенном для этого в приемлемый вид одном из храмов (по некоторым сведениям, в сохранившемся храме во имя Казанской иконы Божией Матери)[152] был отслужен благодарственный молебен. И первую свечу затеплил командарм Василий Иванович Чуйков, «окопный генерал», как его доброжелательно называли бойцы геройски сражавшейся 62-й армии. Ему, выросшему в деревне, окончившему четыре класса церковно-приходской школы и с детства с родителями и своими многочисленными братьями и сестрами ходившему в храм, не надо было объяснять, чьей милостью была одержана победа в этой беспримерной битве. Испокон века русские воины — от солдата до фельдмаршала, знали, если Господь им даровал в сражении победу, то успех сей — проявление милости Божией, заступничества Богоматери и святых угодников Божиих.

Мы сегодня не ведаем, был ли у кого-либо на фронтах Великой Отечественной войны дошедший до наших дней «Сборник кратких христианских поучений к воинам», составленный протоиереем Г. И. Мансветовым. Эти проповеди накануне Отечественной войны 1812 года (в 1810—1811 годах) были произнесены Г. И. Мансветовым (в то время — священником Ширванского полка) перед воинами 24-й дивизии и пользовались у них большим успехом.

Поэтому военное начальство приказало унтер-офицерам переписать эти поучения в тетради для прочтения в свободное время в капральствах. Вскоре, по Высочайшему повелению, они были напечатаны и выдержали в дальнейшем четыре издания. Вот что писал протоиерей Георгий Мансветов, впоследствии обер-священник Русской армии и флота: «Войны только начинают люди, а оканчивает их Сам Бог, Который, как правило, помогает правому. Поэтому победу нельзя приписывать только своему мужеству, а неудачу на поле брани — ошибке военачальников. „Победа и поражение в деснице Господней“».

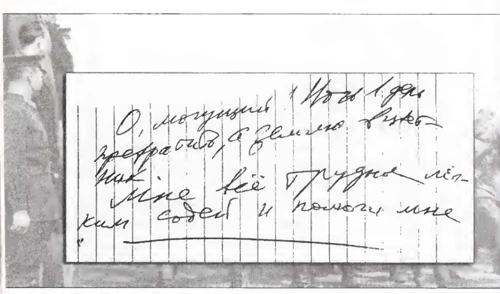
Какими путями происходило возвращение к вере отцов В. И. Чуйкова, ведает один Господь. В двенадцать лет он ушел из родного села в Питер зарабатывать себе на кусок хлеба. С 1917 года он на военной службе. До войны, в 30-е годы, у него, кадрового офицера Красной Армии, с матерью был разговор о Боге. Елизавета Федоровна сказала тогда сыну: «У нас с тобой цель одна, сынок, только дороги разные. Я тебе не мешаю, а ты меня не суди. Я молюсь за тебя, и Бог нас рассудит».

Думается, решительный возврат произошел на узкой полоске земли вдоль берега Волги, где его 62-я армия отстояла Сталинград. По свидетельствам его однополчан, именно после тех дней командарм Чуйков стал открыто посещать уцелевшие храмы, что были на долгом и труд-

ном боевом пути его 8-й гвардейской армии[153], встретившей День Победы в Берлине.

Есть известный факт — именно к нему, ненавистному немцам герою Сталинградской битвы, явился для переговоров с русским Верховным командованием 1 мая 1945 года в Берлине начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. И именно ему, первому из военачальников (и вообще иностранцев), сообщил о самоубийстве Гитлера 30 апреля[154]. В ответ он услышал — никаких условий, только безоговорочная капитуляция...

Есть комментарий Геббельса, который после назначения его комиссаром обороны Берлина,

О, могущий [illegible]
[illegible]
Мне всё трудно лёг-
ким содей и помоги мне

Текст молитвы Василия Ивановича Чуйкова

в марте 1945 года, ознакомившись с досье на советских генералов, ведущих армии на Берлин, вынужден был отметить: «...исключительно энергичные люди, и по их лицам видно, что народного они корня...»[155]. В начале Страстной седмицы, в ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года, именно к такому «народному», да еще и православному генералу и опытному разведчику явился «для установления связи с вождем советского народа» генерал и опытный разведчик, бывший военный атташе в Москве Кребс.

Уже после кончины Чуйкова в его архиве, среди личных документов маршала — рядом с партийным билетом и военным билетом, была обнаружена его личная молитва, время написания которой неизвестно:

«О, Могущий! Ночь в день превратить, а землю в цветник!

Мне все трудное легким содей и помоги мне».

И также никому не было известно до самого последнего времени, кроме нескольких членов его семьи, что командарм 8-й гвардейской армии после одного военного эпизода в 1944 году осенил себя крестным знамением, используя не троеперстие, а сжатый кулак.

В те дни, о которых пойдет рассказ, шел дождь со снегом. Наши наступающие части вязли в размякшем украинском черноземе. Полевые дороги, поселки и даже поля были забиты

брошенной немцами при отступлении техникой. Встречались танки «тигр», которые увязли в трясине по самые башни. 8-я гвардейская армия была нацелена представителем Ставки А. М. Василевским на малоизвестный дотоле городок на Правобережной Украине — Апостолово. Командарму утром 6 февраля надо было проследить, как будет вводиться в бой одна из дивизий его армии.

Вспоминает Василий Иванович Чуйков[156]: «На машине ехать было невозможно. Мы с адъютантом сели на верховых лошадей[157]. Мы ехали полем вдоль пробитой колеи. Однако

Икона Спасителя из дома Чуйковых. Серебряные Пруды. 2005 год

долгое время нам никто не попадался навстречу. У меня закралось сомнение: правильно ли мы едем? Поднялись на пригорок. Я решил свериться по карте. Остановил лошадей... И вдруг откуда-то со стороны раздались автоматные очереди и ружейные выстрелы. Моя лошадь поднялась на дыбы и рухнула на землю. Выручила старая кавалерийская привычка — я успел высвободить ноги из стремян и, спрыгнув с седла, тут же упал в глубокую дорожную колею. Приказал адъютанту и коноводу: „Слезай! Ложись!“ Оба они упали в колеи. Секундой позже и их лошади были срезаны автоматным огнем.

Мы поползли вдоль колеи. Противник заметил движение. Усилил автоматный огонь. Федя кричит: „Вася! Папаху бросай! Они по красному верху целятся!“ Папаху скинул, но огонь немцев не прекратился. Очень скоро в отвороты моих охотничьих яловых сапог набилась жидкая грязь. Федя посоветовал мне скинуть и сапоги. Разулся. Ползти стало легче. Двигались мы вперед, разгребая грязь».

Вскоре им удалось выбраться из-под обстрела и добраться до командного пункта, который располагался в больнице поселка Шолохово. Незадолго до выезда на разведку Василий Иванович выходил оттуда по радио на связь с начальником штаба генералом Владимировым, используя «эзопов» язык, а не особый код. Немцы «вычислили», что в больнице какой-то

важный командный узел. И, в результате, как пишет Василий Иванович, «...приключения этого дня не кончились. Не успел я переодеться, как услышал нарастающий гул самолетов, затем разрывы бомб. Вышел на улицу и прислонился к стене. Прятаться, собственно говоря, было некуда. Кругом открытая местность — ни кустика, ни канавки. Немецкие самолеты один за другим заходили на бомбежку. Целили в больницу. Пришлось терпеливо ждать, когда немецкие летчики освободятся от своего смертоносного груза...».

Написано просто и как-то буднично. В действительности, когда налет кончился, он не смог разжать пальцы рук, плотно прижатых к стене. Их свело судорогой от нервного напряжения во время налета, когда осколки вонзались в ту самую стену. И командарм вынужден был, в благодарность Господу за спасение, перекреститься не разжимавшимся от перенапряжения кулаком. Это крестное знамение запомнилось ему на всю жизнь.

После окончания войны, когда по праздникам собиралась вместе вся большая семья Чуйковых, конечно, начинались рассказы братьев об удивительных случаях, происходивших с ними на фронте. Мама обычно молча слушала своих сынов, но, когда ей представлялось, что кто-то хватил через край, она говорила: «Сынки! Тихо. Матушка вас вымолила...»

ИКОНЫ В ВОЙСКАХ И У ЖИТЕЛЕЙ

Среди православных людей бытует предание о том, что в боевых порядках 62-й армии Чуйкова на правом берегу Волги (где конкретно, до сих пор не известно) находилась икона Казанской Божией Матери. Еще в 90-х годах остававшиеся тогда в живых старожилы из тех гражданских, кто не успел до начала ожесточенных боев в городе переправиться на левый берег Волги, рассказывали, что видели эту икону на командном пункте комдива Ивана Людникова. Этот блиндаж-штольню на обрывистом берегу Волги у завода «Баррикады» построили для дирекции завода в самые грозные дни 1942 года. Потом там был штаб 62-й армии Чуйкова, а затем — штаб стрелковой дивизии Л. Н. Гуртьева. Впоследствии И. И. Людников вспоминал: «Сменяя дивизию, мы не предполагали, что в считанных метрах от блиндажа-штольни разгорятся ожесточенные бои с гитлеровцами». Есть мнение, пока документально не подкрепленное, что эта икона принадлежала одному из наших генералов, сражавшихся в Сталинграде, и была реликвией его семьи.

По народной молве, Казанскую икону Божией Матери привезли из Москвы и перед ней служили молебны. На протяжении всей российской истории через Свои чудотворные иконы: Владимирскую, Казанскую, Донскую, Тихвинскую, Смоленскую, Пресвятая Богородица не-

однократно спасала нашу землю от иноземных захватчиков. С этими иконами шли воины в смертельный бой с врагами православной Руси, их поднимали на крепостные стены во время штурма неприятелем русских городов и православных обителей.

В 1943 году уже после победы под Сталинградом (точная дата не известна), когда трое ее сынов — Василий, Федор и Георгий сражались на Украине, их мама, Елизавета Федоровна Чуйкова, снова в Москве. Теперь она — на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина. И добивается разрешения на возобновление богослужений в Никольской церкви в родных Серебряных Прудах.

Вспоминает вдова участника Сталинградской битвы Надежда Федоровна Атрашкевич (Карасева), работавшая во время войны в Сталинграде сначала на военном заводе, а потом на железной дороге (поэтому ее не брали на фронт): «Мой муж Константин Андреевич Атрашкевич, родом из Белоруссии, крещеный, профессиональный военный — служил перед войной в третьем отделе военкомата в городе Витебске. С первых дней на фронте. Воевал в 1941 году под Москвой, участвовал в боях на Бородинском поле. Был в окружении и вышел к своим с документами и оружием. Затем сражался на подступах к Воронежу, где за ратный труд был награжден орденом Красной Звезды. Оттуда по-

пал в 57-ю армию генерала Толбухина под Сталинград на должность начальника штаба механизированного батальона 61-го механизированного корпуса. Вспоминая о том, как тяжело было в этот период сдерживать нашим войскам натиск врага, Константин Андреевич мне рассказывал в 1943 году в Сталинграде: „По совершенно секретному приказу Сталина в Сталинград осенью 1942 года привезли Казанскую икону Божией Матери. Однако весть о прибытии иконы Богородицы среди войск быстро распространилась. И это подняло боевой дух в войсках. И выиграли сражение“. Константин Андреевич воевал в районе насе-

Капитан Константин Андреевич Атрашкевич. Сталинград, 1943 год

ленных пунктов: Варваровка, Ивановка, Цыбенко. 19 ноября 42-го, на самом начальном этапе нашего контрнаступления, командир батальона, его заместитель и политрук были убиты, а Константин Андреевич был тяжело ранен. Трое суток пробыл без сознания. Положили в госпиталь в городе Балашове. Там он находился до 27 декабря, потом его выписали и направили в Сталинград в запасной 46-й полк, который располагался на Садовой. Мой муж был членом партии, как все офицеры. Я спросила у него, верит ли он в Бога. Он мне ответил: „Верю. Даже в Сталинграде с помощью Бога была одержана победа“[158].

Зимой 1943 года в Сталинграде состоялось знакомство Константина Андреевича с Надеждой Федоровной. И в 1943 году они поженились. У невесты были обгорелые руки — она спасала детей из горящих домов, когда немецкие воздушные армады превращали город в ад кромешный. Эта сталинградская трагедия, начавшаяся массированными бомбардировками 23 августа 1942 года, унесла многие тысячи жизней мирных жителей, беженцев и эвакуированных. Спасая одного ребенка из горящего погреба, Надежда нашла вблизи этого места на дороге старинную Казанскую икону Божией Матери. Это произошло 7 сентября в Ворошиловском районе города вблизи железнодорожной станции «Садовая». Она бережно принесла икону домой. Мама определила икону в крас-

ный угол. Вся семья, включая ее младших брата и сестру, с тех пор уже более шестидесяти лет называют эту икону — «Наша спасительница».

На обороте иконы надпись: «С этой иконой Божией Матери мы прошли всю войну. Она нас охраняла и спасала. Мама, Надя, Саша, Валя Карасевы».

Долгие годы после войны Константин Андреевич работал над книгой «Самопожертвование на Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», где собрано более четырехсот документально подтвержденных историй подвигов наших воинов, закрывших своим те-

Казанская икона Божией Матери, найденная 7 сентября 1942 года в горящем Сталинграде

лом вражеские огневые точки. Этот фундаментальный труд по увековечению памяти погибших защитников Отечества вышел из печати в 2003 году к 60-летию нашей победы в Сталинградской битве уже после кончины автора[159]. Читая эту книгу, невольно вспоминаешь слова митрополита Сергия (Страгородского), сказанные им с амвона Богоявленского собора в Москве 22 июня 1941 года: «...Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей».

Спасительница и хранительница — маленькая иконка Божией Матери была в 1942 году и у новорожденной Зиночки, находившейся со своей мамой в подвале ставшего знаменитым на весь мир Доме Павлова. Сержант Яков Федотович Павлов из 13-й гвардейской дивизии был послан с тремя бойцами только разведать «объект». Но, застав там врасплох небольшую группу гитлеровцев, он сумел очистить от них дом и взял на себя без всякого приказа ответственность за оборону дома, где в подвале находилось тридцать четыре мирных жителя. Немцы его именовали «крепостью русских» в центре

Сталинграда. Почти два месяца они безуспешно пытались его взять.

В Сталинграде сражалось много Павловых. Трое из них стали Героями Советского Союза: капитан Сергей Михайлович Павлов, гвардии старший сержант Дмитрий Иванович Павлов и защитник ставшего знаменитым на весь мир Дома специалистов (впоследствии Дома Павлова) — гвардии сержант Яков Федотович Павлов.

Был среди наших бойцов в Сталинграде и Иван Дмитриевич Павлов — будущий архимандрит, духовник Троице-Сергиевой лавры.

Гвардии старшина Яков Федотович Павлов.
Один из защитников Дома Павлова в Сталинграде. 1945 год

Его боевой путь был длиннее, чем у Якова Федотовича, — он начался еще на финской войне. В Сталинграде, в одном из разрушенных домов, он нашел разбитую книгу, начал читать ее и почувствовал, как он неоднократно вспоминал потом «что-то родное, милое для души». Это было Евангелие. Он собрал все листочки вместе и больше уже не расставался с найденной книгой. «Когда я начал читать Евангелие — у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события, — рассказывал он потом. — Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся...»

Иван Дмитриевич дошел до Австрии, участвовал в боях на озере Балатон. В 1946 году после демобилизации приехал из Венгрии в Москву. Там в духовной семинарии, а затем в Московской Духовной Академии начался путь его духовного служения...[160]

В доме, занятом сержантом Павловым и его бойцами, дворниками работали родители Евдокии Григорьевны Селезневой, матери Зиночки. Когда немцы разрушили жилье, где она жила, ей под разрывами бомб и снарядов пришлось бежать с грудным ребенком к ним, чтобы не оставаться одной в горящем городе. Она чудом в тот раз осталась жива. Но оказалось это только началом чудес. Воды и еды было крайне мало, младенцу сразу пришлось бороться за жизнь. Вскоре после рождения девочка заболе-

ла и день ото дня угасала на глазах выплакавшей, казалось, все слезы матери. В подвале дома ютились женщины, старики, дети. Женщины говорили про Зиночку: «Дите новорожденное долго не протянет».

Когда к гарнизону дома пришло подкрепление, один из пришедших воинов, старший сержант Илья Васильевич Воронов, вместе с другими начал пробивать стены между секциями дома, чтобы обеспечить маневрирование огневыми средствами во время боя, не выходя из обстреливаемых подъездов. Работая ломом, он наткнулся на сундук. В нем оказались продукты, а сверху лежала небольшая икона, металлическая, литая, в форме медальона. Продукты (вермишель, крупы, подсолнечное масло) он поделил между бойцами и жильцами, а икону взял кто-то из солдат. Кто именно, Илья Воронов не помнит.

Рассказывает сама Зинаида Петровна: «По воспоминаниям моей мамы и солдат, оборонявших Дом Павлова, на обратной стороне иконы было что-то написано славянской вязью. Перекрестился солдат и отдал иконку маме: „Может, поможет вашему горю..." Отчаявшаяся моя мама прикрепила иконку к тряпичному „кульку", в который я была завернута, и обратилась с мольбой к Пресвятой Богородице. И произошло чудо — мое здоровье вскоре пошло на поправку. Ко времени моего рождения мой отец, плавильщик металлургического

завода „Красный Октябрь“ Петр Селезнев, сражавшийся в рядах Народного ополчения, погиб в уличных боях с немцами, так и не узнав о моем появлении на белый свет...»[161].

Я СПАСАЛ СВЯТЫНИ, А ГОСПОДЬ СПАС МЕНЯ

Тряпицы, к которым прикрепила Евдокия иконку, подарил ей Илья Воронов. Это были его чистые запасные портянки. Он категорически запретил матери Зиночки рвать на пеленки последнее свое платье, когда она собиралась это сделать. «Ты почему голая? Зачем смущаешь моих бойцов?» — удивился Воронов, когда увидел в подвале обнаженную женщину. И, услышав от нее, что ей нечем пеленать дите, тут же нашел выход из положения.

Единственный защитник Дома Павлова, доживший до наших дней — виртуоз-пулеметчик Илья Васильевич Воронов, которого очень любил генерал Родимцев (тоже великолепный пулеметчик), был душой этого героического гарнизона. Ростом под метр девяносто, пудовые кулаки — он мог и самую лучшую огневую позицию для своего пулемета выбрать, и песню о пулемете сочинить, и старших по званию мудро и тактично в нужный момент увещевать. «Яша, если будет трудно, я у мельницы», — сказал он Павлову перед походом того в дом.

Тогда пулемет Воронова работал у той самой мельницы, которая до сих пор стоит в Волгограде напоминанием о Сталинградской битве.

Илья родился в бедной крестьянской семье в селе Глинки Шаблыкинского района Орловской области. С одиннадцати лет после смерти отца, ветерана Первой мировой войны, он трудился как взрослый, будучи старшим в семье, где, кроме его и матери, было четверо детей. По этой причине и окончил Илья всего три класса. В эти годы в родном его селе богоборцы начали разорять храм, и Илья, еще подросток, стал передавать бабушкам в окна иконы для сохранения. За что, как он рассказывал, получил крепкие пинки под зад.

Во время Сталинградской битвы Илья Васильевич несколько раз чудом оставался живым. Первый такой случай произошел с ним вскоре после форсирования Волги под огнем зрага 14 сентября 1942 года. Он был в подразделении, захватившем здание школы № 3 при движении гвардейцев в сторону железнодорожного вокзала. Немцы почти непрерывно атаковали их позиции в школе, самолеты бомбили их с воздуха. Возникла необходимость срочно сменить огневую позицию его пулеметного расчета, и И. В. Воронов выбежал из двери, чтобы доложить о снятии пулемета на другое место командиру роты. В это время в дом попала бомба. Илья вернулся и пытался открыть дверь, но она не открывалась, а на его крики никто не отве-

чал. Тогда он забежал во двор и заглянул в окно. За ним валялся его разбитый пулемет, а пулеметчики все были убиты — бомба пробила потолочное перекрытие.

Второй эпизод произошел, когда бойцы, оборонявшие пятьдесят восемь дней дом Павлова, поднялись по приказу командования в атаку. Одну немецкую гранату, упавшую ему под ноги, Илья Воронов успел поднять и бросить в сторону врагов. А вторую он, по его словам, не заметил, и она разорвалась. Его ранило в живот, лицо, левую руку. Ранило всех его бойцов — Свирина, Иващенко, Бондаренко, пулемет заело. Отбивались гранатами от наседавших немцев.

Автоматной очередью ему отбило правую ногу, а левую в двух местах ранило. Оставшиеся в строю защитники Дома Павлова выстояли, дождавшись подкрепления. Илья Воронов потерял много крови, вся рубашка и штаны были ею пропитаны.

Когда санитары подняли его, чтобы вынести с поля боя к замерзшей Волге, начался артобстрел. Оба санитара упали на Илью. Он им кричит: «Вы задавили меня, последнюю кровь выдавите!» Их обоих убило, а Илья остался раненый, истекающий кровью, но живой. Так Илья Воронов потерял ногу в Сталинградской битве и был комиссован. У него извлекли из тела более двадцати пуль и осколков, а один сидит в нем до сих пор. Он чудом остался жив, перене-

ся множество операций в пяти госпиталях. Последний был в Иркутске. В последующие годы Илья Васильевич часто говорил: «Подростком я спасал святыни храмовые, и за это меня Господь в Сталинграде сохранил!»

Мать с младенцем пробыла в Доме Павлова до 26 октября, пока наши бойцы не вырыли глубокую траншею к Волге. Тогда их провели ночью к берегу и переправили на ту сторону Волги. Сражение за дом продолжалось столько, сколько понадобилось, и длилось без малого два месяца до 24 ноября 1942 года. Евдокия Григорьевна прожила более девяноста лет. Зи-

Гвардии старший сержант Илья Васильевич Воронов — командир пулеметного расчета гарнизона Дома Павлова в Сталинграде

наида Петровна Андреева здравствует и поныне. Ей столько же лет, сколько и Сталинградской битве. Семнадцать лет после войны никто, кроме защитников Дома Павлова, не вспоминал о рожденной среди огненного ада малышке. Один из этих бойцов, командир взвода лейтенант Иван Филиппович Афанасьев, потерявший зрение во время войны, разыскал-таки с помощью своего сына мать-роженицу и ее повзрослевшую дочь. А после того, как местный кудесник, профессор Водовозов, вернул ему зрение, на все встречи однополчан с общественностью, подрастающим поколением города-героя, он стал брать с собой Зину. На ее протесты отвечал коротко, по-фронтовому: «Пока я жив, будешь со мной ходить! Одной ведь судьбой остались живы».

МОЛИТВЫ ЖИТЕЛЕЙ СТАЛИНГРАДА

Жители Сталинграда, оставшиеся в живых в этом аду, когда все было кругом в огне и дыму, помогали чем могли нашим воинам и, конечно, молились за них.

Из воспоминаний комбата 13-й гвардейской дивизии Алексея Ефимовича Жукова: «Под оврагом у берега Волги стояли маленькие домики, в них жили сталинградцы. Они нам, военным, очень помогали: белье постирать и многое другое. И всегда нам они говорили: „Да поможет

Вам Господь“[162]. По свидетельствам многих ветеранов, непосредственно перед самыми боями в городе жители раздавали солдатам переписанные на бумаге молитвы „Живый в помощи...“».

Рассказы местных жителей, переживших войну, полны историями об их молитвах в Сталинграде в период боев, во время бомбежек, об обхождении ими своих жилых домов с иконами в руках в промежутках между налетами немецких самолетов. Рассказывает жительница Сталинграда Александра Ивановна Сиденко: «Женщины на груди носили на шнурке ладанки. Ладанками называли обшитый тканью свернутый листок бумаги, на котором от руки были написаны слова 90-го псалма „Живый в помощи...“. И у меня была ладанка. Икону Божией Матери из дома мы перенесли в погреб и там ее укрыли. Когда немцы начали бомбить, из горящего дома (нас было восемь человек) мы перебрались в землянку. Прятавшиеся здесь люди просили меня читать, не переставая, молитву „Живый в помощи...“. И я читала. Все вслушивались в слова молитвы и так отвлекались от ужаса бомбежек. Когда в угол землянки попал снаряд, он обрушился, и одна стена землянки привалилась к другой. Образовалась узкая щель, через которую смогли вылезти из подвала трое подростков». В итоге были спасены все, в том числе и Александра Ивановна, засыпанная по пояс землей, с массой щепок, вонзившихся в лицо. Она

вспоминает: «Бомбили три дня. О еде тогда и не думали. И что удивительно, даже дети не просили есть, просили только пить. Во всех землянках по просьбе людей я читала 90-й псалом „Живый в помощи...“. В последней землянке нас было уже тридцать человек»[163].

Рассказывает жительница села Горноводяное Мария Федоровна Ягупова: «Мое родное село находится на правом берегу Волги. В 1942 году немцы его не занимали. В селе было два госпиталя, в которые с фронта по грейдеру шли раненые советские солдаты. Немцы бомбили этот грейдер, Волгу и все вокруг села, но село они не бомбили. Вражеские самолеты опускались низко к окнам домов. Летчики стреляли по окнам, били стекла, но из жителей за все время боев в Сталинграде никто не был ранен. Бабушки по ночам ходили с иконами вокруг села. Люди говорят, что поэтому немцы нас не бомбили. Председатель колхоза и председатель сельсовета с семьями эвакуировались на левый берег в лес. Но немцы постоянно бомбили левый берег. Пожив там непродолжительное время, они вернулись в свои дома».

Когда немцы начали массированные бомбардировки Сталинграда 23 августа 1942 года, жители бросились из этого огненного ада к Волге, стремясь на чем угодно переправиться на левый берег. По словам Людмилы Павловны Дубров-

ченко, доцента Оренбургского медицинского института[164], «мы с мамой переправлялись в большой весельной лодке, набитой людьми. Была жуткая бомбежка. Немецкие самолеты летели на бреющем полете и расстреливали всех плывущих по Волге. Практически все люди тонули. Над водой стояли вой, стоны, крики. Моя мама взяла с собой икону Божией Матери. Она не кричала, когда все от страха вопили, а молилась во время переправы. Нашей лодки не коснулся даже ни один осколок, все люди, сидевшие в ней, остались живыми».

Увидев творившееся на переправе, многие вернулись назад в город, который немцы в эти дни бомбили почти непрерывно. Велик подвиг тех, кто обеспечивал работу Волжских переправ в дни Сталинградской битвы! Эти речные «дороги жизни» снабжали всем необходимым защитников города. Рассказ одного из юных речников той поры позволяет понять, какие чудеса происходили тогда на простреливаемых с воздуха и земли переправах.

Свидетельствует Александр Петрович Ягупов, который перед самой войной одновременно со школьными занятиями учился в детском речном пароходстве, находившемся в районе Сталинградского грузового порта: «В 1941 году я окончил восемь классов школы, а в августе пошел работать на катер масленщиком. Перед бомбежкой Сталинграда в августе 1942 года я

работал на деревянном катере „Первый" на линии тракторный завод — Скудры. Мы стояли у пристани Скудры и увидели, что на правом берегу с горы к поселку Рынок и Волге двигались какие-то коробочки. Их было много. Когда наша артиллерия с левого берега открыла огонь, мы поняли, что это немецкие танки, и катером пошли в центр Сталинграда к начальству. Когда мы шли туда, то видели, как через Волгу на Крит переправлялись сталинградцы на бревнах, лодках, вплавь.

Начальство распорядилось приступить к переправе в районе реки Царица — Бобыли. Немецкие самолеты заходили на бомбежку на рассвете с левого берега со стороны солнца. Бомбы падали в Волгу недалеко от нашего катера, но вреда нам не причиняли. Когда немцы вышли к берегу Волги, мы стали работать только ночью. Помню такой случай. По приказу командования мы из Сталинграда увозили только раненых. А к нам двенадцать санитаров подошли и просили взять их на левый берег. Пока решался вопрос, стало уже светать. Их взяли. Но, когда отошли от правого берега, немцы открыли по катеру пулеметный и ружейный огонь. Санитары были в нижнем трюме, я — в машинном отделении, а капитан Михаил Алексеевич Трисвятский — в рубке. Мы стали уходить в Красноармейский затон, чтобы спрятаться. Когда зашли в затон, то в кубрике обнаружили лежащего у борта санитара. Его убило

пулей, пробившей борт катера. Капитан находился в фанерной рубке. Хотя рубка была изрешечена, у него не было ни одной царапины. Я до сих пор не пойму, как это могло случиться. Михаил Алексеевич умер четыре года назад, будучи старым человеком. У него отец был священником.

2 октября 1942 года, во время работы на переправе 62-й армии, катер был потоплен минометным огнем недалеко от Краснослободска. Мы вплавь добрались до Крита. Я пришел домой и увидел, что все во дворе разбито, дома нет. А мать, Мария Антоновна, сидела и щипала убитых при бомбежке кур. Во двор упало две бомбы. Мама была на улице и спаслась. В 1943 году, провожая меня на фронт, мама дала мне написанную ее рукой молитву «Живый в помощи...». С ней я прошел всю войну и закончил бои на озере Варен в Германии.

В июне 1950 года я вернулся домой в Красную Слободу. Наши довоенные иконы стояли в доме, как и перед войной. Горела лампадка. Мама постоянно ходила в церковь. В 1951 году я женился на Марии Федоровне, мы венчались в церкви. В мае 2004 года мне исполнилось семьдесят девять лет, а жене — семьдесят шесть лет. Мы крестили детей и внуков».

По старинному обычаю, многие жители Сталинграда, уходя от немцев, прятали все самое ценное в колодцы и погреба, прикрывая его

сверху иконами — вверяя им охранение своего добра. Так поступила и мать Валентины Васильевны Жирновой, ушедшей санитаркой на фронт в августе 1941 года. Валентина, попадая неоднократно в казалось бы безвыходные ситуации на фронте, прошла с молитвой дорогами войны от Сталинграда до Польши и встретила День Победы в Кракове. А мама вернулась в Сталинград в 1943 году, и все добро, хранившееся в сухом колодце под Иверской иконой Божией Матери, оказалось целехонько, хотя в их доме, буквально в нескольких метрах от колодца, располагался немецкий штаб. Валентина Васильевна до сих пор бережно хранит этот образ в своем доме, где живет уже семьдесят четыре года.

Были молитвенники за Россию, обитавшие под землей в превращенном в руины городе. Свидетельствует организатор общественного движения «Дети Сталинграда» Евгения Рудыкина-Жорова, бывшая многие годы главным архитектором города Волжского, а затем архитектором Тракторозаводского района города Волгограда. Она пережила девочкой ужас августовских фашистских бомбежек, оккупацию, угон немцами жителей Сталинграда — женщин, стариков и детей на Запад: «В подвалах бывшего Свято-Духова, или, как его называли в народе, Илиодорова монастыря, осталась небольшая группа женщин. Среди них были и старые монашки, когда-то обитавшие в кельях монастыря. Когда немцы бомбили город, люди собира-

лись в подземных катакомбах своей святыни, молились Богу, надеясь на спасение.

Немцы, заняв эту часть города, не осмелились их выгнать... Когда фашисты оказались в „котле“ Сталинграда, к монашкам часто пробирались местные жители, знавшие о их существовании, кому нужна была их духовная поддержка. Несколько раненых бойцов и жителей города они спасли, оказывая посильную медицинскую помощь. Старшую из них звали „матушкой Ганей“ (ее имя „в миру“ стерло время). В подвале был незатейливый иконостас, который мне удалось увидеть в 1943 году, когда моя бабушка повела показать меня Гане. В самые трудные для города дни бабушка сидела с монашками в Илиодоровом монастыре, благо жила недалеко, на улице Погроменской»[165].

По другим воспоминаниям, местных жителей, прятавшихся в катакомбах Свято-Духова монастыря при немцах, окормляла игуменья Павла (фамилия ее не установлена пока). Хотя монастырь закрыли еще в 1923 году, игуменью Павлу не выгоняли оттуда, и она не покидала обитель. Она учила собравшихся в обители молиться, переписывала с ними молитвы, они скручивали из тряпочек свечи. Эти свечи люди ставили перед иконами, и их огоньки не гасли в течение долгих месяцев Сталинградской битвы. Пережив страшные бомбежки и бои, верующие разошлись из подвалов монастыря, унося с собой иконы, перед которыми молились[166].

БОЖИЯ МАТЕРЬ НЕ ОСТАВЛЯЛА НАШ ГОРОД

Сразу после капитуляции немцев в разрушенный город стали возвращаться жители. Их воспоминания полны рассказов о явлениях Божией Матери. Слово жительнице Сталинграда С. Г. Савиной: «Моя мама, Прасковья Григорьевна Базлова, была глубоко верующим человеком. Когда бои в Сталинграде окончились, мы вернулись в город. Дом наш был разрушен. Мы собирали камни и строили себе новый дом. Часто люди рассказывали нам, что видят Богоматерь над Волгой. <...> Однажды к нам домой пришла мамина знакомая и сказала, что она рано утром ходила на Волгу и видела плывущую в небе Богородицу в черном одеянии. Она видна была короткое время, потом исчезла. Мама рано утром пошла на Волгу, но Божией Матери не увидела. После неудачного утреннего похода на Волгу, ночью, во сне, мама увидела церковь. Из церкви вдруг вышла Богоматерь, как монахиня, вся в черном, только лицо открыто. Сразу очнувшись, мама очень обрадовалась. Война продолжалась. Четыре моих брата были на фронте. После войны, израненные, а Павел без ноги, вернулись домой. Мы, три сестры, остались живы. Мой муж с фронта живой вернулся. В нашей семье никто не погиб на этой войне»[167].

И перед самой войной на Сталинградской земле Божия Матерь являлась людям. Расска-

зывает Галина Михайловна Крищенко: «Жили мы в Даниловском районе. <...> Моя мама рассказывала мне о явлении у нас Пресвятой Богородицы перед началом войны. Наша церковь стояла полуразрушенной. <...> Был вечер. Председатель сельсовета шел домой мимо церкви и вдруг, глядя в небо, громко крикнул: „Если Ты есть, Бог, то покажи, что есть, и я поверю тогда". И, посмотрев в окно церкви, он увидел, что в церкви горят свечи, и Пресвятая Богородица стоит, молится и плачет. Он затрясся весь. Мать открыла дверь дома, и он ей и ее подруге рассказал о том, что видел. Женщины сразу же побежали к церкви, но они ничего не увидели. Вскоре в 1941-м война началась. Председатель сельсовета с нее не вернулся»[168]. Видел в Сталинграде перед войной Божию Матерь и один мальчик. Ему было лет восемь-девять, мать — верующая. Богородица стояла на небе во весь рост и сильно плакала[169].

МОЛИТВА ОФИЦЕРА В БОЛОТЕ ПОД ОГНЕМ ВРАГА

Кадровый офицер Красной Армии, полковник Т., был в арьергарде, прикрывавшем отход наших частей из-под Харькова после провала нашего наступления. В его семье хранится рассказ о том, как он, выходя из окружения, попал с однополчанами в болото[170]: «Ночью немцы стреляли трассирующими пулями над головами

наших бойцов, оказавшихся почти по горло в болотной воде. Они кричали: „Т., сдавайся!" У немцев хорошо была поставлена служба радиоперехвата, и они знали имена всех наших офицеров-штабистов. А он стоял на кочке и молился: „Господи, спаси!" В детстве Т., родившийся в деревенской семье в 1913 году, пел дискантом в церковном хоре. Он услышал, как немцы загалдели: „Генераль, генераль!" Видимо, им удалось пленить нашего генерала, оказавшегося в том же болоте. Т. же чудом вместе с несколькими своими однополчанами выбрался из трясины и вышел к своим. Дальше, с 14 сентября, были непрерывные бои за Сталинград, потом сражение на Курской дуге и долгий путь к победе. В семье Т. до сих пор бережно хранится икона, которой его мать благословили на венчание в начале XX века».

Именно в трагические месяцы 1942 года солдаты, офицеры и многие генералы действующей армии, крещенные в младенчестве, посещавшие богослужения в детстве и отрочестве, вспомнили о Боге. К ним, жившим многие годы в атмосфере атеизма, на фронте — в крови и грязи, среди всех ужасов войны стала возвращаться вера отцов. Отступление до Волги, оставление врагу огромных территорий, горечь больших потерь на фронте, гибель неповинных мирных людей, скорбь по погибшим родным и близким, взывали к переосмыслению духовных причин

войны с немцами. Так уж устроен русский человек — чем грознее опасность, тем крепче он берется за спасительный стяг святой веры, вспоминает, кажется, навсегда забытые молитвы.

Своим примером наших бойцов на Волжских рубежах, где фактически решалась судьба России, вдохновляли исторические герои русского народа. Именно в период тяжелейших боев за Сталинград, понимая неоспоримое преимущество славных русских воинских традиций перед коммунистическими догмами, в деле поддержания боевого духа, руководство страны упразднило институт военных комиссаров и ввело полное единоначалие в Красной Армии (Приказ Наркома обороны СССР от 9 октября 1942 года). Незадолго перед этим, 29 июля 1942 года, для командного состава были учреждены такие награды, как ордена Кутузова, Суворова и Александра Невского.

Свидетельствует комбат легендарной 13-й гвардейской дивизии Алексей Ефимович Жуков: «Когда воевали в Сталинграде, на берегу Волги стояли портреты святого Александра Невского, Суворова, Кутузова — русских полководцев, и люди были близки к божественному осознанию. Нам говорили: „Вот ваши предки. Они не опозорили Россию. Смотрите на них". Не напрасно их поставили, здесь есть какая-то связь»[171].

ПРОЗРЕНИЕ КАПЕЛЛАНОВ

Немцы и их союзники — румыны, итальянцы, венгры, хорваты и многие другие пришли к Сталинграду с убеждением, что они спасают Россию от безбожников-коммунистов. Мало кому из них могло быть известно письмо руководителя Партийной канцелярии Мартина Бормана, разосланное всем гаулейтерам Третьего рейха за 13 дней до нападения Германии на СССР, где были такие слова: «Национал-социалистическое и христианское мировоззрения несовместимы... Национал-социализм признает силы природы, как «всемогущество» или «Бога», и отвергает персонифицированного Бога». И уж, конечно, они не ведали о словах, сказанных на совещании «по церковному вопросу» 22—23 сентября 1941 года в Главном управлении имперской безопасности шефом гестапо Мюллером. Он разъяснил, что надо выступить против церковных организаций сомкнутым фронтом: «Группенфюрер [Гиммлер] окончательно принял решение, что в будущем должно последовать полное подавление органами государственной полиции самого опасного из всех опасных врагов [Церкви]»[172].

Католики, протестанты, православные, атеисты, в ходе этого сражения, каждый по-своему, избавлялись от первоначальных иллюзий и заблуждений, как личных, так и внушенных умелой нацистской пропагандой.

Одними из тех, кто наиболее полно выразил духовный смысл происшедшего в ходе Сталинградской битвы, были со стороны оккупантов — капеллан, художник и врач 16-й танковой немецкой дивизии Курт Ройбер и капеллан итальянской армии Альдо Дель Монте. Первый — средствами изобразительного искусства — ибо был еще к тому же и одаренным художником. Второй сделал это в эпистолярном жанре, издав свой «Дневник капеллана (1942—1943)».

Прозрение католическому священнику Альдо Дель Монте было дано в августовские дни, когда фронт приближался к Волге: «Мы, итальянцы, в пяти тысячах километров от родины, приобщаемся к кровавой жертве в степи, где отвергаемый Бог творит Свое правосудие. Русские искупают свои отречения, немцы — свои, а мы — свои». Когда стало ясно, что Сталинград не сдается врагу, итальянский капеллан военно-полевого госпиталя признается: «Германия — чудовищная машина: нагромождение стали, в котором дух задыхается.

За эти месяцы у нас внутри произошел переворот. <...> Теперь мы уверены: союзники стали нам врагами; а враги, теперь, когда мы можем видеть их вблизи, внушают нам меньший страх, чем они. <...> Я с возмущением вспоминаю фразу немецкого офицера: „Alles gute ist Instinkt“ (Все хорошее от инстинкта)... Почему мы тоже должны нести на себе горькое бремя этой кровавой морали?» Наконец, он же, тяжело раненный при попадании в него русской гранаты во время

поспешного отступления итальянцев из-под Сталинграда и чудом спасенный на поле боя, просит передать своему епископу на родину: «Я ранен и лежу во фронтовом госпитале. Отдаю все ради того, чтобы Россия обратилась к Богу, а Италии сопутствовала удача»[173].

В то время, когда итальянский капеллан диктует в госпитале эти фразы, на помощь к окруженной армии Паулюса по приказу генерал-полковника Манштейна спешит армейская группа Гота. Ее наступление, поначалу успешно развивавшееся с 12 декабря 1942 года, было

Командарм 51-й армии генерал-майор Николай Иванович Труфанов (в центре). В числе первых военачальников награжден орденом Кутузова I степени 28.11.1943 г.
Штаб армии под Сталинградом

вскоре остановлено на реке Мышкова[174]. Немецкие танковые части встретили части 51-й армии генерала Николая Ивановича Труфанова[175], изрядно поредевшие во время успешного проведения операции «Кольцо», и передовые подразделения 2-й гвардейской армии генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Эта армия в суровых зимних условиях совершила марш в двести километров навстречу группе Гота. Самые критические дни были 22—24 декабря. Шли кровопролитные бои на рубеже реки Мышкова. Передовые части 57-го танкового корпуса 4-й немецкой танковой армии, как пишет в своих мемуарах генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, «уже могли видеть на горизонте зарево огня Сталинградского фронта! Казалось, что успех уже почти в наших руках...»[176]. Чтобы «развязать Сталинградский мешок», немецким танковым дивизиям оставалось преодолеть сороксорок пять километров.

А танки армии Малиновского были практически без горючего и не могли помочь своим бойцам, отражающим атаки наступающих танковых частей немцев. И тут Родион Яковлевич, договорившись с представителем Ставки Верховного Главнокомандования Александром Михайловичем Василевским о срочной доставке армии горючего, принял рискованное решение. Он отдал приказ о выводе ночью всех танков на последнем горючем из укрытий, имитируя ими боевой порядок для атаки. Около шестисот стальных машин выползли из оврагов и балок на

открытую местность и выстроились по всей линии фронта. Эффект был потрясающим. Гот доносил в ставку Гитлера: «Вся степь усеяна советскими танками», — и получил приказ перейти к обороне[177]. Время было выиграно, горючее подвезли, и в 10 часов утра 24 декабря 1942 года 2-я гвардейская армия вместе с 51-й армией с рубежей на северном берегу реки Мышкова перешли в решительное наступление[178].

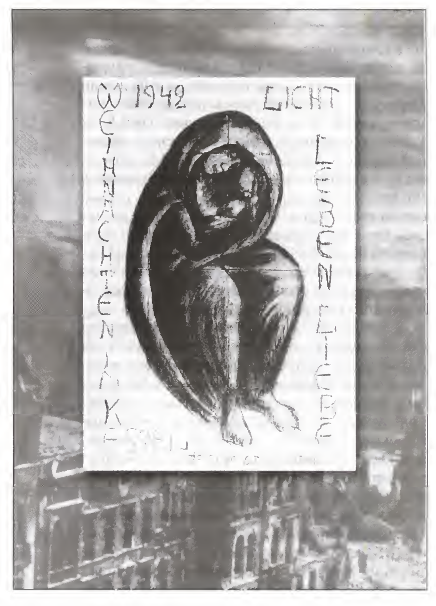
До сих пор в семье маршала Р. Я. Малиновского, дважды Георгиевского кавалера и кавалера французского ордена Почетного легиона, геройски сражавшегося с немцами еще в Первую мировую войну, как самый памятный день Сталинградской битвы почитают 24 декабря 1942 года.

В этот день Церковь чтит память святого преподобного Даниила Столпника, небесного покровителя святого благоверного князя Даниила Московского. Однажды, в суровую зиму, преподобный в течение более двух суток стоял на столпе. Он был весь «с ног до головы, обледеневшим, еле дышащим», когда «...дули сильнейшие ветры, <....> был и снег, и лед, и морозы, а преподобный не только не имел над своим столпом никакой крыши, но лишился даже от ветра и того кожаного кукуля, который был на его голове...»[179]. Своим стоянием на столпе, в лютый холод и вьюгу, он явил в V веке нашей эры прообраз «столпничества» в XX веке сотен экипажей русских танков в метель и мороз в степях междуречья Дона и Волги.

Незадолго до описанного военного эпизода, когда 22 ноября 1942 года лютеране отмечали день поминовения усопших, в 6-й армии Паулюса уже знали об окружении их советскими войсками. 36-летний капеллан и врач Курт Ройбер назвал эту дату днем «сомнений, смятения и ужаса». Он учился теологии в Марбурге, служил священником в деревенской церкви в Вихмансхаузене, потом судьба свела его с известным мыслителем, музыкантом, врачом и миссионером Альбертом Швейцером. В своих проповедях Курт Ройбер открыто критиковал национал-социализм. Каким образом он избежал участи многих своих коллег-священников — немецкого концлагеря, неизвестно.

К Рождеству по новому стилю он превратил свой блиндаж в художественную студию. Один из рисунков, который в настоящее время находится в кирхе кайзера Вильгельма в Берлине, был нарисован им на обратной стороне трофейной русской карты. Он называется «Сталинградская Мадонна» и изображает Богоматерь, нежно обнимающую младенца Иисуса. Подпись под картиной гласит: «[Зима.] 1942. Ночь в котле. Крепость Сталинград. Свет, жизнь, любовь».

Как напишет после войны в своей книге о Сталинграде британский историк Энтони Бивор: «Каждый, кто входил в его землянку, восхищенно замирал на пороге. Многие начинали плакать. К величайшему смущению Ройбера, его блиндаж в Рождество превратился в место паломничества, куда солдаты приходили молить-

«Сталинградская Мадонна».
Рисунок капеллана Курта Ройбера. 1942 год, декабрь

ся перед нарисованным им образом Мадонны». Больной командир батальона 16-й танковой дивизии был отправлен одним из последних немецких самолетов из Сталинградского «котла» в Германию. Доктор Ройбер попросил его забрать подарок жене — «Сталинградскую Мадонну». В письме ей, полном покаяния и стыда за то, что творили немцы в России на пути к Сталинграду, он писал: «Вряд ли у нас есть хоть какая-то надежда». Он на Восточном фронте оставался самим собой и рисовал русских женщин, стариков, детей. «Каждое лицо для него было прозрачным...» — скажет потом его жена, до которой дошли сто пятьдесят изображений «людей Востока». Еще он оказывал помощь советским военнопленным, лечил гражданских жителей. В своих письмах он с удивлением рассказывал, как горячо молились простые русские люди в разрушенном Сталинграде. Курт Ройбер скончался в лагере для немецких военнопленных в Елабуге 20 января 1944 года. Копии «Сталинградской Мадонны» разошлись по миру[180].

На Рождество по новому стилю немецкие солдаты в Сталинградском «котле» собирались у радиоприемников, чтобы послушать «Рождественскую программу радио Великой Германии». К их великому удивлению, диктор Берлинского радио вдруг объявил: «В эфире Сталинград». А вслед за тем хор запел «Тихая ночь, святая ночь». Именно это молитвенное песнопение чаще всего звучало в немецких землянках в Сталинградском «котле» в Рождествен-

скую ночь при свете заранее припасенных свечных огарков. Многие из слушавших радио в «котле» приняли это за чистую монету, но те, кто постарше, были крайне возмущены. Они поняли, что запись сделана в Берлине, а не на берегах Волги. И до них, искренне веривших в Спасителя и со слезами на глазах молившихся в эту Рождественскую ночь в ледяном, кровавом и психически почти невыносимом кольце окружения, вдруг дошло, что их предали. А жуткую инсценировку Геббельса они посчитали за обман, как их близких, так и всего немецкого народа[181].

В Германии многие немецкие священнослужители в это время находились в концентрационных лагерях, а церковная собственность конфисковывалась. Среди тех немногих, кто открыто критиковал нацистский режим, был архиепископ Мюнстерский Гален фон Клеменс (1878—1946). Еще в 1934 году он начал упоминать нацизм, как «новое язычество». И в 1941 году он продолжал выступать с антинацистскими проповедями[182]. В Германии и оккупированных ею странах постепенно ко многим христианам стало приходить понимание того, что, несмотря на завесу демагогической лжи о «крестовом походе против большевизма», гитлеровцами провозглашен культ крови, причем не жертвенной, а расовой крови...

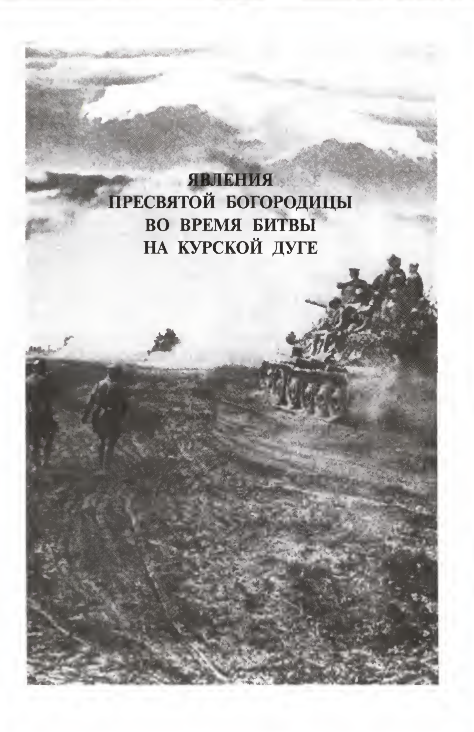
Неоязыческую сущность нацизма понимали и священнослужители в России. Так, служивший в начале войны тайно в г. Загорске (ныне Серги-

ев Посад) известный священник архимандрит Серафим (Батюков; † 19.02.1942) на вопрос приходивших к нему: «Кто победит?» — отвечал: «**Победит Матерь Божия**. <...> Молитесь: да будет воля Твоя!» — говорил батюшка[183].

В его словах был глубокий смысл, ибо нацистские вожди — неоязычники и оккультисты, считали, что «национал-социализм и христианство непримиримы» (Мартин Борман). По их представлениям, «христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и должен быть заменен единственным символом — свастикой» (Альфред Розенберг)[184]. Ясно и определенно сказал о языческой сущности нацизма на четвертый день войны митрополит Сергий (Страгородский) в своем слове на молебне о победе русского воинства в Богоявленском соборе 26 июня 1941 года: «Глубоко ошибаются те, кто думает, что теперешний враг не касается наших святынь и ничьей веры не трогает. Наблюдения над немецкой жизнью говорят совсем о другом. Известный немецкий полководец Людендорф, посылавший своих солдат на смерть сотнями тысяч, с летами пришел к убеждению, что для завоевателя христианство не годится. <...> Поэтому генерал призывает своих германцев бросить Христа и кланяться лучше древнегерманским идолам — Вотану и другим. <...> Безумие это распространено среди фашистов и даже стремится заразить собою и другие народы, попадающие под германское влияние или владычество»[185].

Каков был в действительности «крестовый» поход нацистов на Восток, познали многие православные священнослужители и миряне на оккупированной немцами территории. Слово очевидцу, тогда священнику, а впоследствии епископу Митрофану (Зноско-Боровскому; † 2002): «Часто группами заходили военные (имелись в виду немцы) в храм во время богослужений. И как заходили — в фуражках и с папиросами в зубах! Приходилось мне прерывать литургию и с крестом в руках выходить к ним с просьбой снять фуражки, прекратить курение или же выйти из храма. Был случай — в ответ на мое замечание, куривший офицер схватился за револьвер и... вышел из храма со словами „русская свинья“. <...> Знал я и о том, что в идеологии национал-социалистов не было отрицания всего непостижимого, но в гитлеровской системе Бог должен быть чисто немецким, и они нашли такого в древнем языческом Вотане. „Христос и отец Вотан прекрасно совмещаются. Христос — это сердце Вотана“... „Либо германский Бог, либо никакой“, — писали в Германии еще в 1913 году»[186].

Перед началом Второй мировой войны руководителями оккультного рейха планировалось в течение 25 лет заменить христианство на официальную государственную религию, по типу той, что были в дохристианской Древней Греции[187]. Но летом 1943 года им оказалось уже не до этого — в сражении на Курской дуге были похоронены их последние надежды на мировое господство.

ЯВЛЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Знамения давались не верующим, но неверующим, чтобы они становились верующими.

Святитель Игнатий Брянчанинов

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Этот рассказ в числе других в 70-х годах и позднее распространялся «самиздатно», в рукописной книге «Непридуманные рассказы». Авторы их неизвестны, ибо тогда это преследовалось... Известны лишь два-три имени собирателей и переписчиков. Один из них, Николай, писал под псевдонимом «Г. Б. Р.» — грешный Божий раб. Другой имеет псевдоним «Шостэ». Николай благословил Владимира Губанова, составителя серии книг «Православные чудеса в XX веке», распространять печатно собранные, им не придуманные рассказы, в том числе и этот[188]:

«Мы беседовали втроем: Никита Любимов — молодой драматург, сын режиссера; Владимир Мокренко — студент Института кинематографии, операторское отделение (впоследствии фотокорреспондент при издательском отделе патриархии, затем диакон Православной Церкви) и Владимир Губанов, написатель этих строк.

В то время, когда мы беседовали, слово „Бог“ в газетах и книгах писали с маленькой буквы. Его существование отвергалось, и против „несуществующего Бога“ боролись в детских яслях, школах и институтах. Существова-

ние души, духовной сущности не признавалось даже в художественной литературе и в психологии, науке о душе.

Мы тогда в Москве, в „Доме на набережной“, говорили о Боге. И Владимир Мокренко сказал:

— Мой дядя видел во время войны Матерь Божию. Это было на Курской дуге. Она явилась на небе, сияющая, сделала рукой движение в сторону немцев, как бы указывая направление наступления. И с этого дня война пошла в обратную сторону.

— Дядя твой был верующим?

— Нет.

— Он один видел Ее?

— Нет, вся рота видела. И все упали на колени. Все уверовали. И дядя стал верующим.

К этому можно добавить, что все участники беседы сейчас живы (в 2000 году) и могут подтвердить сказанное. Причем каждый из троих сам пришел к Богу. А диакон стал священником».

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Этот рассказ был записан со слов ветерана Великой Отечественной войны, назвавшего себя Николаем Ивановичем и долго стоявшего в День Победы в одном из храмов Самары перед иконой Божией Матери «Нерушимая Стена»[189]: «Не помню, сколько нам атак пришлось отбить. От всей роты нас осталось только трое на высотке

в районе Прохоровки. Немцы почувствовали, что у нас уже не осталось бойцов, и с новой силой в атаку двинулись. Мы их подпустили поближе и дали им из пулемета. Подзалегли они и давай по нам из пушек долбить. Мама родная, всю землю рядом перепахали снарядами, а мы, слава Богу, живы. Я во время боя оглядываюсь назад, вижу — стоит Женщина с поднятыми руками. „Вот тебе на, — думаю, — что за наваждение, откуда здесь Женщина, уж не мерещится ли это мне?“ Опять оглянулся — стоит. Да не просто стоит, а как бы Своими ладонями, повернутыми к врагу, стену невидимую воздвигла. Вроде как бы немцы на эту стену натыкаются и назад откатываются.

Батарея, которая от нас справа стояла, умолкла. Видно, побили весь артиллерийский расчет. Тут „тигры“ пошли, справа и слева высоту обходят. С левой стороны наши „Т-34“ выскочили. Что тут началось, такого я еще на фронте не видывал. <...> Я говорю: „Товарищ лейтенант, давайте сделаем рывок к батарее, может, там пушка какая целая осталась?“ Он говорит: „Ты что придумал? Нам приказ здесь насмерть стоять, еще подумают, что мы отступаем...“ Оглянулся я, а Женщина, Которая стояла за нами, вправо от нас переместилась, ближе к батарее. Тут лейтенант говорит: „Пошли, ребята, будь что будет“.

Прибегаем туда, а там уже немцы хозяйничают. Мы с ходу на них. Момент внезапности сыграл свою роль. Разворачиваем мы одну уцелевшую пушку — и сбоку по „тиграм“. Три

„тигра“ нам удалось подбить сразу, а четвертый по нам ударил. Меня контузило и легко ранило в левую руку. Смотрю, у первого номера осколком голову срезало... Лейтенанту Сергею Викторовичу Скорнееву осколком ногу перебило... Взял противотанковую гранату и жду. Оглянулся, стоит Та Женщина над нами, мне легче на душе стало. Откуда-то появилась уверенность, что это не конец. Привстал я, метнул гранату в „тигра“, под гусеницу угодил. Тут и наши „тридцать четверки“ подоспели...

Зашел в ваш храм, гляжу на икону, а на ней — Та Самая Женщина, Которая нас под Прохоровкой спасла. Оказывается — это Матерь Божия. Я, между прочим, тогда еще об этом подумал».

РАССКАЗ ТРЕТИЙ[190]

Казалось, место, где мы вторую неделю вели с фашистами бой, было каким-то особенным, что кто-то незримый помогает нам. С каждой новой атакой враг шел на нас с превосходящей силой, и каждый раз мы отбрасывали его назад. А главное, было удивительно то, что несли мы незначительные потери в живой силе и многие мои фронтовые товарищи выходили из боя невредимыми, не считая, конечно, легких ранений...

Но в тот памятный августовский день, когда это случилось, бой был таким жестоким, что ничейная полоса, после того как затихло сра-

жение, была вся покрыта телами убитых — не только врагов, но и наших бойцов.

День догорал. Солнце уже почти коснулось горизонта. Внезапно установившаяся на поле брани тишина, казалось, была осязаемой. Мы — фронтовики, хорошо знали, как хрупка бывает тишина на поле боя, и стремились использовать каждый ее миг. Кто-то из бойцов стал дописывать письма домой, пока еще было светло, кто-то тут же уснул на дне окопа, а другие принялись перевязывать друг другу легкие раны...

Вдруг тишину нарушил бравурный немецкий марш. Мы уже тогда знали многие привычки врага и поняли, что у немцев начался ужин.

Пока мы курили и переговаривались, земляк мой, Иван Божков, отошел от нас в сторонку. Я знал, что он не любит запаха табачного дыма. Взглянув на Божкова, я вдруг увидел, что он высунул голову над бруствером. Такая неосторожность поразила меня, и я крикнул:

— Иван, ты что делаешь? Снайпера дожидаешься?

Божков опустился в окоп и придвинулся ко мне. Взглянув ему в лицо, я сразу понял, что земляк мой чем-то сильно взволнован, и тут Божков вдруг спросил меня:

— Ты ничего не слышишь, Петя? Там... женщина плачет.

— Тебе показалось, Ваня. Откуда тут женщине взяться? Кроме разбитой часовни, поблизости ничего больше нет.

— Полынов говорит правду, — поддержал меня сержант Зимин.

— Я сапсем ничего не слышал, музыка мешает, — сказал Сартанбаев.

Вдруг марш стих, словно его кто-то специально заглушил, и тогда мы ясно услышали, что где-то неподалеку плачет женщина. Божков быстро надел на голову каску и взобрался на бруствер и стал внимательно смотреть туда, откуда доносился плач, а мы молча ждали, что он скажет.

— Там туман клубится, — наконец сказал Божков. — А в тумане по ничейной полосе в нашу сторону идет женщина... Она... Она наклоняется над убитыми... Она... Господи! Она похожа на Богородицу!..

Я не дал земляку договорить, и стянул его за ноги в окоп. Только я собрался снова пожурить его за неосторожность, как увидел, что он плачет.

Я растерялся и не нашелся что сказать.

— Что с тобою, Ваня? — тихо спросил за меня сержант Зимин.

— Да он рехнулся! Не видишь, что ли? — сердито сказал Казанец.

— Сам ты рехнулся. Ничего не понимаешь, так молчи! — прикрикнул я на Казанца.

— Не ругайтесь, братцы! Ведь нас с вами Господь избрал для этой минуты. Ведь на наших глазах свершается чудо!.. Перед нами святое видение! Вы лучше сами посмотрите, только не ругайтесь!

Мы последовали совету Божкова и убедились в том, что он сказал правду. По ничейной полосе в клубах тумана шла Женщина в темной и длинной до земли одежде, с низко опущенным на лицо покрывалом. Она наклонялась над убитыми и громко плакала. Тут кто-то из бойцов сказал:

— А немцы-то тоже на видение смотрят. Вон их каски над окопами торчат.

— Пусть смотрят. Лишь бы не стреляли, — сказал сержант Зимин, а я обернулся и посмотрел на Ивана. Земляк мой молился, а по щекам его катились крупные слезы. Тут Казанец вдруг схватил меня за рукав гимнастерки и тихо спросил:

— Полынов, ты тоже думаешь, что это Богородица?

— А ты что, никогда в жизни иконы не видел? — спросил за меня Зимин.

— Почему не видел? Видел. Но тут что-то не так. Смотри, какая Она высокая, раза в два выше человеческого роста будет...

— Значит, так надо! — перебил Казанца Зимин.

— А ты смотри и молчи!

— Господи! Как же Она плачет! Прямо в душе все переворачивается! — сказал кто-то за моей спиной...

Пока мы смотрели на видение, странный туман уже покрыл большую часть ничейной полосы, а мне вдруг подумалось: «Надо же! Будто саваном погибших укрывает». Пройдя

немного дальше того места, где мы находились, Женщина, так похожая на Богородицу, вдруг перестала плакать и, повернувшись в сторону наших окопов, поклонилась. Распрямившись, Она снова продолжила Свой скорбный путь, сопровождая его плачем. А мы все услышали, как Божков сказал:

— Богородица в нашу сторону поклонилась — победа будет за нами...

Мы так увлеклись происходящим, что никто из нас не заметил, как появился лейтенант Хворин. Я даже вздрогнул, когда он сердито спросил:

— Рядовой Божков, что вы только что сказали?

— Я сказал, товарищ лейтенант, что Богородица благословила нас на победу.

— Что вы себе позволяете, рядовой Божков?..

— А вы сами посмотрите, товарищ лейтенант, — вмешался Зимин. — Вон Она все еще оплакивает погибших...

— Вы что, сговорились? — повысил голос лейтенант, но из окопа все же выглянул. Он с минуту смотрел на видение, затем, громко фыркнув, выпалил:

— Чушь это все! Вражеский трюк, а вы... Я вот сейчас проверю, что это за Богородица такая! — И достал из кобуры пистолет... Но выстрелить лейтенант не успел, потому что Казанец всем своим богатырским телом прижал щуплого лейтенанта Хворина к стенке окопа и, заглянув ему в глаза, сказал:

— А вот этого делать не надо, товарищ лейтенант. Даже немцы и те не посмели стрелять...

Казанец отпустил лейтенанта только тогда, когда я сказал ему, что видение рассеялось. Он, как ни в чем не бывало, повернулся ко мне и попросил закурить. А тут лейтенант Хворин в себя пришел. Он с ненавистью посмотрел на Григория и срывающимся юношеским голосом закричал:

— Ты... Вы... Ты ответишь, рядовой Казанец! Под трибунал пойдешь! Полынов, Зимин, Сартанбаев, свидетелями будете. Ваши фамилии я укажу в рапорте!

— О чем я должен свидетельствовать? — вдруг спросил сержант Зимин.

— Как о чем? О том, что рядовой Казанец напал на командира! Неужели не ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант, но я ничего такого не видел.

— Я тоже не видел, — поддержал я Зимина.

— А моя сапсем ничаво не видел. Моя спал... — сказал, улыбаясь, Сартанбаев.

— Да вы что? Что вы себе позволяете?.. Уголовника покрываете?..

— Напрасно вы так, товарищ лейтенант. Вы на фронте всего неделю, а мы с Казанцом третий год в окопах. Это неважно, кем кто до войны был. Казанец на фронт добровольцем пошел, — сказал сурово сержант Зимин.

Слова Зимина возымели свое действие. Лейтенант вдруг опустил голову. Было видно, что он обдумывает сложившееся положение, а мы

молча смотрели на него. Наконец лейтенант Хворин поднял глаза и, посмотрев на Божкова, уже спокойно сказал:

— Да, погорячились мы! Мало ли что мы тут видели. Советую об этом поменьше болтать! Вам понятно?

— Так точно, товарищ лейтенант! — ответил за всех Зимин.

— А вот и ужин прибыл... Ужинайте, товарищи! — сказал лейтенант Хворин и ушел. А мы услышали, как Божков сказал ему вслед:

— Молодо-зелено! Слава Тебе, Пресвятая Богородица! Образумился лейтенант...

Передовую накрыла ночь. Я вдруг заметил, как Казанец, докурив окурок, подсел к Божкову и тихо сказал:

— Ты, Ваня, не серчай на меня. Нашло что-то... Понимаешь, безбожником я рос в детдоме... Ни одной молитвы не знаю...

— Бога нужно в сердце иметь, Гриша, а молитву выучить можно. Если ты неверующий, так хотя бы не кощунствуй. За недомыслие твое Бог тебя простит, а вот за кощунство накажет!

— Понял я, Ваня, не буду больше. А ты после войны на попа пойдешь учиться?

— Не на попа, а на священнослужителя, — поправил Божков Казанца. — Только мне уже не надо учиться, Гриша...

— Почему? — спросил удивленно Казанец.

— Да потому что я уже и так священник.

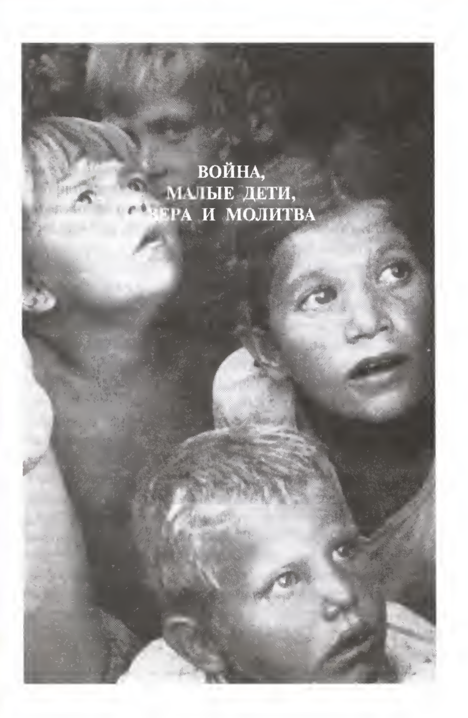
— Но как же ты на фронт-то попал? Разве...

— Как и ты, Гриша, добровольцем, — перебил его Иван.

— А как же заповедь «не убий»? — встрял в разговор Зимин.

— В мирной жизни я свято чту эту заповедь, но сейчас я, как и вы, братья, свое Отечество от врага защищаю...

ВОЙНА,
МАЛЫЕ ДЕТИ,
ВЕРА И МОЛИТВА

Бог всегда неразлучен с любящими Его: находятся ли они в темнице, в изгнании или бездне моря, или подвергаются опасности где бы то ни было, Бог не оставляет их, помогая им...

Святитель Иоанн Златоуст

Я УСНУЛА ОТ СТРАХА

Наташе Голик было в 1941 году пять лет. Через сорок лет она вспоминала[191]: «Часто вспоминаю, как в войну я научилась молиться. Сказали — война, я, и это понятно, в пять лет не воображала никаких картин. Никаких страхов. Но от страха, именно от страха, уснула. И спала два дня. Два дня лежала, как кукла. Все думали, что я умерла. Мама плакала, а бабушка молилась. Она молилась два дня и две ночи.

Я открыла глаза, и первое, что помню — свет. Яркий свет. Мне от этого света стало больно. Слышу чей-то голос, узнаю: это моей бабушки голос. Бабушка стоит перед иконой и молится. „Бабушка... Бабушка... — позвала я ее. Она не оглянулась. Не поверила, что это я ее зову... Я уже проснулась... Открыла глаза... „Бабушка, — потом спрашивала я, — как ты молилась, когда я умирала?“ — „Я просила, чтобы твоя душа вернулась“. Через год умерла наша бабушка. Я уже умела молиться. Я молилась и просила, чтобы ее душа вернулась. А она не вернулась...»

МОЛИТВА ВАРСАННЫ

Вспоминает блокадница Вера Александровна Магаева, доктор биологических наук, которая в 1942 году была воспитанницей детского дома № 30 (111)[192]: «Нашу воспитательницу Варвару Александровну мы называли „Варсанна"[193]. Имя Варвара было нам неприятно, ведь так звали злую сестру доктора Айболита. Это имя никак не подходило к милой и доброй женщине. Варсанна отличалась от всех, кого мы знали, какой-то особой благородной статью. Голубовато-седые волосы обрамляли прекрасное лицо с добрыми морщинками и обаятельной улыбкой, на которое хотелось смотреть и смотреть не отрываясь... Но улыбалась Варсанна редко, не было повода. И лишь для безутешных слез была причина: без вести пропал единственный сын Горгий.

...Варсанна часто оставалась с нами и ночью, говоря, что спешить ей не к кому, никто, мол, не ждет ее дома. Однажды, в июне 1942 года, проснувшись ночью, я услышала шепот... и увидела у раскрытого окна Варсанну. Она стояла на коленях, положив локти на подоконник, и, глядя в белую ночь, что-то шептала. Почувствовав, что я не сплю, Варсанна подошла к моей кровати и шепотом попросила не говорить никому, что она молилась Богу, просила вернуть сына... Я обещала сохранить ее тайну и с той поры перед сном почему-то сама стала молиться Богу. Как нужно молиться, я не зна-

ла, и придумала свою молитву. Я так часто повторяла ее, что и сейчас, по прошествии почти шестидесяти лет, помню каждое слово:

„Милый-премилый БОГ!

Сделайте, пожалуйста, так, чтобы скорее кончилась война и сын Варсанны, Горгий, вернулся домой“.

Далее я робко уточняла, что сына Варсанны зовут Горгий*, а не Георгий (так уж его назвали), опасаясь, что Бог может и не знать о таком необычном имени... И за маму просила Бога в такой же форме, уточняя, что ее зовут Павла Дмитриевна (так уж ее назвала моя бабушка), боясь, что Бог никогда не слыхал такого редкого женского имени.

Мама осталась жива, а вот Горгий так и не вернулся домой. Варсанна сказала, что, должно быть, сына уже не было в живых, когда мы стали молиться за него, но сохраняла надежду до конца своих дней...»

МОЛИТВА ДЕВОЧКИ ВЕРЫ

Рассказывает Вера Вячеславовна Аистова, пережившая во время Сталинградской битвы, будучи ребенком, все ужасы войны[194]: «Когда немцы стали подходить к Сталинграду, моя прабабушка Мелихова Анастасия Афанасьевна

* Девочка не знала, что есть святой мученик IV века Горгий.

уехала в свое родное село Садовку, чтобы приготовить место для нашего приезда. Бабушка Екатерина Ивановна и ее сноха Лидия Яковлевна в то время работали на швейной фабрике, шили обмундирование для солдат. Кроме того, они рыли окопы на подступах к Сталинграду. Я и брат Геннадий самостоятельно ходили в разные детские садики под вой сирены воздушной тревоги. А четырехлетний Борис был с матерью.

В августе, когда началась бомбардировка Сталинграда, мы всей семьей пошли на набережную, чтобы переправиться на левый берег. На наших глазах попала бомба в пароход, на котором было много знакомых. По воде плыла горящая нефть, и казалось, что горит Волга. Желающих переправиться было много, а пароходов мало. Поэтому мы вернулись в квартиру на Банковской улице. Ночью, взяв какие-то вещи, мы спустились в подвал дома, где было устроено бомбоубежище.

В дверь подвала, забитого людьми, среди ночи раздался стук, и мы услышали крики: „Вы горите!“ В дом попала зажигательная бомба, и он был охвачен пламенем. Мы стояли на улице и смотрели, как сгорает наша квартира. На другой стороне улицы дома уже не было, но сохранились массивные дубовые ворота. Эти ворота люди сняли и сделали из них крышу над большим окопом, который был во дворе нашего сгоревшего дома. Спасаясь от сколков, жители забились в этот окоп. Но в окоп попала фугасная

бомба, и мы оказались погребены под слоем земли.

Бабушка сидела на чемодане, а я и Геннадий склонились над ее коленами. Она спиной держала груз земли, чтобы мы не задохнулись. Я читала молитвы „Отче наш“ и „Богородице Дево“, которые я знала от прабабушки Анастасии Афанасьевны. Тетя находилась на изгибе окопа. Ее засыпало по пояс, голова и плечи были над землей. Она стала кричать. Ее крики услышали танкисты и откопали нас. Часть людей погибла. В бомбоубежище под драмтеатром, куда мы пошли, люди стояли плотно плечом к плечу, и свободного места для нас не было. Бабушке и тете там дали пол-литровую баночку воды, которой они промыли нам, детям, глаза и уши. Ночевали мы в своем дворе на краю воронки, образовавшейся на месте нашего окопа. Говорили, если бомба упала, то другая в это место не упадет.

Добравшись на следующее утро к своим родственникам на улицу Донецкую за железнодорожным полотном, мы поселились на первом этаже их двухэтажного дома. Он был хорошей мишенью, так как его окружали одноэтажные дома. В дом попал снаряд и разрушил его. Многие жившие в нем бездомные люди погибли. Мы остались живыми. Бабушка говорила, что нас ее молитвы спасли.

Потом нас вместе со многими сталинградцами погнали на Белую Калитву. Там всех поместили в птичники, а тетя на немецком языке попросила у немцев разрешения расположиться

около птичника в воронке. По ночам к нам в воронку из птичника бросали трупы людей. Птичники находились недалеко от большой казачьей станицы Краснодонецкой, которая до революции называлась Екатериновкой. Казаки встретили немцев хлебом-солью. Но, когда вслед за армией пришел эсэсовский отряд, эсэсовцы в храме устроили конюшню. Поэтому некоторые казаки стали помогать сталинградцам. Один казак, подъехав на подводе к птичникам и увидев нас в воронке, погрузил нас на подводу и привез к себе домой. Я увидела на улице виселицы. Люди были уже сняты.

Весной наши войска освободили станицу. В большом красивом храме было совершено пасхальное богослужение. Бабушка сшила мне новое платье. Я первый раз была в церкви и приняла святые Дары два раза, так мне понравилось причастие. Здесь, в станичном храме, во время богослужения я впервые ощутила нашу победу над фашистами. В Сталинград мы возвращались в воинском составе. Немцы наш эшелон несколько раз бомбили. Мы постоянно молились.

В 1943 году я пошла в первый класс. В доме у нас висели иконы, и горела лампада. Брат отца, Герман, погиб на земле Латвии, а другой брат, Валериан, дошел от Сталинграда до Берлина. Сегодня у меня хранится икона Спасителя, которая прошла военными дорогами вместе с прабабушкой. Я вижу чудо Божие в том, что Сталинград выстоял».

КТО-ТО СКАЗАЛ: «СЛУЧАЙ — ЭТО ЯЗЫК БОГА»

О своем военном детстве вспоминает Софья Александровна Сваровская (Катрахова): «Перед войной мы жили в Могилеве. За две недели до ее начала папа, Александр Климентьевич, вернулся домой из Брест-Литовска, где проходил военные сборы. Это был первый подарок судьбы. Папа прошел войну в чине капитана инженерных войск, наводивших мосты и переправы, и закончил ее в Китае.

Из Могилева наша семья эвакуировалась буквально накануне оккупации. На Кубань ехали долго в товарных вагонах, под бомбежками. До Краснодара добрались только через два месяца. Мама, донская казачка Тамара Ефимовна (в девичестве Тищенко), прошла в звании старшего лейтенанта от Кавказа до Венгрии. У нее было много наград, но больше всего она гордилась медалью «За отвагу» — почетной солдатской наградой.

Мы с дедом и бабушкой оказались в занятом немцами Краснодаре. Как-то немецкие солдаты зашли к нам во двор и начали требовать у деда Климки достать им с дерева спелых груш. Дед, недолго раздумывая, обругал непрошеных гостей. А те, не зная по-русски, прекрасно все поняли и бросились на него с прикладами. Дед упал, лицо его было в крови. Бабушка, Матрена Федоровна, стала кричать: „Проклятые фа-

шисты!“ Я в страхе выскочила за ворота. По переулку шел немецкий офицер. Он прошел мимо меня в наш двор. Отчитав и прогнав солдат, он обратился к бабушке на очень плохом русском языке: „Матка, а чей киндер?“ Бабуля ответила: „Это моя внучка, а невестка и сын воют против вас!“ Я не знаю, что он сказал бабушке, но последнюю фразу поняла: „Тебя и киндер будут убивать, если ты так глупо говоришь. Пожалей киндер“.

А бабушка с „киндер“ и правда вскоре чуть не погибли. Помог, как всегда, его величество случай. Мы с бабушкой отправились на Сенной рынок. Вдруг начался переполох, мгновение — и базар оказался оцеплен солдатами и полицаями. Бабушка схватила меня за руку, пытаясь бежать, но прорваться сквозь оцепление было невозможно. Нас выстроили в колонну и в сопровождении конных полицаев и немецких офицеров повели по Красноармейской улице в сторону городского сада. Никто не понимал, что происходит и куда нас ведут: то ли хотят отправить в Германию, то ли хотят убить...

Вдруг пожилой мужчина рядом сказал: „Скоро справа будет арка, бежать надо туда. В арку лошадь не пройдет, а за нами никто не погонится, иначе все разбегутся. Передайте по цепочке“. И, как только приблизились к арке, мужчина побежал первым. Бабушка потащила меня за руку. За нами устремились другие. Вслед неслись кри-

ки. Мы выбежали на параллельную улочку и рассыпались по дворам. Хозяева домов мгновенно попрятали беглецов. Мы с бабушкой оказались в подвале, где просидели около двух часов, дожидаясь, пока все утихнет. Потом стало известно, что эту колонну привели к городскому саду и погрузили в машины-душегубки...

При всех горестях и трагедиях тех дней случались и подарки судьбы. При немцах возобновилась служба в Красном (Свято-Екатерининском) соборе. Был какой-то большой православный праздник. Мы с моей подругой Риммой Качалиной и ее бабушкой пошли на службу. Помню запах ладана, просветленные лица людей и поразившие меня витражи на стеклах самых верхних окон храма. В лучах солнечного дня — Христос в светлых одеждах, идущий по небу, а с двух сторон две прекрасные женщины. Это были Екатерина и Варвара — великомученицы. После литургии во время причастия я подошла к чаше. Священник, не увидев на мне креста, спросил: „Девочка, ты крещеная?“ „Нет“, — ответила я. И он попросил меня отойти в сторону. Я была страшно обижена: всем можно, а мне нельзя!.. С громким плачем я требовала, чтобы меня причастили. Успокоить меня не удавалось. Служба закончилась. Ко мне подошел священник (только недавно я узнала, что это был отец Серафим), попросил утихомириться и пообещал меня окрестить. Случилось чудо — меня крестили, исповедовали и причас-

тили. Моей крестной матерью стала бабушка моей подруги Риммы. Было мне тогда девять лет. Спустя годы, перебирая в памяти разные эпизоды моей жизни, я поняла, что это благодатное событие во многом определило мою дальнейшую судьбу. Теперь я была хранима, защищена и ведома.

Особенно запомнился мне день 12 февраля 1943 года. Начался он странно. Я спала на печке, но проснулась от холода. Смотрю, в доме никого. Где бабушка, дед? Дверь настежь. Я спускаюсь с печки, выхожу во двор. Раннее утро, часов шесть, светает. Выхожу на улицу. Переулок, как вымер... Я подумала, что всех угнали немцы и я осталась одна.

Соня Катрахова. Лето 1943 года. Краснодар

Дохожу до шелковицы, поворачиваю за угол — навстречу человек в погонах, но не в немецких, а в каких-то незнакомых. Кто этот солдат? Увидев мое растерянное лицо, он заулыбался: „Дочка! Наши пришли!“ Я повисла у него на шее. Он прижал меня к себе.

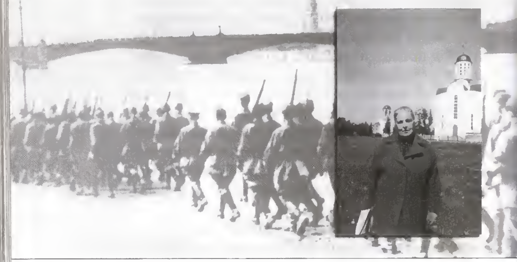
И вдруг — автоматная очередь. Уже в следующее мгновение мы очутились на земле. Все произошло так быстро, что я даже не успела испугаться. А мой спаситель сказал мне: „Считай, дочка, мы сегодня с тобой родились еще раз“. Откуда-то взялись наши солдаты, побежали в тот двор, из которого стреляли, и вывели оттуда трех немцев и двух румын... Мой солдат сказал, что живет на Адыгейской Набережной, в квартале от нашей улицы, и что с финской войны не был дома. Он обнял меня еще раз и ушел.

А я побежала дальше. По дороге бесконечным потоком шли наши солдаты. В порыве радости я вошла прямо в их колонну. Кто-то поднял меня на руки, и вдруг откуда-то я услышала мамин голос: „Соня! Сонечка!“ Я повернулась: сзади на тротуаре двое солдат расчищали путь маме. У нее была перевязана рука, она продолжала звать меня. Я кинулась к ней!

Это было как сон. Нас освободили! Первый наш солдат, неожиданная автоматная очередь, мама... Язык случая, может быть, и правда тот язык, на котором Бог говорит с нами?»[195].

УЦЕЛЕЛА ИКОНА БОГОРОДИЦЫ

Во время блокады жила в Ленинграде на улице Цимбальной в доме 22 семья Лосевых. Раньше улица называлась Муравьевская. Самой младшей, Татьяне, было в тот год пять лет. Сегодня мы можем услышать ее рассказ о тех днях, если придем в новый храм, что на Малой Охте. В народе его окрестили «Блокадным». Татьяна Ивановна — прихожанка этого храма. Она вспоминает: «Дом был двухэтажный. Мы жили на первом этаже. У нас в то время квартировались военные в одной из комнат. Немцы бомбили и обстреливали город.

Татьяна Ивановна Клюева (Лосева). Санкт-Петербург, Малая Охта. 2000 год

В тот день, о котором хочу рассказать, мы были дома с бабушкой и собирались пить чай. Дедушка тогда лежал в госпитале. Он был очень истощенный. Папа погиб на Невской Дубровке — там были сильные бои. Он был моряк и попросился на фронт. Служил на корабле „Грозящий“. А тетя была на службе — она работала на железной дороге. У нас к чаю был сахар — подарок от наших постояльцев. Сидели мы с бабушкой на кухне. Там на стене у нас были четыре иконы. Бабушка и дедушка всегда молилась перед ними.

Начался обстрел. Я залезла под стул. Снаряд пробил дом от крыши до подвала. Наша квартира была разрушена. Только на стене удивительным образом продолжала висеть икона Пресвятой Богородицы, именуемая „Всех скорбящих Радость“. Помню, как мы оказались с бабушкой на улице. А военного, что жил у нас и сидел в это время за столом, убило. Бабушку ушибло, но не очень. У нас в результате ни карточек, ни вещей, ни мебели, ни крыши над головой. Выдали нам справку, что квартира разбита и к жилью не пригодна. Слава Богу, нас приютили соседи по двору. Дедушка с бабушкой стали рыть могилы на кладбище, чтобы прокормиться. Уцелевшая на стене икона — попрежнему у меня в доме».

МОЛЕБЕН У СТЕН КЕНИГСБЕРГА

Весной 1945 года война приближалась к завершению, но враг упорно и умело сопротивлялся нашим войскам, неумолимо двигавшимся на запад. Одно из самых ожесточенных сражений этого периода войны развернулось в районе города-крепости Кенигсберга. Наши войска несли значительные потери. 21 февраля начальник Генерального штаба А. М. Василевский был направлен Сталиным в Прибалтику и вступил в командование 3-м Белорусским фронтом. 16 марта он направил Верховному Главнокомандующему донесение с планом операции по разгрому кенигсбергской группировки. Планировалось три этапа: прорыв оборонительной полосы, развитие прорыва, штурм и овладение Кенигсбергом.

Свидетельствуют очевидцы произошедшего уникального эпизода. Один из них – Василий Григорьевич Казанин, начавший войну еще в 1941 году в сражении под Смоленском. Затем он был в составе частей, наступавших на Великие Луки. Неоднократно ходил в разведку. Пять раз был ранен. Одна из пуль прошила его тело насквозь, в нескольких сантиметрах ниже сер-

дца. Участвуя в штурме Кенигсберга в апреле 1945 года, он видел, как священнослужители вынесли Казанскую икону Божией Матери, отслужили молебен и пошли во весь рост к передовой.

После войны Василий Григорьевич был пострижен в монахи в Псково-Печерском монастыре, где многие насельники неоднократно слышали его рассказ о фронтовом молебне у стен Кенигсберга. В 1997 году раб Божий Василий (в схиме Иринарх) мирно почил в этой святой обители[196].

Прислушаемся к рассказу другого участника штурма Кенигсберга Николая Бугаенко[197]: «7 апреля, на Благовещение, мы ждали боя. Вдруг видим: вдоль линии фронта движется крестный ход — впереди православные священники несут Казанскую икону Божией Матери. За ними — вереница людей с иконами, крестами и хоругвями в руках. Это было так неожиданно! Как будто и нет войны — никто не стреляет, ясно различимы слова молитв, песнопений... А дальше произошло нечто совсем невероятное. Фашисты вдруг... побросали оружие (орудия их тоже замолкли) и с криком „Мадонна!“ побежали прочь.

С громовым „Ура!“ мы бросились за ними. Без единого выстрела взяли тот участок фронта[198]...».

Видела молебен священников под Кенигсбергом и матушка София, ныне монастырский

цветовод-озеленитель Раифского монастыря. От Москвы до Берлина прошла она, сражаясь за родную землю. Приезжая в Раифский монастырь, писатели и журналисты часто обращаются к наместнику архимандриту Всеволоду (Захарову) с просьбой благословить на беседу с матушкой Софией. У нее часто берут интервью. И чаще всего спрашивают, страшно ли было на войне? До войны она жила до семи лет в Алексеевском районе Татарии, а затем в городе Зеленодольске недалеко от Казани. Екатерина Михайловна Ошарина (так звали в миру матушку Софию) после окончания десятилетки поехала поступать в Москву в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Поступила... Но необходимого для иногородней места в общежитии не нашлось. А тут как раз объявились вербовщики из других вузов — из Казахстана и Белоруссии. Екатерина предпочла Алма-Ату — город, утопавший в зелени и цветах.

Рассказывает матушка София: «Когда началась Великая Отечественная, я окончила четыре курса плодоовощного факультета Алма-Атинского сельхозинститута по специальности цветоводство. Нас с первого курса уже к войне готовили: кого на медсестру, кого на радиста... Я попала в радисты. Был абсолютный слух. Перед отправкой на фронт мы еще месяц учились на стрелков-радистов. Но у меня всего двенадцать вылетов было — большинство же

фронтовых дорог пройдено по земле. В начале 1942 года наша часть попала в район под Москвой.

Работали больше по ночам, по шесть — восемь часов. В эфире — тысячи радиостанций, и среди всего этого надо найти голос своей. Ошибешься — и все... Немцы пеленговали и старались уничтожить радистов. Поэтому станции чаще в лесу останавливались. И их надо было охранять. Стоишь, лес шумит вокруг. Как посторонний шум — кричишь: „Стой, кто идет!“ А никого нет, никто не отвечает, и только ждешь: вот сейчас-сейчас — раз ножом сзади! Что, не страшно? Еще как!

И только про себя все время: **„Господи, спаси, Господи, помоги, Господи, сохрани...“** Крестики на груди носили». Последние ее слова понятны — Екатерина была из глубоко верующей татарской семьи кряшенов. Отец был регентом церковного хора, трое тетушек — монахини в Казани. Матушка продолжает свой рассказ: «А церквей за всю войну нигде, кроме как в Орле, не встречали. В деревнях они все сожженные были. Орел никогда не забуду: большой храм на горе. Внизу вокзал, весь разбитый, вокруг все в руинах, а церковь уцелела. Помню и батюшку: небольшого роста, с необыкновенными, какими-то лучистыми глазами... Мы постояли, помолились, как могли, — за месяцы военного бытия уж все позабыли. А больше нигде церквей не встречали.

...А что было, когда через Днепр переправлялись! В Могилеве после переправы, кругом трупы — идти было невозможно, их тысячи лежат... вот, вот, здесь! Кто-то еще жив, хватает тебя снизу, с земли, — „сестричка, помоги!“. А ты с радиостанцией, надо быстрее вперед, связь налаживать. А они там так и остались, без помощи... В нашем подразделении из двадцати пяти человек выжили только двое. Вспоминать тяжело.

...Как жили? В палатках, землянках. Только одна часть уйдет, после нее — сплошные вши. Помыться чаще всего негде было. В Гжатске нас окружили, неделю не могли выйти. Кругом немцы, есть было нечего. Снимали и варили ремни. С трудом нас оттуда вытащили.

...Помню Кенигсберг. Мы относились ко Второму Белорусскому фронту, которым командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский. Но наше подразделение — 13-й РАБ (район авиационного базирования) находилось вместе с войсками Прибалтийского фронта недалеко от места боев за Кенигсберг. Очень трудно он давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом — крепость. Сколько наших солдат погибло!.. Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама видела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачениях с хоругвями и иконами. Вынесли Казанскую икону Бо-

жией Матери... А вокруг бой идет, солдаты посмеиваются: „Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!“ И только монахи запели — стихло все. Стрельбу как отрезало. Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: „Оружие отказало“. Один знакомый офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю»[199].

Видел священников, неожиданно оказавшихся на передовых позициях наших войск под Кенигсбергом, и Николай Алексеевич Бутырин, прошедший всю войну с первого дня, до последнего. Во время этого сражения он был водителем танка в 153-м автополку. В смотровую щель он внезапно узрел невесть откуда взявшихся «попов». По танковым экипажам тут же пронеслось: «Попы приехали!» За долгие годы безверия и тяжкую годину войны Николай запамятовал все когда-то знакомые ему с детства молитвы. Он схватился рукой за нательный крестик и крепко прижал его к груди. Обзор не позволял ему видеть дальнейшие действия священников. Тем не менее, воспоминание это так крепко запечатлелось в его памяти, что он до самой своей кончины неоднократно рассказывал о нем в кругу семьи. У родителей Николая было девять детей, он был третьим. Как и отец, Николай был рабочим человеком, мастером на все руки, в том числе и по сапожной части — его отец шил

Монахиня София (Ошарина). Прошла радисткой дорогами войны от Подмосковья до Германии

обувь до революции для Московского губернатора. В партии никогда не состоял[200].

Воспоминание о молебне под Кенигсбергом надолго сохранилось в памяти многих ветеранов той битвы. Рассказывает священник Александр Лобан — настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в рабочем поселке Лог Волгоградской епархии[201]: «Служил я несколько лет назад в одном из приходов Курской епархии, в поселке Белая Слобода. В нашем райцентре во время войны дислоцировалась одна из дивизий, ветераны которой и сейчас приезжают на места боев, чтобы вспомнить те героические годы. Я был приглашен на очередную их встречу в местном клубе. Когда хор начал петь панихиду, все встали. После ее окончания начал рассказывать о том, что раньше никогда не писали в газетах — о прозрении и обращении народа к Богу во время войны. Вспомнил и о молебне у стен Кенигсберга. <...> Как всегда в таких случаях нашелся человек, который произнес: „Ну, вот тут уж вы, батюшка, преувеличили...“ Но вижу, через толпу окружающих меня людей протискивается один из ветеранов, который явно не слышал реплику моего собеседника, и со слезами начинает горячо меня благодарить: „Спасибо, батюшка! Вы знаете, я ведь сам был там, под Кенигсбергом. Это у нас служили молебен, я сам все видел...“ Он говорил еще что-то, а я уже не видел его из-за слез».

В приведенных выше воспоминаниях говорится о том, что Божию Матерь видели оборонявшие Кенигсберг немцы. Сохранилось воспоминание и нашего офицера, видевшего Чудо в небе во время штурма города-крепости.

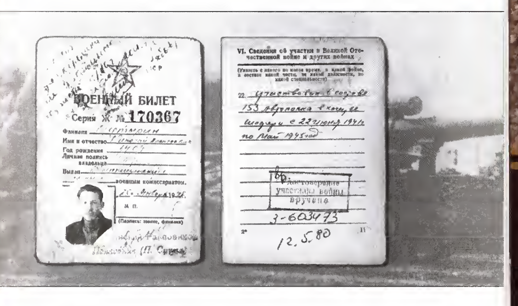
Вадим Васильев, работавший многие годы художником комбинированных съемок детских и юношеских фильмов на киностудии имени Горького в Москве, рассказывал: «На передовую я попал в 1941 году в Подмосковье. Всю войну был истребителем танков. Дослужился до звания капитана. Под Кенигсбергом плотность

Однополчане. Н. А. Бутырин, водитель танка, участник штурма Кенигсберга (четвертый слева, стоит во втором ряду). Апрель 1945 года

нашего огня была высочайшая. Снаряды летали над нами, а мы сидели в окопе. Я поднял голову и, вдруг, увидел, как облака раскрылись, и на небе появился образ Пресвятой Богородицы. Сразу подумал, — наверное, мама за меня молится. Она была верующая, а я — комсомолец. Стал оглядываться по сторонам на своих бойцов. И понял, что видел Ее только я. Видение длилось около получаса.

Потом к нашим позициям вышли немецкие парламентеры с белым флагом. Говорят: „Примите нас в плен“. Видим за ними много немцев — полк или даже больше. А нас всего пя-

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ
Серия Ж № 170367
Фамилия
Имя и отчество
Год рождения
Личная подпись владельца
Выдан
военным комиссариатом.
19
М. П.
(Подпись: звание, фамилия)

VI. Сведения об участии в Великой Отечественной войне и других войнах
(Указать с какого по какое время, в какой войне, в составе какой части, на какой должности, по какой специальности)
22.
Удостоверение участника войны вручено
3-603473
12.5.80

Военный билет старшего сержанта Николая Алексеевича Бутырина

теро, и мы растерялись поначалу, но велели им бросить оружие.

После войны долго искал икону с таким ликом Божией Матери. Наконец, приехав как-то в Почаевский монастырь, выяснил — мне была явлена Почаевская икона Божией Матери. Попросил у игумена разрешения, и он благословил меня несколько дней побыть в монастыре»*.

Многое в истории «Кенигсбергского молебна» пока остается сокрытым, и исследование продолжается.

---

* История записана автором в июле 2005 года со слов людей, близко знавших Вадима Васильева.

ПОБЕДА 1945 ГОДА

...Великое для нас благо в том, что Бог открыл нам о геенне... что было бы, если б не знали о том?

Святитель Феофан Затворник

О чем мечтал наш народ всю войну, стало реальностью в Пасхальные дни 1945 года. Победа была дарована нам промыслом Божиим. То, что она была дарована, ясно было каждому, кто наряду с воинским или трудовым подвигом во время войны обращался с молитвами к Господу, Богородице, святым угодникам Божьим.

«С нами Бог» — было написано на пряжках *их* солдатских ремней, кресты были нарисованы на *их* самолетах и на *их* танках. Но Бог был *с нами,* потому что сердца многих наших людей были в ту тяжкую пору с Ним.

Русь Православная молилась Ему. Молились бабушки, матери, жены, сестры, дети, многие воины на фронтах войны и в партизанских отрядах, русские люди в тылу и в оккупации. Их молитва соединялась с молитвой многих сотен тысяч новомучеников Российских. Господь внял молитвам Церкви земной и Церкви небесной и помиловал наше Отечество. Враг внешний был повержен, а народ через страдания и муки вновь получил право исповедовать веру своих отцов во вновь открывшихся храмах и монастырях.

Среди целого сонма небесных заступников России от нацистского нашествия были и

святые Царственные Страстотерпцы. Многим москвичам старшего поколения памятен «немецкий парад» в Москве. В летний день по улице Горького, во всю ее ширину, шла серозеленая масса немецких пленных под присмотром редкого конвоя с дореволюционными, еще мосинскими трехлинейками наперевес. А произошло это 17 июля 1944 года — в день памяти святых Царственных мучеников.

«Слава и благодарение Богу!..» — писал в Послании 9 мая 1945 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский). Примечательно, что формула «и всея Руси» в титулатуре Патриарха была определена во время знаменательной встречи Сталина с тремя митрополитами 4 сентября 1943 года в Кремле, вместо «и всея России», как именовался святитель Тихон. Тогда, в день празднования Грузинской иконы Божией Матери, состоялось официальное оформление поворота в отношениях между Русской Православной Церковью и государством.

На территории Германии первым по-настоящему мирным днем было 6 мая 1945 года. В 1945 году праздник Светлого Христова Воскресения — Пасхи совпал с днем памяти великомученика Георгия Победоносца — 23 апреля (6 мая). Таким образом, Господь засвидетельствовал духовное значение подвига России (СССР) в Великой Отечественной войне. В ночь

со вторника на среду Светлой седмицы в 00 часов 43 минуты по московскому времени Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Долгожданная Победа соединилась с радостью Светлой седмицы. В день Святой Троицы, 11 (24) июня, состоялся на Красной площади Парад Победы.

Кто-то скажет — все это случайные совпадения. Но у Господа ничего случайного не бывает — в Его деснице все времена и сроки, которые Ему только ведомы.

Одновременно с всенародным ликованием было и другое — аресты, лагеря, расстрелы... В этой книге мы лишь краешком прикоснулись к теме служения Господу монашествующих, клириков и мирян Русской Православной Церкви на временно оккупированной врагом территории. Само обращение к ней глубоко ранит до сих пор души многих православных людей в нашей стране и за ее пределами.

Как пишут зарубежные исследователи истории нашей Церкви, «9 мая 1945 года, в День Победы, когда тысячи огней праздничного фейерверка взметнулись в небо Москвы, группу заключенных из Риги, в составе которой были мученики Псковской православной миссии, перевозили со Ржевского (ныне Рижского) вокзала на Ярославский[202]. Впереди были шахты Воркуты, многих ждала безвестная могила в общей яме с биркой на ноге. Без креста...»

Претерпели и другие лица духовного звания, служившие во время оккупации в сотнях тогда открывшихся, а ранее закрытых храмах Русской Православной Церкви. Удивительна верность выбранному пути этих воинов Христовых. Многие из них не ушли с немцами, как иные, а остались со своей паствой, когда пришла Красная Армия. Те, кто после арестов, приговоров и заключения (иногда на весьма длительные сроки) оставались в живых, вновь начали на Родине служить в храмах Тому, Кого они не предавали. Нам, в этой земной жизни, вспомнить всех их поименно вряд ли возможно. Их имена ведает один Господь. Ибо у Бога все живы...

Но победа была. Она была и военная и духовная. Ценой неисчислимых жертв народа было спасено наше Отечество, все славяне и христианский мир от нацистского рабства. Люди в России в тысячах открытых церквей вновь получили возможность доступа к таинствам Церкви Христовой, к древнему, законному, подлинному, каноническому Православию.

Сколько было в те годы в народе тихих и малозаметных подвигов любви к ближнему, не счесть никому! Ведая о заповедях Христовых или не зная о них, многие наши люди во время войны соблюдали их: *Болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13); *Обретый душу свою погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 10, 39).

Тогда живо было еще поколение с крепкими православными корнями. Потому мы и победили.

Мы не ведаем имена всех, чьи молитвы были услышаны Господом в те годы. Очевидно одно — просветил Он в годы войны многих в народе нашем светом познания Своего в меру их и привел к *покаянию*.

Вместе с ними говорим: «Господи! Слава Тебе, показавшему нам свет! Слава Богу за все!»

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

[1] *Феофан Затворник*. Собрание писем. — М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1900. Вып. 7. С. 206.

[2] Цит. по: *Архиепископ Аверкий (Таушев)*. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. — Том 2. 1961—1968. — Джорданвиль.: Типография преподобного Иова Почаевского, 1975. С. 524, 525.

[3] *Евстратов А*. Патриотизм и религия // Безбожник, 1941. № 6. С. 2—3.

[4] Патриарх Сергий и его духовное наследство. — М.: Изд. Московской Патриархии, 1947. С. 234.

[5] Правда о религии в России. — М.: 1942. С. 89—92.

[6] *Шилов А*. А.В. Александров. — М.: Музгиз, 1955. С. 50.

[7] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. — М.: Мосгорархив, 1995. С. 45.

[8] *Булгаков Н*. С Божией помощью мы победили // Русь Державная, 1994. № 7(10). С. 5.

[9] См., например, *Филимонов В. П.* Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. — СПб.: Сатис. Держава, 2002. С. 123—126.

[10] Далее идут выдержки из воспоминаний протоиерея Василия Ермакова, опубликованных Дарьей Егоровой в заметке «Победа будет за нами...» // Православный Санкт-Петербург, 2003. № 1 (144). С. 4.

[11] Архиерейский собор Русской Православной Церкви 2000 года принял решение о прославлении Вырицкого подвижника иеросхимонаха Серафима (Муравьева) в лике преподобных для общецерковного почитания.

[12] Его знала вся Россия. Архимандрит Серафим (Шинкарев). Умолкнувшие колокола. — М.: 2002. С. 39.

[13] Правда о религии в России. — М.: 1942. С. 83—86.

[14] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. — М.: Московская Патриархия, 1943. С. 8—10.

[15] *Лехович Д.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. — М.: Воскресенье, 1992. С. 320.

[16] *Солоневич И. Л.* Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: 2003. С. 8.

[17] По словам иеросхимонаха Аристоклия Афонского, сказанным в 1918 году: «...по повелению Божию немцы войдут в Россию и спасут ее, но в России не останутся и уйдут в свою страну. Затем в течение пяти лет Россия достигнет благоденствия и могущества больше прежнего» (цит. по Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. — Белград: 1938. Т.1. С.196.

[18] Материалы к биографии архиепископа Иоанна (Шаховского) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 81—87.

[19] См.: Житие старца Аристоклия. — М.: Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве, 2003. С. 18—20, 25.

[20] Цит. по: *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1939—1945 годов. (Сборник документов.) — М.: 2003. С. 124, 125.

[21] Архиерейским собором Русской Православной Церкви за границей было определено совершить его прославление 19 июня (2 июля 1994) года в г. Сан-Франциско.

[22] *Фомин С. В.* Последний царский святой. — СПб.: 2003. С. 531, 532.

[23] Митрополит Тобольский Иоанн (Максимович) был последним святым, прославленным Русской Православной Церковью при Императоре Николае II лишь благодаря его личной настойчивости, а также настойчивости Императрицы Александры Федоровны.

[24] *Лехович Д.* Белые против красных. — М.: Воскресенье, 1992. С. 330.

[25] *Солоневич И. Л.* Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: 2003. С. 204.

[26] *Протоиерей А. Смирнов.* Слово 4 декабря 1941 года. В кн.: Правда о религии в России. — М.: 1942. С. 123—125.

[27] Mc Neal R. Stalin Man and Ruler. Oxford, 1988. P. 241. Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне. В кн.: Россия в XX веке: Историки мира спорят. — М.: 1994. С. 449.

[28] *Регельсон Л. Л.* Церковь и сталинизм // Просветитель. Вестник духовного просвещения. № 2—3. — М.: 1995. С. 150, 152.

[29] *Аллилуева С. И.* Двадцать писем к другу. — М.: 1989. С. 145.
[30] *Альдо Дель Монте.* Крест на подсолнухах. Дневник капеллана (1942—1943). — М.: 2000. С. 79.
[31] *Белов П.* Маршал Василевский. Честь и верность. — Иваново: 1995. С. 3, 4.
[32] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. — М.: 1973.
[33] *Жукова Мария.* Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. — М.: 1999. С. 34.
[34] *Коновалов О. Г.* Первая Победа // Победа, победившая міръ. 2004. № 10/26. С. 6.
[35] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. — М.: Мосгорархив, 1995. С. 211. (ЦХИДК, ф. 500, оп. 1, д. 775, л. 41—42. Ротатор. Перевод с нем.).
[36] *Новиков Валерий.* Вера и верность долгу // За Православие и самодержавие. 2004. № 3 (38). С. 4—5.
[37] *Шкаровский.* Церковная жизнь блокадного Ленинграда. — М.: 1995.
[38] Священники на фронте // Наука и религия. 1995. № 5. С. 5.
[39] *Протоиерей Валентин Бирюков.* На земле мы только учимся жить. — М.: Даниловский Благовестник, 2004. С. 21—26.
[40] *Митрополит Вениамин.* Книга чудес и знамений нашего времени. — М.: 2002. С. 101.
[41] *Жуков А. Е.* Господь помогал нам выжить // Православное слово. 1996, ноябрь. С. 11.
[42] *Красник Л. Н.* Ветераны вспоминают // Православное Слово. 1986, август. № (45). С. 16.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] *Шевченко В. А.* В Бога верую // Православное Слово. 1997, июнь. С. 14.
[46] *Антюфеев В. И.* Только в Боге наше спасение // Православное Слово. 1999, июль. С. 16.
[47] *Казаков В. И.* Артиллерия, огонь! — М.: ДОСААФ, 1983.
[48] Здесь и далее все цитаты из книги: Главный маршал авиации Голованов. М.: Мосгорархив, 2001. С. 102, 295, 296, 324, 329.
[49] *Колесникова Л. А., протоиерей Александр Гарклавс.* Возвращение. Тихвинская икона Божией Матери. — СПб.: Изд-во «АРС», 2004. С. 64—65.
[50] *Сергей Фомин.* Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов). — М.: Форум, 2004. С. 252, 253, 258.

[51] *Дьяков И. А.* О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество. Записки православного. — Свято-Троицкая Сергиева лавра: 2000. С. 97, 98.

[52] *Митрополит Нестор.* Моя Камчатка. — Свято-Троицкая Сергиева лавра: 1995. С. 229.

[53] По-видимому, имеется в виду проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о разрешении ношения воинам Красной Армии Георгиевских крестов.

[54] *Колотуша В.* Без названия. // Свет Православия в Казахстане. 1995. № 4 (22).

[55] *Колотуша В.* Звонарь // Свет Православия в Казахстане. 1995. № 4 (22). С. 19, 20.

[56] *Степанова В. А.* За любовь, с которой вы послужили мне. Воспоминания. В кн.: Умолкнувшие колокола. — М.: 2002. С. 198.

[57] Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. — М.: 1991. С. 106—107.

[58] *Архиепископ Василий (Кривошеин).* Две встречи. Сатисъ. Держава. — СПб.: 2003. С. 104.

[59] Фото из книги: Златоуст XX века. — СПб.: Нева-Визит, 2003. С. 52.

[60] *Епископ Митрофан (Зноско).* Хроника одной жизни». — М.: 1995. С. 93—96, 103.

[61] *Протоиерей Георгий Бенигсен.* Христос Победитель // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26—27. С. 238.

[62] Первая встреча автора с В. И. Кравченко была в 2003 году.

[63] См.: Погибли под Великими Луками // Военно-исторический журнал. 2005. № 5. С. 43.

[64] *Копаева Н.* Зажглась еще одна свеча // Великолукские Ведомости. 3 августа 2005. № 31 (308). С. 7.

[65] *Свидетелев М. А.* За веру, Отечество и народ // Русский дом. 2001. № 11. С. 41.

[66] *Ершов Михаил.* Литургия в дни блокады // За Православие и самодержавие. 2004, сентябрь. № 7 (42). С. 4.

[67] *Дроздов Георгий.* Толька-танкист // Православный Санкт-Петербург. 2004. № 11 (154). С. 7.

[68] Дается с небольшими сокращениями. Передан автору иеродиаконом Никоном (Муртазовым) в 2004 г.

[69] *Святитель Афанасий (Сахаров)*, исповедник и песнопевец. — Свято-Троицкая Сергиева лавра: 2003. С. 158, 159.

[70] См.: Последование МОЛЕБНАГО ПЕНИЯ об Оте-

честве (Чин совершения его мирянином.) [Составлено в августе 1941 года, во дни нашествия на Русскую землю немцев.] // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 7—8. С. 153—155.

[71] См.: 69. С. 166.

[72] *Протоиерей Валентин Бирюков.* На земле мы только учимся жить. — М.: Даниловский Благовестник, 2004. С. 45, 46.

[73] См.: Последний старец. — Ярославль: «Китеж», 2004. С. 232, 233, 242—248.

[74] *Шестопал Г.* Из рассказов матери (невыдуманное) // Свет Православия в Казахстане. 1994. № 13 (12).

[75] *Щукин А.* Повесть о Маршале Батицком. — М.: «Атлантида — XXI век, 2001. С. 108—109.

[76] Из публикации внука М. М. Болотина (в сокращении): *Виктор Рыбалко.* Надо жить // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 79—81.

[77] *Воронов Н. П.* Сон о Боге // Литературная Россия. № 41 от 13 октября 1995 года.

[78] Здесь приведены фрагменты из работы А. Л. Казем-Бека «Жизнеописание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I», опубликованной в книге: «Богословские труды». Юбилейный сборник. 34. — М.: 1998. С. 108—135.

[79] *Любитов С.* Блокадный храм // Православие и жизнь. 2003. № 9—10 (29—30). С. 8—9.

[80] Оба вышеприведенных рассказа опубликованы Сутягиной-Ганф Т. И. в газете «Православие и жизнь». 2002. № 2 (22). С. 4, 5.

[81] *Магаева С. В.* Ленинградская блокада: Психосоматические аспекты. — М.: 2001. С. 99—100.

[82] *Мельниковская О. Н.* Судьба моя — счастливица. — М.: 2004, «Поли-Медиа». С. 93.

[83] См. рассказ актрисы Л. Соколовой в газете «Голос совести». 2005. № 1 (29). С. 8.

[84] Bird E. Tomas. Ortodoxy in Byelorussia: 1917—1980 // Запісы. Беларускі інстытут навукі й мастацтва. — Нью-Йорк: 1983. С. 144—209.

[85] Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. 1995. № 5. С. 22—23.

[86] Свет радости в мире печали. Митрополит Алма-атинский и Казахстанский Иосиф. — М.: Паломник, 2003. С. 65—84.

[87] *Полевой Б.* Большое наступление. — М.: 1970. С. 296.

[88] *Джилас Милован.* Беседы со Сталиным. — М.: Центрополиграф, 2002. С. 55—57.

[89] *Георгий (Соколов), игумен.* Из воспоминаний о церковной жизни в СССР при немецкой оккупации // Вестник института по изучению СССР. — Мюнхен. 1957. № 2 (23). С. 109.

[90] *Силова С. В.* Крестный путь: православное духовенство в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. — Минск: 2004. С. 45.

[91] Там же.

[92] *Туронок Ю.* Беларусь под нямецкай акупацыяй. — Мн.: Беларусь, 1993. — С. 96

[93] См. ссылку 90. С. 46, 47, 55.

[94] *Раина П.* Мы дети одной Отчизны // Слово. 1989. № 11. С. 12—15. *Раина П.* Вместе с чудо-богатырями // Наука и религия. 1995. № 5. С. 7—8.

[95] См. ссылку 90. С. 49, 50, 59.

[96] Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 190.

[97] В Псково-Печерском монастыре. (Воспоминания насельников.) — М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, Отчий Дом, 2001. С. 154—158.

[98] Там же. С. 154—160.

[99] *Иванов С. М., Супрун В. И.* Храмы Царицына, Сталинграда, Волгограда. — Волгоград, 2003.

[100] Жизнеописание старицы Мисаилы. — М.: Отчий Дом, 2002. С. 24, 30, 31, 35, 81, 88, 89.

[101] См.: *Анна Титова.* Старец Мисаил // Православный голос Кубани. 2004. № 9 (166). С. 11. Приводится в сокращении.

[102] *Бенигсен Г.* Христос победитель // Вестник русского христианского движения. 1993. № 168. С. 128, 133, 134.

[103] *Епископ Митрофан (Зноско).* Хроника одной жизни. — М.: 1995. С. 118, 121.

[104] *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. — М.: 2002. С. 353.

[105] О деятельности Псковской Православной миссии подробнее всего в связи с 60-летием ее основания изложено в Санкт-Петербургских епархиальных ведомостях. СПб.: 2002. Выпуск 26—27.

[106] Там же. С. 5.

[107] Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. — СПб.: 2004.

[108] У «пещер Богом зданных». — М.: 2003. С. 378—379.

[109] Сведения об иконе, ее фотография и содержание текста записок любезно предоставлены для опубликования реставратором Татьяной Анатольевной Ромашкевич по благословению архиепископа Новгородского и Порховского Льва.

[110] У «пещер Богом зданных». — М.: 2003. С. 385.

[111] Цитируется по воспоминаниям выпускника Ленинградской духовной академии Владимира Александровича Студеникина «Бог подарил мне счастье общения с архимандритом Алипием», опубликованным в книге: Архимандрит Алипий. Человек, художник, воин, игумен. — М.: 2004. С. 315, 316.

[112] *Нефедова К. А.* Наследие протоиерея Анатолия Правдолюбова. Вехи жизни и творчества. Московская регентско-певческая семинария. Сборник материалов (1998—1999 гг.).

[113] Печатается с сокращениями из книги: Псково-Печерский Патерик. К истории Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2002. С. 129—135.

[114] Рассказ взят из книги: «В Псково-Печерском монастыре». (Воспоминания насельников.) Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Изд-во «Отчий Дом», 2002. С. 128.

[115] Автор рассказа — офицер Красной Армии — еще с детства был прислужником в храме, а в более зрелые годы — чтецом в храме.

[116] Из архива автора. Рассказ передан автору иеродиаконом Никоном (Муртазовым) в 2004 г. и приведен в сокращенном виде.

[117] Рассказчик, опираясь на слова деда, утверждает, что Василий назвал своим друзьям-шоферам имя Женщины — святая блаженная Ксения Петербургская. Существует и иное мнение, — нашим военным водителям явилась Царица небесная.

[118] *Ларикова А. Т.* Божия Матерь просила молиться // Православное Слово. 1996, апрель—май. С. 12.

[119] *Шестопал Г.* Из рассказов матери (невыдуманное). Св. Варвара причастила // Свет Православия в Казахстане. 1994. № 3 (12).

[120] *Губанов.* Чудеса в XX веке. — М.: Серда-Пресс. Вып. 1. С. 86—87.

[121] Пюхтицкий Успенский женский монастырь. — М.: Новости, 1991.

[122] *Соколова Н. Н.* Под кровом Всевышняго. — Москва: 2001. С. 289, 290.
[123] *Шумаков Ю. Д.* Колокола мне шлют привет. — Таллин: 1991. С. 4, 5.
[124] Обитель Божией Матери (Буклет). Изд-во Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря. Эстония.
[125] См. ссылку 123. С. 5.
[126] Из архива Пюхтицкого монастыря.
[127] *Протоиерей Александр Кравченко.* По минному полю скорбей // Слово. 1991. № 12. Рассказ приводится в сокращении по тексту, опубликованному в книге Умолкнувшие колокола. — М.: 2002. С. 402—416.
[128] *Самчук И. А., Бабиков Ю. Н.* Котел под Томаровкой. — Воронеж: 1984. С. 8.
[129] Там же. С. 45.
[130] Православный церковный календарь на 2005 год // Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. — Псков: 2004. С. 12—14, 19.
[131] *Панчишин И.* Монастырские тайны // Новости Пскова. 1999. 17 сентября.
[132] *Архимандрит Алипий.* Человек, художник, воин, игумен. — М.: 2004. С. 52—55.
[133] *Игумен Николай (Калинин).* Да, мы молились Богу! // Десятина. № 7—8 (40—41). С. 8.
[134] Из книги: Монахиня Адриана «Возьми крест свой». — М.: Крук-Престиж, 2005.
[135] *Протоиерей Валентин Бирюков.* На земле мы только учимся жить. — М.: Даниловский Благовестник, 2004. С. 26—28.
[136] *Орехов Д.* Русские Святые XX столетия. С. 113—115.
[137] Приводится по тексту книги Чудеса на дорогах войны. — М.: 2004. С. 92.
[138] Отец Митрофан принял постриг и почил в 1948 году, будучи в сане архимандрита. По решению Архиерейского собора Русской Православной Церкви преподобный Сергий (Сребрянский) причислен к лику святых как исповедник.
[139] Встреча автора с Е. А. Карасенко состоялась в 2004 году.
[140] *Архимандрит Тихон (Агриков).* У Троицы окрыленные. Воспоминания. Свято-Троицкая Сергиева лавра: «Панагия», 2002. С. 52, 53, 426—428.

[141] *Журавлев В. К.* Русский язык и русский характер. — М.: 2002. С. 247—251.

[142] Календарь памятных дат Российской военной истории. — М.: 1999, Logos. С. 291.

[143] Там же. С. 309.

[144] *Вильгельм Адам.* Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. — М.: 1972. С. 106—107.

[145] Край Серебряно-прудский. — М.: 2003. С. 70, 109.

[146] Из публикаций: *Тупицин А.* Постоялец // «Заволжье». 1 февраля 2001 г. С. 3; *Осьмакова О.* Свет имени в тиши времен... // «Заволжье». 25 августа 2005 г. С. 3, и из рассказа дочери генерала Родимцева, Натальи Александровны Матюхиной.

[147] *Якунин В. Н.* За веру и Отечество. — Самара: 1995. С. 88. Госархив РФ. Фонд Совета по делам религий при СМ СССР (Ф. 6991). Опись 2. Дело 16. Лист 105.

[148] *Карасева М.* Непроходимая стена // Православное Слово, 1997, май. С. 3.

[149] *Поволяев В. Д.* Миссия в Ливане, или Послесловие к апокрифу о том, как Иосиф Сталин внял советам митрополита Илии // Труд. 1999, 4 ноября, № 208.

[150] *Бучин А. Н.* 170 000 километров с Жуковым. — М.: 1994. С. 58.

[151] Первая встреча автора с монахиней Ниной была в 2004 году.

[152] *Якунин В.* За веру и Отечество. — Самара: 1995. С. 89.

[153] 16 апреля 1943 г. 62-й армии было присвоено высокое звание — гвардейской, и она стала именоваться 8-й гвардейской армией.

[154] *Чуйков В. И.* Конец Третьего рейха. — М.: 1973. С. 246—264.

[155] *Аллилуев В.* Хроника одной семьи: Аллилуевы. Сталин. — М.: 2002. С. 159.

[156] *Чуйков В. И.* От Сталинграда до Берлина. — М.: 1980. С. 393—395.

[157] Адъютантом у В. И. Чуйкова, начиная со Сталинграда, был его родной брат Федор. Текст эпизода приведен с сокращениями и некоторыми уточнениями, которые стали возможны благодаря свидетельствам сына маршала В. И. Чуйкова Александра Васильевича Чуйкова.

[158] *Атрашкевич Н.* Всю войну с Казанской иконой Божией Матери // Православное Слово. 1999, ноябрь. № 11 (84). С. 16.

[159] Самопожертвование на Великой Отечественной войне (1941—1945). — Волгоград: Издатель. 2002. С. 842—845.

[160] См., например: Я шел с Евангелием и не боялся... // Православное Слово. 1995, октябрь—ноябрь. С. 8.

[161] *Журавлев В.* Рожденная в доме Павлова // Парламентская газета. 2003. № 83 (1212).

[162] См. 41.

[163] *Сиденко А. И.* Вера в Божию милость спасает и в войну // Православное Слово. 1996, апрель—май. С. 12.

[164] Записано со слов ее хорошей знакомой Антонины Березовской.

[165] *Рудыкина-Жорова Е.* Подарок. Волгоград: Станица-2, 2002. С. 139—140.

[166] *Красник Л. Н.* Остров спасения // Православное Слово. 1998, январь. С. 3. *Иванов С. М., Супрун В. И.* Храмы Царицына, Сталинграда, Волгограда. — Волгоград: 2003. С. 196—197.

[167] *Савина С. Г.* Всемилостивая Владычица утешила мать // Православное Слово. 1998, октябрь. № 10 (71). С. 5.

[168] *Крищенко Г.* Пресвятая Богородица молилась и плакала // Православное Слово. 1998, январь. С. 3.

[169] *Власова Д. А.* Он сразу узнал Богородицу // Православное Слово. 1998, октябрь. № 10 (71). С. 5.

[170] По просьбе родственников имя офицера не приводится.

[171] См. 41.

[172] Слова Бормана и Мюллера цитируются по книге: *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. — М.: 2002. С.78, 79.

[173] *Альдо Дель Монте.* Крест на подсолнухах. Дневник капеллана (1942—1943). — М.: 2000. С. 133, 217, 218, 348.

[174] *Дерр Ганс.* Поход на Сталинград. Роковые решения. — СПб.: 2001. С. 568—572.

[175] В сентябре 1945 года, генерал Н. И. Труфанов, будучи комендантом города Лейпцига, возложил венок в православном храме этого города в память о русских воинах, павших на земле Германии в Отечественную войну 1812—1813 гг. и в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. По свидетельству очевидцев, этот венок еще несколько лет назад находился в том храме.

[176] *Манштейн Эрих.* Утерянные победы. — СПб.: 1999. С. 403.

[177] *Голубович В. С.* Маршал Малиновский. — Киев: 1988. С. 101, 102.

[178] *Еременко А. И.* Разгром группировки Гота—Манштейна. В кн.: Сталинград: уроки истории. — М.: 1980. С. 157—190.

[179] Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. — Книга четвертая. — М.: 1993. Издание Введенской Оптиной пустыни. С. 312.

[180] *Елена Сиренко*. Сталинградская Мадонна. http://www. ng. ru/style/2000-02-22/16-stalingrad. html.

[181] *Бивор Энтони*. Сталинград. — Смоленск: Русич, 1999.

[182] Кто есть кто во Второй мировой войне. Словарь. — И.: Динграф, 2000. С. 46.

[183] Вестник РХД. 1972. № 106. С. 498.

[184] *Ширер Уильям*. Взлет и падение Третьего рейха. — С. 278, 279.

[185] Правда о религии в России. — М.: 1942.

[186] *Епископ Митрофан (Зноско)*. Хроника одной жизни. — М.: 1995. С. 108—109.

[187] *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов. (Сборник документов.) — М.: 2003. С. 38—40.

[188] Православные чудеса в XX веке; свидетельства очевидцев. Выпуск 1. — М.: 2000. С. 59, 60.

[189] Нерушимая стена. Из книги протоиерея Николая Агафонова Преодоление земного притяжения. — Самара: 2004. С. 102—109. Приводится в сокращении.

[190] *Васильев Р. Ф.* Видение // Церковный календарь. Москва Православная. Август. — М.: Инто, 2002. С. 186—188. Его рассказ написан со слов ветерана 2-го Украинского фронта — рядового Полынова Петра Степановича — в 1955 г.

[191] *Алексиевич Светлана.* Последние свидетели (сто недетских колыбельных). — М.: Пальмира, 2004. С. 13, 14.

[192] *Магаева С. В.* Ленинградская блокада: Психосоматические аспекты. — М.: 2001. С. 81—82.

[193] *Варвара Александровна Бушкова*, педагог, работала в средних школах Васильевского острова.

[194] Рассказ В. В. Аистовой записан Л. Г. Красник в городе Волгограде и любезно предоставлен ею автору.

[195] *Софья Сваровская (Катрахова)*. Язык случая // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 45—49.

[196] Просите, и дано будет вам. — Клин: 2003. С. 109—110.

[197] Чудеса на дорогах войны. — М.: 2004. С. 44.

[198] Это очень точное и важное свидетельство фронтовика. Автору приходилось беседовать со многими участниками штурма Кенигсберга, которые не видели молебна священников. Но и ведь штурм-то происходил с разных сторон, по различным направлениям, на фронте большой протяженности.

[199] Запись беседы автора с монахиней Софией (Ошариной) в Раифском монастыре. Февраль, 2003 г.

[200] Запись беседы автора с дочерью ветерана Елизаветой Николаевной. — Москва. Май, 2003 г.

[201] *Иерей Александр*. Случай под Кенигсбергом // Донской Вестник. 2003. № 59. С. 3.

[202] *Алексеев В. И.* и *Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 2 (14). С. 140.

МОЛИТВЫ ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНА

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Отче наш, Иже еси́ на небесе́х! Да святи́тся имя Твое, да прии́дет Царствие Твое, да будет воля Твоя, я́ко на небеси́ и на земли́. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам до́лги на́ша, я́коже и мы оставляем должнико́м нашим; и не введи нас во искуше́ние, но изба́ви нас от лукаваго.

МОЛИТВА ИИСУСОВА

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.

МОЛИТВА СВЯТОМУ ДУХУ

Царю́ Небесный, Уте́шителю, Ду́ше истины, Иже везде сый и вся исполня́яй, Сокровище благи́х и жизни Пода́телю, прииди́ и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Бла́же, ду́ши на́ша.

СИМВОЛ ВЕРЫ

[1] Верую во еди́наго Бога Отца, Вседержи́теля, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. [2] И во еди́наго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единоро́днаго, Иже от Отца рожде́ннаго прежде всех век; Света от Света, Бога и́стинна от Бога и́стинна, рожде́нна, несотворе́нна, единосу́щна Отцу, Имже вся быша. [3] Нас ради челове́к и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочелове́чшася. [4] Распя́таго же за ны при Понти́йстем Пила́те, и страда́вша, и погребе́нна. [5] И воскре́сшаго в третий день по Писа́нием. [6] И возшедшаго на небеса, и седя́ща одесну́ю Отца. [7] И па́ки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его́же Царствию не будет конца. [8] И в Духа Свята́го, Го́спода, Животворя́щаго, и́же от Отца исходя́щаго, и́же со Отце́м и Сыном спокланя́ема и сла́вима, глаго́лавшаго проро́ки. [9] Во еди́ну Святу́ю, Собо́рную и Апо́стольскую Церковь. [10] Испове́дую еди́но крещение во оставление грехов. [11] Ча́ю воскресения мертвых, [12] и жизни будущаго века. Аминь.

ТРОПАРЬ КРЕСТУ И МОЛИТВА ЗА ОТЕЧЕСТВО

Спаси, Господи, люди Твоя́, и благослови достояние Твое, победы правосла́вным христианам на сопроти́вныя да́руя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

МОЛИТВА ЧЕСТНО́МУ КРЕСТУ

Да воскреснет Бог, и расточа́тся врази́ Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, та́ко да погибнут бе́си от лица лю́бящих Бога и зна́менующихся кре́стным зна́мением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестны́й и Животворящий Кре́сте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса́ Христа́, во ад сшедшаго и поправшаго силу диа́волю, и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честны́й на прогнание всякаго супостата. О Пречестны́й и Животворящий Кре́сте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.

Или кратко:

Огради́ мя, Господи, силою Честна́го и Животворя́щаго Твоего Креста, и сохрани мя от всякаго зла.

ПСАЛОМ 90

Живы́й в по́мощи Вы́шняго, в кро́ве Бо́га небе́снаго водвори́тся. Рече́т Го́сподеви: засту́пник мой еси́ и прибе́жище мое́, Бог мой, и упова́ю на Него́. Яко Той изба́вит тя от се́ти ло́вчи, и от словесе́ мяте́жна, плещма́ Своима осени́т тя, и под криле́ Его́ наде́ешися, ору́жием обы́дет тя и́стина Его́. Не убойшися от стра́ха нощна́го,

от стрелы́ летя́щия во дни, от ве́щи во тьме преходя́щия, от сря́ща и бе́са полу́деннаго. Паде́т от страны́ твоея́ ты́сяща, и тьма одесну́ю тебе́, к тебе́ же не прибли́жится, оба́че очи́ма твои́ма смо́триши, и возда́яние гре́шников у́зриши. Яко Ты, Го́споди, упова́ние мое́; Вы́шняго положи́л еси́ прибе́жище твое́. Не прии́дет к тебе́ зло, и ра́на не прибли́жится телеси́ твоему́, я́ко Ангелом Свои́м запове́сть о тебе́, сохрани́ти тя во всех путе́х твои́х. На рука́х во́змут тя, да не когда́ преткне́ши о ка́мень но́гу твою; на а́спида и васили́ска насту́пиши, и попере́ши льва и зми́я. Яко на Мя упова́, и изба́влю и́; покры́ю и́, я́ко позна́ и́мя Мое́. Воззове́т ко Мне, и услы́шу его́, с ним есмь в ско́рби, изму́ его́, и просла́влю его́, долгото́ю дней испо́лню его́, и явлю́ ему́ спасе́ние Мое́.

ВО ВРЕМЯ БЕДСТВИЯ И ПРИ НАПАДЕНИИ ВРАГОВ

Тропарь, глас 4-й

Ско́ро предвари́, прежде даже не порабо́тимся враго́м, ху́лящим Тя и претя́щим нам, Христе́ Боже наш, погуби́ Кресто́м Твои́м борю́щия нас, да уразуме́ют, ка́ко мо́жет правосла́вных вера, моли́твами Богоро́дицы, еди́не человеколю́бче.

Кондак, глас 8-й

Возбра́нный Воево́до и Го́споди, а́да победи́телю! Яко изба́влься от ве́чныя сме́рти, похва́ль-

ная воспису́ю Ти, созда́ние и раб Твой; но я́ко име́яй милосе́рдие неизрече́нное, от вся́ких мя бед свободи́, зову́ща: Иису́се, Сыне Божий, поми́луй мя.

МОЛИТВА СВЯТОМУ МУЧЕНИКУ ИОАННУ ВОИНУ

О пресла́вный уго́дниче Христо́в Иоа́нне Воине! Храбр был еси́ в ра́тех, враго́м прогони́тель и оби́димым засту́пник, ныне же всем пра́вославным христиа́ном скорый помощник являешися. Помяни́ нас, гре́шных и недосто́йных, и заступи нас в беда́х, ско́рбех и печа́лех, и во вся́цей злей напа́сти, и от вся́каго зла́го и оби́дящаго челове́ка защити́ нас: тебе бо дана́ бысть благода́ть от Бо́га моли́тися за ны, гре́шныя, в беда́х и напастех зле стра́ждущия. Изба́ви убо нас от оби́дящих нас, бу́ди нам побо́рник кре́пок на вся ви́димыя и неви́димыя враги́ на́ша, да твое́ю по́мощию и кре́пким предста́тельством посра́мятся вси явля́ющии нам зла́я. О вели́кий побо́рниче, Иоа́нне Воине, не забу́ди нас, всегда моля́щихся тебе́ и прося́щих твоея́ по́мощи и неоску́дныя ми́лости, и сподо́би нас, гре́шных и недосто́йных, получи́ти от Бо́га неизрече́нная блага́я, я́же угото́ва Бог лю́бящим Его́, я́ко Тому подоба́ет вся́кая сла́ва, честь и поклоне́ние, Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, ны́не и при́сно и во ве́ки веко́в. Ами́нь.

МОЛИТВА СВЯТОМУ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ГЕОРГИЮ ПОБЕДОНОСЦУ

О всехвальный святы́й великому́чениче и чудотво́рче Георгие! При́зри на ны ско́рою твоею по́мощию и умоли́ человеколюбца Бо́га, да не осудит нас, гре́шных, по беззако́нием на́шим, но да сотвори́т с нами по вели́цей Своей ми́лости. Не пре́зри моле́ния на́шего, но испроси́ нам у Христа́ Бо́га на́шего тихое и богоугодное житие́, здравие же душе́вное и теле́сное, земли́ плодородие и во всем изобилие, и да не во зло обратим блага́я, да́руемая нам тобо́ю от всещедраго Бо́га, но во сла́ву свята́го и́мене Его́ и в прославление кре́пкаго твоего́ заступле́ния; да подаст Он православным христианом на сопостаты одоление и да укрепи́т отечество наше непременя́емым миром и благослове́нием; изряднее же да оградит нас святы́х Ангел Свои́х ополчением, во еже изба́витися нам, по исходе на́шем из жития́ сего́, от ко́зней лука́ваго и тяжких воздушных мыта́рств его и неосужденным предстати престо́лу Го́спода славы. Услы́ши ны, страстотерпче Христо́в Георгие, и моли́ за ны непреста́нно Триипоста́снаго Владыку всех Бо́га, да благода́тию Его́ и человеколю́бием, твоею же по́мощию и заступле́нием обрящем ми́лость, еже со Ангелы и Архангелы и все́ми святы́ми одесну́ю правосуднаго Судии́ стати и Того вы́ну сла́вити со Отцем и Святым Духом, ны́не и при́сно и во ве́ки веко́в. Ами́нь.

Подписано в печать 17.06.09. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Объем 12 п. л. Усл. печ. л. 15,48.
Гарнитура «Ньютон». Тираж 10 000 экз. Заказ № 1140.

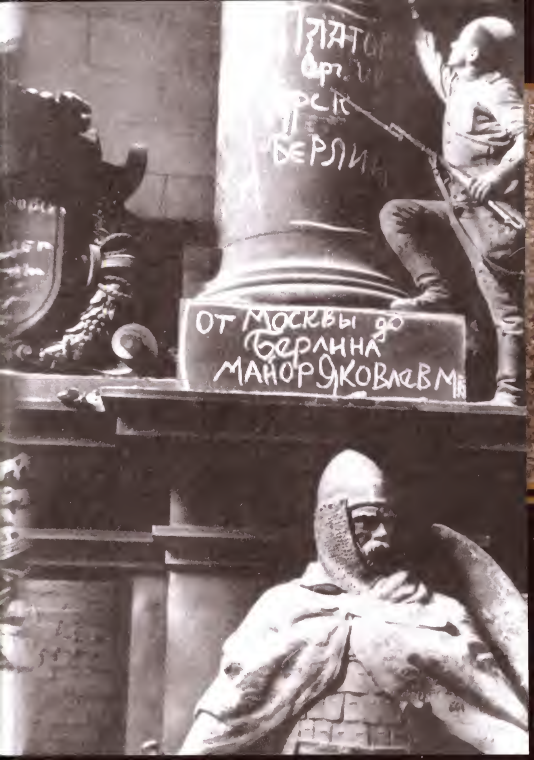
Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

От Москвы до
Берлина
МАНОР ЯКОВЛЕВ М

